

Лея проснулась, в темноте перед ней отпечатался остаточный образ ее сна, два связанных кольца светились в неподвижной тишине, как будто она слишком долго смотрела. Она долго и упорно о Звезде Смерти; о заявлениях Хана, что Люк - этот Император - пытался показать ей свою искренность в масштабе, доступном только Императору. Итак, она была на пути к очередному тайному собранию, чтобы обсудить возможность прекращения боевых действий, путешествуя на корабле, которым командовал один человек, который, казалось, сделал это своей миссией так, чтобы взволновать их.

Действительно ли Император хотел реформ для своей Империи? После той первой серии указов было мало других. Но «Звезда Смерти»... о, это было зрелище грандиозного масштаба, и Лея провела немало бессонных ночей, слушая, как Хан мирно храпит, когда она задавалась вопросом... почему только для нее? Дело в том, что тем самым он снова поставил ее в положение, в котором она была обладателем конфиденциальной информации, и он знал это.

Информация, которая, если она решит поделиться ею, проклянет ее так же сильно, как и она сама, с признанием того, что она встречалась и вела переговоры с Императором без ведома Совета. Зачем это делать? Зачем давать ей такую ключевую информацию, которую она совершенно не могла передать, когда с каждым днем поляризация Альянса усиливалась? Почему всегда давать ей достаточно информации, чтобы она была готова выслушать, например, чтобы аргументировать его причину, но никогда не достаточно, чтобы она могла использовать ее как исчерпывающее доказательство его намерений как для Альянса, так и для себя? Зачем показывать только ее, почему не всех?

Почему бы не сказать ей, почему она была единственной свидетельницей? Зачем позволять этому продолжаться в таком смятении, что ему это дало? Это было специально? Если он думал, что расширил раскол в Совете, убедив Лею занять более умеренную позицию в отношении воинствующего меньшинства, то он зря тратил время; он не мог ничего сделать извне, что могло бы разорвать Альянс на части, и он определенно знал это. Она бы этого не допустила и, конечно же, не сделает этого за него.

И все же ... все еще таился в глубине ее сознания тот момент, тот невероятный момент, когда Звезда Смерти, которая, как она была так уверена, уничтожит луну Эндора, сама взорвалась огненным взрывом, недвусмысленное неприятие имперской тирании, торжество разум и рациональность, обещание надежды, потенциала, свободы ... И все еще гудящий в глубине души Леи с тем же сиянием, от которого в то время ее сердце екнуло от восторга, была ли та же самая мысль...

О, но что, если это правда? . . . Мара в быстром темпе пересекла пустой участок тренировочного отсека на борту имперского фрегата Sol Ecliptic, зная, что опаздывает на несколько минут на боевые тренировки один на один, которые они с Люком всегда проводили, будь то во Дворце или на берегу. SSD Патриот. Сегодня их, конечно, не было, но «Сол Эклиптика» был меньшим средним фрегатом и привлек бы гораздо меньше внимания, когда прибудет на станцию Квенн для предстоящего рандеву, поэтому Люк выбрал его.

Что, однако, не исключало как обычных боевых действий, так и опоздания Мары. Люк тихо стоял в дальнем конце площадки для упражнений, глядя через узкие смотровые окна на бушующий водоворот скорости света, хотя полуклон его головы дал Маре понять, что он почувствовал ее прибытие. Он повернулся, когда она подошла к концу, и ей пришлось в голову, что он одет не для тренировок, хотя на нем не было куртки, его безупречно подогнанная льняная рубашка отражала яркие огни далеких звезд за пределами безопасности корабельных щитов, их вялое свечение. искажается гиперпространством.

Не глядя, она заметила, что две верхние застёжки его рубашки были расстегнуты, чтобы придать ему непринужденный вид, противоречащий клиническим военным условиям, и знала, что это был бы сознательный выбор, удивляясь этому. Но в последнее время это было ее постоянным состоянием. Прошло две недели с тех пор, как они поделились видением Мары, и Люк с тех пор ни разу не упомянул об этом. Зная его нежелание чувствовать себя уязвимым и осознавая интенсивность переживания, Мара хранила молчание, но становилось все труднее. У нее было так много вопросов о том, что произошло; о Силе, о ее просьбе научить ее большему ... и по крайней мере половина из них была о мужчине, который стоял перед ней сейчас, расправляя плечи, когда она медленно остановилась перед ним. "Вот." Он казался почти взволнованным, протягивая небольшую прямоугольную коробку, возможно, вдвое длиннее руки Мары и покрытую темно-зеленым гобеленом, с тонкой застёжкой сбоку.

Мара с подозрением посмотрела на него: «Если вы хотите вывести вас из боевой практики, Скайуокер, то вы зря теряете время». Люк улыбнулся, как никогда не обеспокоенный ее резким тоном: «Просто возьми эту чертову штуку». Нахмурившись, Мара взяла коробку, сразу же удивившись ее весу; это было невероятно тяжело. Она неуверенно посмотрела на него. «Вы действительно можете открыть его», - сухо сказал он. «Он не предназначен для взрыва». Мара осторожно сдвинула маленький фиксатор и подняла крышку ...

Находящийся внутри, его полированная поверхность, отражающая чисто-белую подкладку из виноградного шелка... была световым мечом. «Я сделал это для тебя», - просто сказал он. «В конце концов, тебе придется сделать свою собственную, но на данный момент этого достаточно - это лучше, чем то, что есть у тебя. Я думал, ты заслужил что-то более элегантное». Мара вытащила световой меч из обшитой шелком шкатулки, восхищаясь ощущением его в руке, идеально сбалансированным весом, который точно соответствовал ладони, рукоятку из смеси темной патинированной меди и теплого розового золота, но очень простой, очень сдержанный и изысканный, но явно ручной работы.

За все время, пока она тренировалась с Палпатином, он ни разу не дал ей ничего, кроме простой металлической трубки с двумя вставными кнопками, которые она все еще использовала, как будто он никогда не считал ее достаточно достойной, чтобы заслужить более личную вещь, как и все обученные адепты... Осознание этого быстро перевело ее взгляд на него. Люк кивнул: «Мы начнем сегодня вечером. Я научу вас всему, чему я помню, как учил меня мастер Йода, - но потом это прекращается. Я не буду учить вас превращать эту способность в доктрины ситхов». Ликующая, Мара бросилась вперед, не задумываясь обнять его, чувствуя, как он слегка смеется ей в волосы.

Она держала его в течение долгих секунд, прижавшись лицом к его шее, чувствуя пульс его горла на своих губах. "Так значит ли это, что ты мой Мастер?" - игриво пробормотала она наконец. «Нет, я думаю, это делает меня твоей слабостью». - криво сказал Люк, освобождая себя. Когда она наконец отступила, чтобы удерживать световой меч, изучая элементы управления, Люк покачал головой: «Нет, только не этим». Мара неуверенно подняла глаза, и Люк постучал по виску: «Начнем с этого». . .

Лея стояла в маленькой комнате капитана, из которой открывался вид на главный трюм «Зефира», уставшая от бессонной ночи, наблюдая за занятым организованным хаосом отряда, явно готовящегося к действию, пока она ждала Мадина. Хан уже готовил свой маленький шаттл к взлету, поездка на космическую станцию Квенн находилась менее чем в днях пути. Лея тоже очень хотела уйти, но, несмотря на ее поспешность, она была проклята, если позволила Мадину уйти, не сказав ей, что его спецназ делал на этот раз.

Подслушанные замечания предполагали, что они только что завершили сбор грузовиков во

Внутреннем Кольце, недалеко от ответвления Хайдианского и Перлемианского судоходных путей - опасно на территории Империи, - хотя она не слышала ни о каких действиях там. Внезапно ее охватил ужасный страх, что Мадин может увести «Зефир» близко к Квенну, планете, поддерживающей космическую станцию, где она встречалась с Императором. Насколько близка была его собственная миссия, чтобы их маршруты так пересекались? Что она тогда могла сделать? Как ей избежать открытия?

Ей придется отменить встречу до тех пор, пока Мадин не покинет сектор Релгим и его собственная операция не будет завершена - но тогда ее завершение наверняка вызовет в этот район имперские войска и сделает ее встречу с Люком практически невозможной. Лея покачала головой, наблюдая за занятым трюмом; нет, вероятность того, что им обоим придется находиться в одном секторе одновременно, была достаточно редка - его операция, несомненно, будет на расстоянии световых лет от Кьюнна; Во всей системе не было ничего военного значения. Тем не менее, когда Мадин наконец вошел, вихрь едва сдерживаемого ожидания и принес свои извинения за то, что удержал ее, Лея не смогла сдержать ни малейшего напряжения в своей позе, когда встретила с ним взглядом.

«Так скажи мне, Мадин, какую операцию ты проводишь на этот раз и почему именно ты считал необходимым скрыть детали от Совета?» Мадин нервно облизнул губы; было что-то, свет в его глазах сегодня, некоторая напряженность в его позе, которая намекала на редкий энтузиазм. «Простите меня, начальник секретности, но эта миссия действует уже почти год, и чем ближе она приближалась к реализации, тем больше я беспокоился об утечках. Однако сегодня я буду свидетелем ее завершения, а это значит, что страх миновал, поэтому я» Буду счастлив объяснить детали и ответить на любые ваши вопросы.

Выражение признательности. Я уверен, что вы не будете разочарованы ». Лея ждала, скрестив руки на груди, и Мадин улыбнулся той же смесью раздражительности и ожидания в его голосе, когда он продолжил. «У меня есть информатор, имперский крот. Он передает информацию уже почти год. Он высокопоставленный - во Дворце, как мы думаем - и он был источником очень полезной информации. Он дает сведения только по одному предмету. и то скупно, но то, что он дает, всегда хорошо ". "Продолжать?" «Он передает информацию об Императоре.

Его действиях, его маршрутах. И он сказал мне, что Император дважды встречался с информатором повстанцев - лично». Лея почувствовала, как ее ребра напряглись, когда воздух покинул ее легкие в медленном вдохе. "ВОЗ?" «Я не знаю. Но я знаю, что оба раза он путешествовал под прикрытием с минимальной охраной, чтобы скрыть этот факт. И я знаю, что он собирается сделать это снова... и на этот раз я готов к нему». Лея медленно села на стул перед столом, ее собственное сердце громко звучало в ушах, а Мадин продолжал, его голос был далеким гудением.

«Мы отправимся на космическую станцию Квенн, когда сбросим ваш шаттл на саму планету. Там и будет проходить операция; там Император встретится со своим контактом с минимальной охраной для ...» "Это я." - тихо сказала Лея, принимая решение. Мадин колебался; нахмурился. "Мне жаль?" «Это я - контакт, с которым он встречается, - это я».

Тишина была ужасной, Мадин оставалась неподвижной, просто глядя на нее. Лея почувствовала, как ее дыхание покидает ее в медленном, дрожащем вздохе, голова кружится. Но она не могла лгать своему собственному Совету - она не позволила Люку заставить себя. «Это я. Это было оба раза, и это сегодня». Мадин упал на свое место, закрывая глаза, и Лея ждала взрыва, которого не было - в каком-то смысле было бы легче, если бы он случился. Вместо этого прошло много секунд, прежде чем он заговорил очень тихим голосом. "Вы встречались с Императором?" «Да. Император - это Призрак». "Информатор?" «Я не знала

этого, когда пошла на встречу с ним. Я думала, что встречаюсь с...» - она замолчала, никакого подтверждения не показалось достойным.

«Я не знал, что это был он». "А во второй раз?" «Встречи... были прелюдией к перемирию, к официальным переговорам. Поэтому я согласился вернуться». "Император предлагал переговоры?" Голос Мадина был категорически недоверчивым. "В конце концов." "Ах." Тон этого короткого слова говорил о многом. «Это была возможность начать диалог». «Итак, вы вступили в ... переговоры с человеком, убившим Мон Мотму?» "Я встретился с человеком, который может остановить гражданскую войну, да. Человеком, который командует военной армией и флотом несравненной мощи.

Единственный человек в галактике, способный остановить их без единого выстрела. Человек, который может привести о демократии просто - "Демократия!" Мадин насмешливо выплюнул это слово. «Я не говорю, что верила ему, - спокойно сказала Лея. «Я говорю, что был готов выслушать то, что должен был сказать человек, способный все это осуществить. И он говорил о примирении - о переговорах». "Он понятия не имеет о словах!"

"Тогда зачем говорить их?" «Это игра - для него это все игра». Голос Мадина теперь повышался. «Вы говорите об обсуждении переговоров, мэм - даже не об этом! Возможность внешнего шанса, что обсуждение приведет к переговорам. Я говорю о гарантированной возможности отстранить Императора от должности. Ситхов от власти даже до этого игрового поля ". "... Какая?" «У нас есть шанс - реальный шанс - поймать его на станции Квенн. Подготовка шла уже год, более того». «Тебе не удержать его», - решительно сказала Лея.

«Разве вы не понимаете, он ситх. Вы не можете удерживать ситхов против их воли!» "Я могу". - сказал Мадин с абсолютной уверенностью. Лея покачала головой, и Мадин повернул автопамять на своем столе и подтолкнул ее к себе. «Чертежи камеры, которая была установлена на «Палаче». Она была построена для содержания ситхов. По-видимому, даже любимец Палпатина время от времени заходил слишком далеко». Лея взглянула на планы. «Создан для Вейдера, чтобы удерживать ситхов, а не для вас».

"Он был построен таким образом, чтобы его нельзя было сломать. Стены представляют собой две идеальные полусферы, одна внутри другой с вакуумом между ними, каждый кирпич под углом и сцеплен так, что, если вы попытаетесь раздвинуть их, связь станет сильнее, и если вы попытаетесь втягивая их внутрь, вы тянете против вакуума. Чем больше вы тянете, тем больше вакуум. Каждый кирпич специально спроектирован и изготовлен из агрегата TSC высокой плотности.

Это высокопрочный сплав военного назначения, используемый при производстве передовые бункеры, потому что их структурная целостность делает их взрывобезопасными. После того, как они установлены, ни один отдельный кирпич невозможно сломать ».

«С нами! С помощью известных нам методов!» Мадин оставался равнодушным. «У меня есть другие инструменты, чтобы держать его на месте». «Ты собираешься держать ситхов в плену, потому что у тебя есть сейф? Кто находится за пределами камеры, Мадин? Кто должен держать ключ, кто его кормит? Как получить этот сейф со станции Квенн, когда она кишит имперскими штурмовиками, потому что их Император отсутствует? Один разум - любой разум, которого он может достичь и использовать, это все, что ему нужно. " «Они не так всемогущи, как мы думаем. Есть способы превратить их в обычных людей, сделать их такими же, как мы. Я видел документы имперской разведки, к которым у Альянса никогда не было доступа. Документы, которые были доступны только высшим военным офицерам Империи, документы, которых больше не существует.

Это годы исследований, годы копания старых мифов, преданий и слухов ... у всех них есть основание; есть небольшой скрытый факт в каждом из них где-то ". «Вы не можете просто помешать ему быть тем, кем он является, Мадин». «Нет, я не могу... но я могу помешать ему действовать в соответствии с этим. Я могу изолировать его таким образом, чтобы...»

Мадин замедлился, затем замолчал. "Как?" - спросила Лея. «Я не могу вам этого сказать. Если вы пойдете на это собрание, чтобы поговорить с ним - если вы задержите его там достаточно долго, чтобы мы могли действовать - я не могу вам ничего сказать. Я уже сказал вам слишком много. Если он читает ваши мысли, ему не нужно найти ничего ценного для него. Шеф, я гарантирую вам, что я смогу его поймать и удержать. Все, что вам нужно сделать, это привлечь его - привести его к точке встречи, которую я указываю и пусть он говорит в течение пяти минут, чтобы мы могли все поставить на свои места. Это все, что мне нужно - я могу сделать все остальное ». «Нет, я не могу вмешиваться в это».

«Вы уже есть, мэм - и это рукой Императора. Вы были, когда он впервые решил попытаться выманить вас - когда он впервые связался с вами как с Призраком. Он использовал вас в течение многих лет, и пришло время отплатить за одолжение. Это возможность сделать почти идеальный план из чугуна. Втяни его, а мы сделаем все остальное ».

«Я не хочу, чтобы Альянс отвечал за разжигание анархии». «Это не приведет к анархии, это ослабит руку Империи - значительно. Это, безусловно, поставит нашу цель на всеобщее обозрение - докажет, что мы сила, с которой нужно считаться. Если вы хотите привести их к столу, тогда сделайте это с сильным арсеналом - и без ситхов у власти » «А если бы Император был единственным, кто принес бы их к столу? Что мы тогда сделали?» Мадин покачал головой.

«При всем уважении , мэй, если бы он когда - либо хотели дальнейшую демократию, он мог бы не вернуться в Империю семь лет назад. Он мог остаться здесь и служил делу свободы. Если он хочет демократии, это было прямо здесь, изо всех сил пытаюсь остаться в живых. Но он ушел; он вернулся к Палпатину и взял вас с собой. Подумайте! Подумайте, что вы делаете - вы на самом деле слушаете человека, который однажды убедил вас, что его мотивы были искренними, когда они были ложью. Ты доверяешь человеку, который передал тебя Вейдеру и Палпатину! "

Лея заколебалась, неуверенно, и Мадин понизил голос: «Мэм, он приходит к вам тайно; ни войск, ни флота ... это похоже на человека, который намерен сдержать свое слово? Это похоже на человека, который действительно желает начать переговоры, ведущие к признанию Альянса и его принципов? Почему бы не пригласить других, совет, арбитров ... зачем никого приводить, если у вас нет намерения сдержать свое слово. "А если он действительно этого хочет?"

О, это было слабо даже для ее ушей, но что еще она могла сказать? «У меня интуиция» - как наивно это звучало. «Должны ли мы устранить его от власти, даже если...» «Вы спрашиваете меня, должны ли мы устранить ситхов от власти? Да!» Лея опустила глаза, разорванная, и Мадин покачал головой, как будто чувствовал, что его заставляют заявить о вопиюще очевидном. «Ты не можешь ему доверять! Вспомни, кто он, кем он был. Вспомни, что он сделал с нами - что он сделал с Пн. И теперь ты думаешь, что можешь ему доверять? Почему?! Что случилось тем временем, чтобы убедить его приехать. к столу?

Ничего! " «Мы не можем сделать это изолированно, Мадин. Это должно быть запланировано как часть более широкой стратегии». "Мы не можем позволить себе роскоши выбирать момент в этом, мэм. Что у нас есть, впервые и, возможно, единственный раз, так это настоящий, гарантированный метод доступа к нему и удержания его. У нас есть, Впервые за многие годы появилась возможность устранить Императора, который держит галактику под деспотическим

правлением. Впервые у нас есть шанс сравнять счет, уравнять игровое поле ... это то, что мы хотим, не это? Это то, что нам нужно.

Это то, за что Мон отдал свою жизнь. Это то, за что мы все боролись - или я ошибаюсь? " «Нет... нет, генерал, вы не ошиблись, но время...» «Момент не может быть лучше, мэм. Момент идеальный. Мы прекращаем любые тайные игры, которые Император играет, чтобы связаться с вами, и мы используем эту игру против него, чтобы заманить его». Лея подняла глаза, нахмурившись, и Мадин двинулся дальше, размышляя на своих ногах. «Мы собирались отправить своего человека; связаться с Императором на частоте повстанцев, которую, как нам сказали, он использует со своим информатором, и сменить место встречи на место по нашему выбору, которое было подготовлено заранее. Не нужно полагаться на эту уловку, чтобы загнать его в ловушку. Теперь у нас есть реальный контакт, и более того, она безоговорочно лояльна Альянсу ». Мадин сделал паузу: «Вы можете изменить место встречи - вы можете ввести его. Вы хотите, чтобы все прошло гладко и безопасно?» Мадин решительно кивнула. «Тогда ты сможешь это сделать.

Ты сможешь сделать его водонепроницаемым». Лея снова посмотрела вниз, мысли забежали... «Если мы сделаем это...», она снова взглянула на Мадин стальным голосом. « Если мы сделаем это, он предстанет перед судом. Он предстанет перед судом в соответствии с признанным законом Старой Республики, с судьей и присяжными». Лицо Мадин слегка ожесточилось. «Это будет длительный, трудоемкий процесс, который...» «Он предстает перед справедливым судом». «Я не знаю, смогу ли я удерживать его так долго».

Глаза Леи сузились. "Тогда что ты имел в виду?" Мадин молчала - и это было все, что ей было нужно. «Он предстает перед судом, Мадин. Мы не убийцы. Мы боремся за восстановление справедливости... мы не имеем права ставить себя выше этого». «Это смягчающие обстоятельства, которые ...» «Нет, ничего не выходит за рамки закона, особенно здесь.

Если вам это не нравится, если вы чувствуете, что я принимаю одностороннее решение, мы можем подождать и передать его в Совет». Они молчали, взглянув друг другу в глаза... и медленно, скрежещая челюстями, Мадин вздохнула. Он знал, что, несмотря ни на что, у него было только двое сторонников в Совете, который в целом был умеренным. Никто другой не поддержал бы его, ни в этом случае - и к тому времени, когда он аргументировал свою позицию, короткое окно возможностей уже прошло. «В этом нет необходимости, мэм. Я уверен, что ваши взгляды представляют Совет в целом». «Тогда мы предали его суду». Мадин кивнул, готовый признать это - пока. «Мы предали его суду». . . .

Маленькая голограмма в комнате подготовки капитанов на борту «Зефира» вспыхнула ярким светом, появилось лицо Таг Массы. Они потеряли скорость недалеко от станции Квенн, и Лея попросила несколько минут, чтобы связаться со своим старым союзником, зная, что Таг всегда беспокоился, когда Лея ходила на такие встречи, всегда приходя к капитану любого судна, на котором Лея путешествовала незадолго до этого. и несколько раз во время таких акций.

«Лучше убедиться, - всегда говорила она. Лея знала, что она всегда заботилась о ней; всегда. Теперь Таг легко улыбнулся, его голос был как никогда уверенным и непоколебимым. «Доброе утро, мэм. Все под рукой?» Лея колебалась не более секунды, но это было все, что нужно Тагу.

«Что-то случилось, не так ли? Что-то не так». «Нет... нет, все в порядке, просто... изменение плана - большое изменение в плане». Почему она чувствовала, что признает ошибку - как будто просит отпущения грехов? «У меня здесь ничего не сообщается ...» - тревога заполнила голос Таг, ее взгляд упал на то, что должно быть экраном вне поля зрения голографического диктофона.

"Ты под угрозой?" «Нет, они... Мадин приходил ко мне сегодня утром. У него есть способ поймать Императора - способ удержать его». Тэг выпрямился, его глаза расширились. "Он уверен?" «Он кажется таким. Он не может рассказать мне подробностей, потому что это я встречаюсь с Люком, чтобы...» " Ты ?! " «Он знал Тага. Он уже знал, что кто-то встречается с Императором - это то, на чем была поставлена вся его миссия. Он просто не знал, что это был я». "Так ты ему сказал?" «Да. Об этом слишком долго молчали - мы так не работаем». Тэг подняла руки и потерла лицо, явно не в себе. "Вы должны что-то знать?"

«Я знаю, что у Мадина есть какая-то камера для задержания... вот и все. Не заставляй меня думать об этом, Тэг - я должен выбросить это из головы». Тэг с бледным лицом покачала головой. «Не делай этого. Не разрешай это и, конечно, не принимай участия». Только когда Таг сказал это, Лея поняла, почему она связалась с ней; она хотела услышать это. Она так сильно этого хотела... Лея нахмурилась, злясь на себя за то, что ей это нужно, а не на Тэга за то, что он это сказал. "Я буду в порядке." «Не делай этого - не в этот раз. Верни планы, пусть Совет их увидит, пусть они будут проверены и одобрены. Не делай этого сейчас». «Это должно быть сейчас, все на месте. Могут пройти месяцы, даже годы, прежде чем у нас появится еще один шанс». «А как насчет переговоров? Вы сами сказали, что он казался искренним. Вы собираетесь выбросить все ради другого плана Мадина, о котором вы ничего не знаете. В нем может быть сотня дыр; он может быть усеян недостатками . " «Я очень сомневаюсь в этом с Мудином».

«Нет? Как фиаско на верфях Фондора? Мы до сих пор даже не знаем, зачем это было!» «TSC, - сказала Лея. - Это было для TSC. Это военный агрегат, который им нужен, чтобы построить эту камеру содержания - у них есть некоторые в Фондоре ". Тэг моргнул, но не сорвался с рельсов. "Откуда вообще взялся план?" «Очевидно, это уже некоторое время готовится». Тэг снова смотрел, очевидно, на ее экран: «У меня все еще нет никаких отклонений от заранее подготовленного плана Зефира, перечисленного здесь; у меня он запланирован как выполнение миссии снабжения во Внутреннем Кольце. Это возмутительно - он не может продолжать работать в этих условиях! "

Ее глаза метнулись к линзе: «Мэм, пожалуйста, передумайте - просто задержка. Попросите Мадин прислать мне копию плана прямо сейчас. Подождите, пока я не просмотрю ее». «У нас больше нет времени». Тэг почти встал, такова была ее тревога. «Вы говорите о похищении Императора - Императора! Ответ будет невероятным! Вы уверены, что это правильное действие? Мадин понятия не имеет, он понятия не имеет, что он пытается сделать. Если он предпримет эту попытку - если вы позволили ему, и он потерпел неудачу, как вы думаете, какой будет ответ? " «А если ему это удастся? Подумай, что мы сделали...» «Я», - серьезно сказал Тэг. «Потому что в любом случае вы бросите свою судьбу - а значит, и весь Альянс - на сторону радикалов. От этого нет выхода».

В дверь готовой комнаты тихо постучали, и Лея подняла голову. Из-за пределов доносился приглушенный голос второго лейтенанта: «Мэм, мы только что выбрали фрегат, выходящий на орбиту - кореллианский боевой корабль DP-20 - генерал думает, что это наша птица. Нам нужно стать черным». «Я должен идти, Тэг». - быстро сказала Лея, внезапно разорванная. «Лея! Подумай о том, что я сказал, пожалуйста - и отправь мне планы».

«Мы темнее». «Пожалуйста, передайте их раньше». "Я буду я обещаю." Лея прервала связь, поднялась, чтобы вернуться к мосту ... у двери она остановилась, бледное, пораженное лицо Тэга снова пришло ей в голову; «Не делай этого. Не разрешай это и, конечно, не принимай участия». Неужели именно поэтому Лея связалась с ней - услышать, как кто-то сказал эти слова, чтобы получить такое оправдание? Потому что она уже хотела услышать кто - то сказать, она знала , что сейчас. Она действительно хотела услышать это. . .

Мадин немного замедлился в своем переходе через трюм, когда увидел, что Соло прислонился к входу в шаттл, который он будет использовать, чтобы спустить Шефа Органу на поверхность, но он не остановился и не изменил курс. Кореллианец, конечно, знал, что происходит; Мадин услышала повышенные голоса до того, как Органа посадила его на шаттл и закрыла входной люк, и прошло добрых полчаса, прежде чем она снова вышла одна.

Что именно было сказано, Мадин не знал, но Соло провела промежуточный период, прячась рядом с шаттлом с лицом, похожим на гром, а Шеф нашел сто и одну причину оставаться рядом с мостом, реорганизовав небольшую группу охранников, которых она возьмет с собой, чтобы Соло остался с шаттлом. Очевидно, он не одобрял, но он также не хотел оставлять Шефа позади;

Жаль - Мадин питал личную надежду, что соучастие Шефа может оказаться слишком большим для Соло и что он наконец выбежит отсюда на своем дряхлом старом грузовом судне и больше не вернется. Хотя это не имело значения; что имело значение, так это то, что план Мадина не только реализовывался, но и выполнялся теперь при содействии начальника штаба. Все было в порядке, и пока Лея Органа сдерживала свое слово, все шло по цифрам.

Что она и сделает; Органа, по мнению Мадин, была слишком молода и слишком идеалистична, чтобы занимать занимаемую ею позицию, но у нее, по крайней мере, было политическое чутье, чтобы знать, что нельзя отступать без справедливого предупреждения, как только она дала слово ... хотя на всякий случай, Мадин изо всех сил старался оставаться недоступным, и будет оставаться таким, пока Органа не покинет корабль.

Краем поля зрения Мадин увидел, как Соло поднял подбородок, и не удивился, когда контрабандист заговорил, выпрямившись. «Небольшой совет, генерал». Мадин подумывал пройти мимо, не останавливаясь, но не мог заставить себя позволить кореллианцу подумать, что его напугали. Поэтому он остановился, повернувшись к Соло. "Вам есть что сказать, пилот?" «Просто небольшой дружеский совет, генерал - мы все можем время от времени использовать его, да?» «Я не думаю, что у тебя есть что сказать мне, Соло».

«Я больно - и думать, что только начало этого года вы были Теллином меня, как мы были очень похожи, что это то, что вы сказали, не так ли?» Соло щелкнул пальцами в притворном понимании: «О, но это было тогда, когда вы пытались получить подробности о камере на борту «Палача», не так ли?» Мадин стиснул челюсть, но ничего не сказал, пока Соло продолжал, подталкиваясь сделать несколько шагов вперед, воплощение непринужденной дружбы под сердцевинной жесткой вражды. «Но ты знаешь, что странно?»

Не думаю, что это было так далеко от истины - у меня есть кое-что общее даже с такими, как ты. Видишь ли, я вижу, откуда ты во всем этом. "Глаза Мадин сузились, но Соло кивнул, продолжая нажимать. «На самом деле, я могу. Я вижу, где все это развалилось... понимаете, вы потеряли Мотму, и она была вашей совестью. Она все это держала под контролем, хранила все плохое, и я знаю, на что это похоже. Кроме этого У меня все еще есть Лея.

Я знаю, что сойду с ума, если потеряю ее, что я буду искать такую же месть, такую же расплату, как и ты сейчас ... " Соло медленно покачал головой. она боролась, просто чтобы дать мне шанс причинить кому-нибудь боль ". Губы Мадина сжались в тонкую линию, глаза сузились. «Ты не знал Мон, как я, и если ты хоть на мгновение заявишь, что иначе, я поставлю тебя там, где ты стоишь, Соло». «Нет, я этого не делал. Но я знал ее достаточно хорошо, чтобы знать, что она никогда бы не согласилась на это». «Она бы сразу же записала свое имя, чтобы получить шанс уничтожить этого сына ситха». «Не тогда, когда впереди были мирные переговоры». «Пожалуйста! Вы не настолько наивны». «Нет, я не - и я думаю, что они

настоящие. О чем это вам говорит?» «Ничего большего, чем я не всегда знал». Мадин оглядел Соло с ног до головы, когда он подошел ближе, и тот выпрямился, оба мужчины хотели запугать друг друга. «Вы меня слушаете - вы делаете один шаг, чтобы помешать этому, и вам грозит военный трибунал...»

"Не волнуйся, Мадин, я дал свое слово тому, с кем я хотел бы сдержать его. Хотя это последний раз ... это он. Я закончил с грязными маленькими играми, которые ты и твои приятели играют. Я больше не думаю, что у тебя есть карт-бланш, чтобы просто втянуть кого-нибудь в свою маленькую войну ». «Вы знаете, где находится дверь». Соло грубо рассмеялся: «Серьезно?! Ты серьезно думаешь, что я остаюсь здесь ради тебя? Думаешь, мне наплевать на твой маленький клуб и на то, летит он или падает? Ты думаешь, мне наплевать на все, что ты говоришь?» «Учитывая, что я ваш старший офицер, вам следует».

«Да ладно, я не слишком хорошо отношусь к власти». «Я так понимаю... это то, что они написали в вашем отчете в Кариде?» Соло склонил голову. "Я не знаю - это то, что они написали на твоём?" Мадин скрестил руки: «Они написали:« Скорее всего, далеко пойдут » ». «Да? Они упоминают, в какую сторону? У меня есть сотня мест, куда я могу пойти, сотня людей, которые мне помогут. Куда бы вы пошли, Мадин? Кто бы помог вам в кризисной ситуации? Вы здесь, потому что у вас есть не-никуда еще идти; это правда. Помните это ".

«Я здесь, потому что верю в демократию». «Правда? Сколько людей должно проголосовать за то, прошла ли твоя последняя маленькая схватка на обиду? Давай посмотрим... ты...» Соло закатил глаза, пародируя пересчет на пальцах, теперь хмурясь. «Хорошо, вот и все, я уйду. Думаю, в основном это был только ты ». "И меня это должно беспокоить?" "Кому ты рассказываешь?" «Меня беспокоит, что я прав - что у меня есть убеждение продвигать свое видение вперед? Нет - неудивительно». «О, - Соло сухо склонил голову, - осторожный Мадин; звучит немного... ну, как имперский там. Ты знаешь старую максиму; будь осторожен, сражаясь со своим врагом, ты не станешь им».

«Я не думаю, что в этом есть опасность». Хан снова щелкнул пальцами: «О нет, ты уже был прав ». «Мне не стыдно за свое прошлое Соло. Это дало мне силу моих убеждений сегодня. Дало мне навыки, чтобы подкрепить их. Дало мне знания и опыт, чтобы делать твердые суждения; смелые».

Мадин оглядел Соло с ног до головы, подводя итоги и отмахиваясь от него одним и тем же взглядом. «Я всю свою жизнь в Империи имел дело с такими людьми, как ты; с отбросами и подонками, которые просто не уйдут; которые просто собираются на окраинах общества, как отбросы». «Нам придется пойти и найти вам новую пару сапог имперского образца, чтобы в скором времени утопать в ней, передавая закон». "Потому что я знаю таких, как вы, такими, какие вы есть?" Соло снова выпрямился, небрежно положив руку на рукоятку бластера.

«Не знаю, может ты и прав; я какое-то время бродил с подонками, жил среди них. Мне там вроде как нравится». "Чувствуете себя как дома?" - протянул Мадин. «Довольно», - кивнул Соло без обид. «Большинство из них люди лучше, чем средний имперский офицер. По крайней мере, если они собираются нанести удар вам в спину, у них хватит смелости подойти к вашему лицу и сначала показать вам вибролезвие. не издаю много шума и волн.

Люди вроде меня ... ну, мы не занимаемся всем этим. Мы просто указываем и нажимаем на людей, понимаете? Знаешь, это не показывает этого. Никаких угроз, просто факты ". «Ближе к делу, Соло». "Дело в том, что вы испытываете мое терпение. Вы подвергаете риску тех, кто мне небезразличен, а мне это не нравится. Вы настраиваете их друг против друга для своей собственной маленькой войны и используете трипсы вины и силовые игры. держать их там ... и

мне это действительно не нравится ".

Мадин чуть не рассмеялся: «Ты угрожаешь мне ... тебе?! Какой-то посредственный, захолустный контрабандист с иллюзиями собственной важности. Если бы не Органа, я бы поставил тебя перед расстрелом шесть лет назад, потому что компания, которую ты составлял ". Соло даже не моргнул. «Вы знаете, что действительно печально, я вам верю. Но позвольте мне дать вам небольшой совет - над чем подумать». «Мне не нужен твой совет, Соло - и поверь мне, твои умные угрозы напрасны на меня». Краешек улыбки тронул губы Хана.

«Тебе не нужен совет, это нормально, я вижу, откуда ты». Соло медленно выпрямился, предупреждающе наклонившись вперед. «Но поверьте мне, когда я говорю, что вы находитесь на очень каменистой земле, Мадин, и слушайте меня, когда я говорю это, потому что это последний совет, который я вам когда-либо дам; не заставляйте меня идти за вами. для Леи, а не для Скайюкера, ни для кого.

Мне не нравится то, что вы делаете - я думаю, что это закулисно, и я думаю, что это грязно, и если бы это было на мое усмотрение, этого бы не произошло. Вы, я обещаю Вы, едва по правую руку от меня, терпите вас, и это очень тонкая линия. Это спусковой крючок для шпильки. Так что мой совет: не испытывайте удачу. Лея на линии огня и не испытывай удачу со Скайюкером. Если вам удастся поймать его - и это старое, если - не позволяйте мне слышать ничего, что мне не нравится в его обращении. Не позволяйте с ним случаться, если вы недовольны тем, что кто-то другой делает с вами, потому что поверьте мне, кто-то будет. «Это единственный раз, когда я скажу это; не делай из меня врага, Мадин. Не заставляй меня преследовать тебя». Соло отвернулся, не сводя глаз с Мадина, его последнее замечание превратилось в низкое рычание, когда он медленно ушел. «Это, поверьте мне, один из лучших советов, которые вы когда-либо получите».

Натан молча сидел за широким столом капитанов, переставляя предметы на нем, как он имел обыкновение делать, в то время как Люк стоял в дальнем конце комнаты, глядя в чернильную темноту без комментариев, глядя на вырисовывающуюся громаду космической станции Квенн. а также рои малых и средних грузовых кораблей, крейсеров, фрегатов и яхт, которые в явном хаотическом беспорядке висели вокруг него, не пугаясь относительной легкости Солнечной Эклиптики, тщательно спроектированной, чтобы быть единственным имперским присутствием здесь сегодня. По мнению Натана, утро было неожиданно загруженным.

Что ж, они действительно ожидали, что сегодняшний день будет беспокойным, но события приняли неожиданный оборот, когда за менее чем три часа до их встречи Органа отправила короткое сообщение по защищенному каналу, который она использовала с Люком, и назвала новое место, почти на противоположной стороне вокзала. Она передала все закодированные заверения в том, что все в порядке, и сама станция не сообщала о какой-либо заметной активности, но она все же вызвала волну активности на борту

«Солнечной эклиптики». Небольшая команда находилась на станции уже пять дней, наблюдая за ней, и они совершили прогулку по новому месту, старому среднеразмерному сухогрузу класса VI в одном из обширных доков длительного пребывания на нижних уровнях Станция. В записях было указано, что Wasp в течение последних двух месяцев находился в одной и той же причале с полной атмосферой в ремонте, и проходящий мимо в значительной степени подтвердил это, несколько механиков, слонявшихся по заливу, и основные субсветовые приводы были разобраны и разложены поперек. большой этаж залива.

После короткого обсуждения они решили продолжить встречу, разместив около дюжины дополнительных оперативников в штатском рядом с заливом. Натан также знал, что, не

спрашивая разрешения, Рис разместил еще две дюжины операторов в штатском в этом районе и вокруг него и теперь проводил время, изо всех сил стараясь избежать близости с Люком, предположительно на случай, если Люк отсеял этот факт из своих мыслей. К счастью, Люк еще этого не заметил; он был... отвлечен в последние несколько дней, по мнению Натана, и имел достаточно проблем на своей тарелке без неожиданной смены места встречи этим утром, решение которой теперь занимало все его внимание.

Помимо этого, Натан чертовски хорошо знал, что у Люка все еще будет значительная часть своих мыслей о подготовке к следующему раунду с Лейей Органа, следя за более крупными событиями и тем, как встреча вписывается в его собственный план. Вдобавок к этому его нынешнее тонкое, сдержанное ухаживание за королевскими домами и его знание о том, что скоро будет обнародован еще один раунд указов, которые еще больше ослабят конституцию, наряду со всеми обычными беспорядками, которые породили ... в уме Люка тоже был бы Д'Арка.

Что бы он ни говорил вслух, Натан чертовски хорошо знал, что Люк чувствовал себя виноватым из-за Кириа Д'Арка; но он также знал, что что-то произошло за последний месяц, что как-то изменило взгляд Люка на нее - чтобы смягчить его. Он спокойно наблюдал за ними в течение последних нескольких месяцев после «свадьбы», пока они обходили друг друга и заключали сделку, и на первый взгляд это казалось чисто деловым, но Натан имел малейшее сомнение, что Д'Арка видел все именно таким. Она определенно, похоже, проводила много времени в перерывах между публичными выступлениями, незаметно вторгаясь в жизнь Люка, достаточно умен, чтобы двигаться в его темпе.

Недавно она даже появилась на двух групповых тренировках. Эти тренировочные занятия проводились два раза в неделю, когда Люк и несколько изблюбленных и способных дуэлянтов, в том числе Мара, проводили поединки на световых мечах с тренировочными саблями в невероятном темпе. Люк часто тренировался с дроидами для большей скорости и ловкости, но все же предпочитал непредсказуемость разумных противников.

Натан часто ухаживал за ходячими ранеными после этих занятий и видел травмы; имитировали лезвия или нет, но они вынимали куски друг из друга, и, казалось, никто этого не замечал, снова и снова напоминая Натану о том, насколько нежелательным было любое упражнение, кроме самого степенного, на самом деле. В его собственном понимании это была деликатная мелочь, к которой нужно было относиться с максимальной осторожностью. Идея спорта Натана заключалась в том, чтобы сделать ставку в обе стороны на мадригские гонки на открытой трассе в сезон гонок, а затем вернуться на трибуны с его макробинокль и охлажденный билини.

Само собой разумеется, что Мара не очень хорошо восприняла недавние выступления Кириа Д'Арка. На самом деле, Натан не раз задавался вопросом, стоит ли ему попытаться незаметно встать позади нее и просто осторожно взять световой меч из ее руки, боясь, что при малейшей провокации иссушающие взгляды не будут единственной вещью, в которую Мара бросает Императрица. Мара ...

что-то там тоже изменилось за последний день или около того - в том, как Люк обращался с ней, и как он наблюдал за ней, когда она не знала об этом. Люк тренировал ее - Натан знал это, хотя сомневался, что кто-то еще делает - так что, возможно, его кажущаяся защита ее была связана с этим... но опять же, возможно, нет; Мара никогда не считала Натана человеком, нуждающимся в защите. Может сдерживаться ...

Его мысли, естественно, вернулись к Кирие Д'Арке, которая осталась на Корусанте, как она

всегда делала, когда Люк путешествовал со своим флотом. Несмотря на свое новое доверие, Люк все еще держал Императрицу вне своей свиты, хотя Натан не удивился бы, если бы это изменилось; несмотря на внимательное отношение Люка к Маре, Д'Арка все еще решительно продвигала свой личный график - и почему-то Натан не считал Мару частью этого.

Да; между камнем и наковальней застрял мужчина ... надо признать, что это была проблема, из-за которой многие другие мужчины отдали бы свои глаза - никогда не позволяйте говорить, что Люк не любил сильных женщин, которые один день, чтобы подчинить миры своей воле - но все же ... Его безмолвные размышления прервали, когда рыжеволосая сторона этой особенно сложной проблемы вошла в комнату рядом с Рисом, Мара одарила Натана коротким кивком, а Люк повернулся и хмуро посмотрел на нее.

"Почему ты в боевой форме?" Мара посмотрела вниз: «Нет». «Вы в штатском, и у вас есть бластер, виброплита и световой меч». Натан осмотрел ее с головы до ног; на ней был приталенный жилет без рукавов из шоколадно-коричневой кожи и темные прострочки в леггинсах с коричневыми сапогами до колен со шнуровкой и пряжками, на плоской подошве, подходящей для ударов ногами и скоростных погоней. На ней не было ни одной свободной одежды, даже волосы были заплетены назад. Как именно она скрывала этот небольшой арсенал, он не знал - возможно, это был ваш первый урок в классе убийц.

Он потратил годы своего становления на то, чтобы научиться шивать людей, а она потратила свои годы на обучение... ну, совсем наоборот. Мара даже не удосужилась спросить Люка, откуда он это узнал - очевидно, это должно быть дело Силы, криво подумал Натан. «Что ж, мы должны приехать на станцию Квенн в...» "Я не вы." Натан почти вздрогнул; если Люку нравились упрямые женщины, то он все равно не боялся отдавать им приказы. Мара нахмурилась: «Я всегда приду». "Не в этот раз." "Почему?" «Это слишком опасно». Снова Натан подавил вздрагивание; теперь он просто пытался вернуть ее обратно. «Опасно? Что опасно, оставлять тебя одного. Почему мне не уйти?»

Люк ненадолго колебался, его тон был дружелюбным, но решительным. «Ты справишься, Мара». Рис выступил вперед - глупо или храбро, Натан не мог решить, что именно - в дипломатической попытке сгладить ситуацию. «Император прав, командир Джейд». "Точка?" Мара повернулась к Рису. «Я бы подумал, что дело в том, что я его телохранитель, и это сложно сделать с расстояния в две тысячи кликов». «Вы также старший помощник и...»

«Пожалуйста», она закатила глаза, скрестив руки. «Вы - старший помощник», - неустрашимо продолжил Рис. «Во-первых, для тебя не годится быть...» Мара наклонила голову: «Не... не начинай цитировать мне числа, Рис». «Я просто констатирую факты; будучи вторым в очереди на престол, с точки зрения логистики, вы и Император не должны...» «Хорошо, я отказываюсь от этой должности». "Будь благоразумен."

«Я веду себя разумно. Кто идет с ним, если не я?» «У командера Клема есть несколько исключительных...» «Пожалуйста! Принесите их сюда сейчас и оставьте нас в покое на одну минуту. Посмотрим, кто выйдет из этой комнаты, а кто на полу». Голос Люка был тихим, но решимость в нем вскружила всем головы. «Ты не пойдешь, Мара, это конец - это не обсуждение. Я возьму Вассиго». Натан слегка выпрямился на стуле, и Мара взглянула на него, нахмурившись. Заговорщицким ободряющим кивком он указал на дверь, и, поджав губы, Мара на этот раз выбрала более политический вариант и повернулась, чтобы уйти, Рис последовал за ней, несомненно, чтобы сообщить Вассиго об изменении в планах - и остаться в тени Люка. Натан криво подумал. .

Поскольку комната пуста, кроме него самого и Люка, Натан знал, что у него больше шансов. А

поскольку Люк, вероятно, уже знал его намерения, не было особого смысла увиливать. «Могу я спросить, почему именно вы исключаете Мару?» - тихо спросил он. "Нет." Люк сказал просто.

"Ах." Молчание длилось долгие минуты, в течение которых Люк решительно смотрел в иллюминатор, сцепив руки друг с другом за спиной, так сильно, что его суставы побелели. Натан снова переставил предметы на столе Люка, небрежно взглянув на характеристики Осы, чей идентификатор и тип грузового судна были загружены в файлы Эклиптики; если Лея Органа использовала его для встречи, то это означало, что это было грузовое судно, принадлежащее повстанцам, и его характеристики регистрировались как таковые по всей военной сети Империи. Чего бы еще Люк ни надеялся достичь в своих отношениях с повстанцами, он все еще оставался реалистом; Корабль повстанцев был кораблем повстанцев, а информация была разведкой.

Мысли Натха вернулись к Маре. "Это связано с твоим обучением ее?" "Нет." «Ну, тогда я в замешательстве. Вы ей доверяете, не так ли?» «Натан...» теперь в голосе Люка прозвучало предупреждение, но Натан просто воспринял это как означающее, что он приближается к истине, и продолжил, осознавая, что часто он был единственным голосом истины; единственный, кто толкнул Люка. «Вы хотите знать, почему вы не можете доверять Маре? Это потому, что вы не простили ей смерть отца, и вы не можете этого сделать, потому что, чтобы сделать это, вам также нужно простить себя за по тем же причинам ".

«Это не...» "Нет, выслушай меня. Тебе не нравится Мара, это очевидно; если бы ты это сделал, ее бы давно не было, но она все еще здесь. Я не знаю, что она сделала, и правда в том, что я не «Не думаю, что это имеет значение - и вы тоже. Важно то, что вы сделали - или что, по вашему мнению, вы сделали. Это потому, что вы держите ее на расстоянии вытянутой руки; вам не нравится то, что вы сделали». Люк беспокойно посмотрел вниз, но Натан продолжил.

«Я знаю тебя, клянусь, я знаю тебя лучше, чем иногда Риса, и я знаю, что ты винишь себя за то, что произошло в тот день, не так ли? На самом деле, даже не отвечаю, потому что я знаю, что прав . " «Я знаю, что это не была вина Мары». - тихо сказал Люк. Да, он был глубоко ранен действиями Мары, но он знал Палпатины, знал силовые игры и тонкие игры, которые его старый Учитель всегда сочетал с таким разрушительным эффектом.

По правде говоря, это не была вина Мары; это было его, навсегда сказать ей. Он был ответственен за смерть своего отца, он знал это абсолютно. «Люк, это тоже не твоя вина. Но пока ты не примешь, что твой отец принял собственное решение по своей доброй воле, ты всегда будешь считать себя ответственным. Ты сам сказал, что ссоры не было, что это был единственный удар. Я думаю, что он дрался не по какой-то причине,

Люк; я думаю, он хотел передать это сообщение тебе - что он решил освободить твои руки. Он мог сражаться, он мог попытаться сбежать, но он выбрал свой Путь. Не умаляйте этого, считая себя или кого-либо еще ответственным. Дайте ему это, это требование, эту решимость, это решение. Дайте ему это и гордитесь им - потому что это то, чего он хотел бы ». Люк покачал головой, отступая. «Я не могу сделать это сейчас.

Мне нужно идти». «Позвольте мне прийти». Натан поднялся и обошел стол, прежде чем осознал это, зная, что здесь что-то происходит, что какой-то новый факт беспокоит Люка больше, чем он мог бы признать. "Нет." "Почему?" Люк внимательно посмотрел на своего друга; нервозность на его лице и его чувство, напряжение, исходящее от него сейчас, хотя он старался оставаться небрежным. Он знал, что что-то происходит; если бы он этого не сделал, он не был бы Натхом. Если бы он знал правду о Рисе... что бы он сделал?

Если он знал правду о Маре... знала ли она себя? «Не в этот раз, Нат». "Почему бы и нет?" Голос Натана дрожал, таково было его разочарование, но Люк все еще не мог заставить себя сказать это вслух, только не Натану. Он отвернулся, вспомнив тонкую линию, по которой он ступил. Искушение спросить Натана, даже косвенно, о действиях Риса пылало; Если бы кто-нибудь заметил какое-либо изменение или необычное поведение, если бы кто-нибудь имел хоть малейшую подсказку относительно того, что планировал Рис, то это был бы Натан. Но из всех, Люк больше всего зависел от Натана, несмотря на отношения своего друга с Рисом. Он не мог поставить Натану в такое положение; не стал бы использовать его без ведома Натану и, конечно же, не поставил бы его в положение, когда ему пришлось бы выбирать сторону. Когда у него будут доказательства, он расскажет Натану. Тогда он мог это сделать. Когда у него будет независимое доказательство, Натан поймет, что это не Люк; что он не участвовал в этом.

У Люка осталось слишком мало, чтобы рискнуть из-за предательства Риса. Он не потерял бы Натана, когда потерял Риса, он не мог допустить этого, не стал бы рисковать. Любой личный риск меркнет перед окончательной потерей дружбы. «Нат... просто... будь осторожен. Будь осторожен, кому ты доверяешь, хорошо? Здесь все может измениться так быстро, ты это знаешь, и я не хочу, чтобы ты оказался посреди этого». Натан нахмурился, покачивая головой: «Вы и Вез, с вашими секретами и интригами, что вы готовите сейчас? Он сказал мне примерно то же самое вчера, вы знаете?»

Натан долгие секунды изучал Люка, пока тот смотрел в никуда, тяжелый хмурый взгляд затемнял тени вокруг глаз, уже затененных слишком малым сном, его сдержанное молчание было замкнутым и хрупким. Вздохнув, Натан искал новый прием, отвел взгляд и полностью скрыл свое обеспокоенное лицо, когда он с преувеличенной легкостью откинулся на стол, выдергивая предмет из воздуха, чем мрачнее, тем лучше. «Так когда же ты отдашь мне мой собственный звездный разрушитель?» Люк повернулся, вырванный из задумчивости неожиданным: «Что?» «Моя собственная», - беспечно усмехнулся Натан.

«Вы продолжаете строить их и отдавать военным своего флота... когда я его получу?» Люк смотрел на него долгие секунды, но уловка сработала, его задумчивое настроение сломалось, и он покачал головой, подавляя улыбку. На полке в дальнем конце зала для готовок стояла обычная демонстрация масштабных моделей типов кораблей, и Люк взял тяжелую, мелкую отлитую копию звездного разрушителя и пошел назад, протянув увеличенную в ладонь модель. замысловато-детализированная модель Натану:

«Вот. Дай мне знать, когда у тебя будет церемония присвоения имен». Натан уставился на нее: «Я думал о чем-то более крупном». «Вот что я тебе скажу, - добродушно сказал Люк, - если ты не сломал это или не потерял за пять лет, я подумаю об этом». "Вы на." - храбро сказал Натан. Люк смотрел на него слишком долго, подняв глаза Натана. "Какая?" "Вы думали о моем предложении?" "Какое предложение?" «Я просил вас подумать о том, чтобы стать дипломатом». Натан нахмурился: «Ты серьезно? Я так не думал». «Конечно, я был серьезен». «Я не хочу быть дипломатом. Я тоже не хочу быть на флоте, вдобавок к этому. Что плохого в том, чтобы быть вашим врачом?» «Ты не мой врач, ты старший помощник». Натан склонил голову: «Тогда почему я тот, кто всегда тебя зашивает?»

«Я серьезно. Мне просто... мне нужны люди, которым я могу доверять на руководящих должностях, Нат. Мне нужны такие люди, как ты». «Я нужен тебе, чтобы держать тебя в целостности». «Я могу найти сотню медиков - ты для меня дороже этого. Все меняется, Нат». Натан взглянул вниз: «Ты что-то мне не говоришь?» "Да." - просто сказал Люк, потом отвел взгляд, явно обеспокоенный. «Вез... нервничает. Он беспокоится, знаете ли; он не спит перед этими собраниями... он не спал всю неделю. Он думает, что есть вещи, о которых вы нам не говорите.

Важные вещи». "Есть." Люк вздохнул: «Я не доверяю тебе, Натан, дело не в этом. Но это ... это слишком глубоко. Это то, что я должен допустить; это должно идти своим чередом. Любое меньшее всегда оставило бы сомнения ... здесь и где-то еще. . " «А что это его курс?» «Этого я не знаю. Но когда это произойдет, я знаю, вы поймете, почему». "Но еще нет?" Люк глубоко вздохнул: «Я не исключаю тебя без уважительной причины. Я бы никогда этого не сделал, ты же знаешь, не так ли?» "Да." «Тогда ты понимаешь, что меня это не устраивает, но это то, что я должен сделать. Это должно закончиться, потому что, если я вмешаюсь сейчас, чтобы остановить это, это всегда будет между нами, понимаете?»

«Нет, я не понимаю», - спокойно сказал Натан. «Но я принимаю это». "Спасибо." Люк сел за свой стол, чтобы изучить находящийся там авто-читатель, тон его голоса указывал на то, что он считал, что вопрос решен, но, как всегда, Натана не так-то легко было пустить под откос. «Я просто... я волнуюсь». "Обо мне?" Люк поднял глаза, чтобы сверкнуть той юношеской улыбкой, за которой он так часто прятался. «Не беспокойся обо мне, Нат.

Я защищен от бомб». Натан позволил себе легкую улыбку: «Знаешь, иногда мне кажется, что ты имеешь место. А потом я вспоминаю, что есть только одна вещь, которая может разорвать тебя на части... и это ты. И я помню, насколько ты готов к этому. ты был в прошлом, когда настроение уносит тебя. Видишь ли, я полностью доверяю тебе, во всем - кроме этого. И ничто из того, что ты сказал сегодня, меня не успокаивает.

На самом деле это заставляет меня волноваться еще больше ». Люк отвел взгляд, чувствуя себя неловко перед пронизательной оценкой друга. «Убирайтесь отсюда, мне поскорее идти, а я еще даже не изучил компоновку этого чертового грузового корабля». Натан отправился в путь, и Люк снова заговорил: «И подумайте о том, о чем я просил - о том, чтобы занять новую должность».

«Я подумаю, если ты возьмешь с собой Мару». Люк долго колебался, поэтому Натан продолжил. "Несправедливо оставлять ее здесь, если ты даже не собираешься объяснять ей причину, и ты это знаешь. Либо возьми ее, либо скажи почему - и не смотри на меня таким безмолвным взглядом, потому что, если это не сработает на меня, то уж точно не сработает на Маре ". Люк по-прежнему молчал, поэтому Натан сыграл своего нового туза; «Считайте это моей проверкой моего собственного дипломатического потенциала». Люк глубоко вздохнул, запустив пальцы в непослушные волосы. «Хорошо, ты выигрываешь», - он резко поднял глаза, - «на этот раз.

Но это все - это последний раз». Натан сделал шаг назад к Люку и выдвинул стул напротив его стола. «Могу я спросить, что вызвало эту новую полосу осторожности?» «Нет - и больше не садись». Натан все равно сел, озабоченно сузив глаза. «Видишь ли, если бы это было заботой о тебе, я был бы скорее доволен, признаюсь. Но если предположить, что Мара не более чем способна заботиться о себе... Я не могу не думать, что это полная противоположность здоровью». «Почему сегодня все одержимы Марой?» Натан знал Люка достаточно хорошо, чтобы распознать его избегание торговой марки, когда он это услышал; отвечая на вопрос другим вопросом. «Никто - кроме тебя».

"Нет, я не - и почему ты села?" "Ты забираешь Мару?" Люк снова вздохнул и наконец сдался. «Да, я возьму Мару. Но с сегодняшнего дня она должна быть выведена из строя в качестве телохранителя». Натан замолчал, потрясенный: «Вы хотите уволить ее?» «Нет! Нет ... но я хочу, чтобы она заняла менее опасное положение, я хочу, чтобы она ушла с линии фронта. Положите на это Веза; он, кажется, чувствует, что в данный момент имеет какой-то личный интерес. ее доступ уменьшился, и я не хочу, чтобы ее нынешний статус уменьшался ... во всяком случае, я бы хотел, чтобы он увеличился. У нее всегда были неофициальные

полномочия, равные уровню Риса - давайте сделаем это формально.

Давайте сделаем ее кем-то, кто, вероятно, станет следующей в соответствии с тронem; давайте облегчим это. Скажите Везу, чтобы он установил это на месте, и я разрешу любые изменения, когда вернусь ". Натан чувствовал, что в словах Люка было что-то глубоко обнадеживающее, что рассеяло все прежние заботы; что его забота о Маре не изменилась, его близость не померкла. За все время, что Натан знал их, Люк и Мара пережили самые непостоянные, непредсказуемые, бурные и категорически опасные отношения, которые Натан когда-либо знал, но мысль о том, что они должны закончиться, казалась ему сейчас совершенно невыносимой. Пока они были вместе, со Вселенной на каком-то базовом, фундаментальном уровне все было в порядке. Со всем остальным можно было разобраться.

Он улыбнулся, вставая, аккуратно щелкнув каблуками в коротком поклоне, прежде чем повернуться к двери. Люк позволил ему дотянуться до него, прежде чем он заговорил. «Нат... ты что-нибудь забыл?» Натан неуверенно нахмурился, и Люк многозначительно взглянул на модель Звездного Разрушителя, все еще лежавшую на его столе. Нат отступил на два шага, когда Люк взял эсминец и швырнул его изнутри - Натан остановился и слегка отступил, промахнувшись мимо модели, но сумев дважды неуклюже поднять ее в воздух, прежде чем, наконец, поймал неуклюжий улов, когда она упала. «Что, - сказал он, глядя на Люка с оскорбленным достоинством, - я поймал это в конце концов, не так ли?» Люк сложил пальцы перед ртом, чтобы скрыть улыбку: «Знаешь, я не уверен, что ты сможешь использовать это в качестве правовой защиты по обвинению в халатности в военном трибунале».

Узкий вестибюль по одну сторону коридора с острыми краями вел в еще одну маленькую спартанскую комнату в полуразрушенном старом грузовом судне, типичном для того места, которое Лея всегда называла для таких встреч, Люк знал.

Что не было типичным, так это то, что Хана не было у раздвижных дверей ангара в ремонтный отсек грузового судна, где Люк оставил два последних своих боевых корабля в штатском в непростом противостоянии с двумя настороженными наблюдателями повстанцев, только Мара продолжала идти. в залив вместе с ним - хотя Хан был где-то на станции, его далекое, неясное чувство было резким, неприятным сочетанием беспок Тем не менее, это был большой старый грузовой корабль, и он мог скрывать множество секретов.

Люк осторожно потянулся к Силе, чтобы понять это, сразу же заметив присутствие Леи в носовой части грузового судна, нервной, но решительной, как всегда. Он подумал, что, кроме Леи и еще одного разумного существа - салластанца, - он никого не обнаружил ни на корабле, ни в заливе.

Люк улыбнулся ощущению, что Мара протянула свои собственные пробные усики недавно обученного осознания, ненадолго задумавшись о том, чтобы спросить ее о виде второго разумного, прежде чем отклонить эту идею; сейчас не время для уроков. Внутри потрепанное грузовое судно было не лучше, чем его внешний вид: половина огней в дверях открывалась с таким астматическим шипением, которое Люк мгновенно ассоциировал с любым количеством старых судов, на которых он жил и на которых летал, когда еще был пилотом. Альянс.

«Ну, кто-то этим пользуется». Слова Мары вывели Люка из задумчивости, и он оглянулся; она смотрела в пол, и он проследил за ее взглядом, мгновенно сообразив; в тусклом свете центр коридора был очищен от пыли, собирающейся по его краям. "Вы что-нибудь поднимаете?" - спросил Люк, глядя на длинный коридор; большой старый грузовой корабль повторил ему свой голос, коридоры растворились во мраке. Что-то...

«О, теперь тебе нужно мое мнение», - храбро сказала Мара. «Час назад ты не хотела, чтобы я пришел, но теперь вдруг это то, что ты думаешь, Мара?» Люк вполоборота, забавляясь, «подумал Ну , так как вы были здесь, вероятно , вы должны сделать что - то . Так что же вы думаете, красный?» «Я думаю... кто-то далеко впереди, но это все». "Одна персона?" "Да уж." Люк расширил свое собственное сознание, зная, что Мара почувствовала Лею, гораздо более сильное присутствие.

"Хотите указать путь?" Мара приподняла брови: «Ты думаешь, я не могу сосредоточиться на ней?» «Я думаю, вы не можете устоять перед вызовом». Она ухмыльнулась, ее бледная кожа сияла в искусственном свете. "Назовите это вызовом?" . К тому времени, как они добрались до места, они сделали два неверных поворота, хотя Люк не сказал этого вслух; это была долгая прогулка, и она чертовски хорошо себя чувствовала на корабле такого размера.

Мара замедлила шаг, когда они подошли к открытой двери, яркий свет отражался от медленно изгибающейся дорожки, и Люк позволил себе лишь малейшее колебание собраться с мыслями перед тем, как войти. . Лея села за поцарапанный стол, крепко сцепив руки. Помимо стульев, это была единственная мебель в прохладной, затхлой комнате. Стены были покрыты ржавчиной там, где они касались пола, краска отслаивалась и пузырилась, и повсюду стоял слабый запах старой перегретой охлаждающей жидкости.

На секунду Люк ощутил укол ностальгии по своей старой жизни, представив эхо шагов и смеха, которое наполняло бы этот старый грузовой корабль, когда он использовался Альянсом. Было ли это причиной того, что Лея сделала это - привела его в такие места... или это была просто ее жизнь? Он взглянул на нее сейчас; на одежду, которую она носила; бледные штаны, потертые белые ботинки и белый топ, старый мягкий жилет, который она так часто носила на Хоте, чтобы согреться, волосы заплетены в косы и завязаны узлом на затылке.

Она вернется сегодня вечером на какой-нибудь изодранный, едва работающий корабль и разделит трапезу в переполненной шумной столовой с людьми, которых она знала и которым доверяла много лет. Это была потеря, которую он переживал больше всего; это чувство товарищества, доверия, взаимных убеждений и целей. Это было то, что Палпатин оторвал от него... и каждый раз, когда он пытался восстановить это чувство доверия, что-то или кто-то приходил и разрушал его.

Он снова почувствовал боль ностальгии по оставленной им жизни и снова решительно оттолкнул ее; теперь у него была другая жизнь, другой путь; скоро будет совершенно новый путь. Осознание этого горело в его груди на долгие секунды, прежде чем он о чем еще-там было ничего, ничего за пределами этих переговоров , и этот номер. Только это; сконцентрируйтесь на этом.

Она изучала мужчину, сидевшего перед ней, его покрытое шрамами лицо не читалось, несовпадающие глаза были острыми, внимательными и слегка настороженными, волосы - массой распущенных, непослушных волн, которые у других, возможно, придавали какой-то юношеский, небрежный вид, но на нем давали только противоречивая путаница; человек слишком молод и слишком неортодоксален для роли, навязанной ему ... но разве она была другой?

Ее мысли снова вернулись к его маленькой фотографии, которую она нашла в кармане Хана; неукротимый Император, самоуверенный и непреклонный... и все же она так хорошо помнила этого застенчивого пилота, скромного и непритязательного - и что было настоящим, потому что, конечно, они не могли быть оба... не так ли? Она снова выпрямилась; прочистила горло: «Полагаю, уместны поздравления». Он нахмурился, притягивая к себе верхний край шрама в

том месте, где он прорезал бровь. «Для чего?»

«Поправьте меня, если я ошибаюсь, но я думаю, что слышала что-то о браке на одном или двух каналах Голонета восемь недель назад», - сухо сказала Лея. Вы должны были быть отшельником, живущим в запечатанной пещере, чтобы пропустить это, недавно освобожденные медиа-каналы пришли в неистовство. Все, что связано с таинственным, загадочным Императором и его далеко не уходящей на покой новой невестой, всплеснуло на всех новостных каналах от Хельски до Хота. "Ой." Лея смущенно нахмурилась - потому что все, что она когда-либо знала об этом мужчине, прямо сейчас говорило о том, что он на самом деле действительно забыл этот факт.

Теперь он нахмурился под ее взглядом, его защита усилилась. "Какая?" Лея сделала паузу, игнорируя резкий тон вызова. "Ты выглядишь ... отвлеченным?" Эти характерные, тревожные глаза на мгновение остановились на ее взгляде, а затем отвлеклись, голос был совершенно нейтральным. "Я в порядке, спасибо." «Я просто ...» заколебалась, но отбросила это, качнув головой: «Неважно».

Она устроилась на стуле, напрягаясь, заставляя себя сосредоточиться на моменте и ни на чем другом. По правде говоря, каждая встреча с новым императором требовала не меньшего, какими бы ни были обстоятельства. «Прежде чем мы пойдем дальше, мне нужно кое-что узнать - правду». Он промолчал, ожидая приглашения, поэтому Лея продолжила: «Ты умеешь читать мысли, правда, как джедай?» "Что-то такое." "Да или нет?" "Да." Он не колебался, казавшись более комфортным под ее осторожными вопросами. "Индивидуальные мысли?" "С вами да." "Что это значит?" «Это означает, что да, я могу читать конкретные мысли». "Слово идеально?" "Почему ты спрашиваешь об этом?"

"Ответьте мне." «Думаю, я ответил на достаточно вопросов - ответ на мои». Лея подняла подбородок: «Потому что я не могу продолжать эти разговоры, если знаю, что вы читаете мои мысли». Он наклонил голову: «Тебе есть что скрывать?» В его голосе слышалось только кривое веселье, но Лея почувствовала, как ее сердце колотилось. «Да. Я лидер восстания против тебя, конечно, мне есть что скрывать». «Я прекрасно понимаю, что вы что-то скрываете от меня.

Если бы я привел вас сюда просто для того, чтобы рыться в ваших мыслях в поисках информации, тогда, во-первых ... ну, сначала мне не нужно было бы встречаться с вами. читать ваш .. " "Как близко?" «С вами? Где-нибудь на этой космической станции будет достаточно близко». Он наклонил голову: «И нет, ты не разглашал секреты повстанцев, не осознавая этого, по той простой причине, что я не смотрел. Я не пытался читать твои мысли выше пассивного осознания». "Почему?" "Это вряд ли укрепит доверие между нами, не так ли?"

"Как я узнаю, что у тебя было?" «Я думал, что концепция доверия выходит за рамки того, что вы можете доказать. Я хочу, чтобы вы чувствовали, что можете мне доверять». « Почувствовать это... или вообще уметь?» «Мы уже спорим о семантике?» Лея молча посмотрела на Люка, и он вздохнул. «Эти переговоры - упражнение на доверие - зачем мне это рисковать?» «Потому что вам очень легко сделать это, не будучи обнаруженным».

«Многие вещи мне было бы очень легко сделать - это не делает их правильными». Лея знала, что от кого-нибудь еще это был бы идеальный ответ. Тот факт, который не нуждался в дополнительных объяснениях; если что-то было не так, то этого просто не надо делать. От него ... был ли это автоматический ответ или рассчитанный - действительно ли он читал ее мысли, чтобы точно знать, что она хотела услышать, прежде чем говорить? Лея поджала губы, раздраженная своей уязвимостью. "Вы когда-нибудь читали мои мысли?" Люк откинулся на спинку стула, казалось, теперь он устал от этой серии вопросов.

«Нет, не выше пассивного осознания, которое я не могу заблокировать». "Который является то, что?" «Фоновая осведомленность о вашем настроении... которая, я полагаю, сейчас была немного сдержанной», - сухо сказал он. «Можете ли вы прочесть мысли, которые я предпочитаю скрывать?» «Да... но не без вашего ведома». "Почему?" Он наклонился вперед: «Почему бы нам не перейти к делу, и я даю слово, что не буду заглядывать в вашу голову без вашего разрешения». "Почему ты не можешь их прочесть?"

Он молчал, его бледные глаза пристально смотрели, и на мгновение Лея подумала, что он встанет и просто уйдет - возможно, на мгновение он подумал об этом - затем он вздохнул, пробегая рукой по непослушным замкам. «Я могу их читать, я только что сказал вам. Но я не могу читать их, не заставляя вас думать о них... и поверьте мне, если бы я начал копаться в вашей голове и направлять ваши мысли, вы бы об этом узнали. "

«Я хочу, чтобы вы сказали, что вы этого не сделаете». «Я уже дал это». "Скажи это снова." «Я даю вам слово, поскольку ...» он сделал паузу; казалось, искренне не понимал, на чем ругаться: «Даю слово, что я не выверну вашу голову наизнанку ради какой-нибудь мелкой небольшой информации, независимо от того, насколько важным вы лично можете считать это...»

"Должным образом." Он подавил улыбку: «Я даю вам слово, что я не буду пытаться читать ваши мысли. Я тоже не был в прошлом. Счастлив?» Лея постепенно расслаблялась. «Есть ли способ перестать читать мои мысли - как бы я это сделал?» "Вы не делаете". "Почему бы и нет?" «Потому что я очень хорош в этом. Потому что моя связь с Силой слишком острая...» он замолчал, словно изучая свои собственные слова, затем снова посмотрел на Лею. «Ты не можешь. Это так просто. Даже ты не можешь». "

Даже я?" На секунду она увидела что-то в его глазах, короткую вспышку разочарования из-за его собственных слов, и подумала, не было ли это оплошностью. Но это исчезло в одно мгновение, и он продолжил разговор без пауз, его тон был намеренно провокационным. «Даю слово - можем ли мы теперь обсудить что-нибудь действительно ценное, что оправдывает мои усилия по его предоставлению». "Такие как?"

«Вы говорите мне, что вы просили об этой встрече». Лея знала, что она могла так легко бросить ему вызов, но не кусалась, не на этот раз. Вместо этого она колебалась, ища другой путь, способ сломать эти преграды; почему, она не знала - возможно, потому что она чувствовала, что это будет последний раз, когда он ей доверяет. Она почувствовала при этом укол подлинной вины и удивилась этому. Не сейчас; не думай об этом сейчас.

«Хан доверяет тебе», - сказала она наконец. "Абсолютно." Люк посмотрел вниз, сжав челюсти, и Лея продолжила: «Он делает... но он не позволил мне прийти сюда сегодня одному. Он должен был быть на другом конце галактики, но он отказался от миссии, чтобы он мог быть здесь. Он тебе абсолютно доверяет ... и совсем нет. Ты говоришь мне, что я должен с этим делать? " «Вы хотите знать, что вам следует делать... поверьте мне.

Призовите прекращение огня. Сделайте это, и позвольте мне доказать свои намерения. Компромисс - дайте мне этот единственный шанс». «Дай мне повод». Это была просьба, а не вызов. "Я дал вам их!" Люк сказал ... "Я вернул вам ваши войска вопреки совету моего собственного совета, вопреки принципам моих собственных вооруженных сил.

Я дал вам вторую Звезду Смерти ... вопреки воле моего совета, поверьте мне. Я привел все что я могу к этому столу ... что ты принесешь? " Лея при этом промолчала, зная, что до сих пор она не приносила ничего, кроме своего времени ... а теперь она принесла врагов ... Она остановилась, сделала быстрый вдох, пытаясь избавиться от этой мысли, и когда она подняла

глаза для него его глаза сузились от любопытства. Читал ли он ее мысли? Однако он не двинулся с места, пристально глядя на нее, и Лея подумала, только что неуверенно.

Поскольку тот факт, что Люк был сделал все жесты, взятый все шансы ... или они были , что вообще? Неужели они ему так дорого стоили? Подобно бутылке альдераанского меда, он заплатил астрономические четыре недели, чтобы купить и принести ей, когда он еще был пилотом повстанцев, были ли это благородные, доброжелательные жесты или, для человека с безграничной властью, не более того чем пустые акты принуждения?

Лея покачала головой, только что неуверенно. "Кто ты на самом деле?" Все вернулось к тому единственному вопросу к Лее; что было настоящим, а что притворным. Он не говорил, как обычно Люк Скайуокер - ни акцент, любой акцент можно было подделать, если у вас достаточно уроков и хороший лингвист - он не использовал те же термины и разговорные выражения; изменился не только диалект, но и манера его речи. Сможете ли вы научиться этому, находясь в другом социолекте? И как часто она видела его? Три часа за последние семь лет? Пять часов?

Вряд ли это представление, учитывая, насколько осторожным он был рядом с ней. Делал ли он сознательный выбор казаться перед ней другим; дистанцироваться от человека, которым он когда-то был... возможно, был , поправила себя Лея. Если да, то почему? Что это ему принесло? «Ты непостижимый человек», - сказала она наконец. Сузив глаза, она коснулась истины; "Вопрос в том, это выбор?" "Разве мы не прошли через это?"

«Да, но ты никогда не отвечаешь на вопрос... и каждый раз, когда я вижу тебя, мне кажется, что я смотрю на другого человека - иногда в ходе единственного разговора». Он заколебался, казалось, ошеломленный ее прямоотой, поэтому Лея попыталась еще раз, вдохновленная осознанием и своими воспоминаниями об их последней встрече. «Иногда ... иногда, когда я смотрю на тебя, я все еще вижу его так ясно. Я все еще вижу Люка Скайуокера - и поэтому я не могу не задаться вопросом, еще ли он там. Если он ...» "Нет." Люк сказал просто, слово «абсолют». Лея настаивала на своем: «Я думаю, что это так. Я не вижу другой причины, по которой Император дал нам новую Звезду Смерти».

«Я не давал его тебе». Он снова отступил, его тон стал резче. «Я просто показал вам его существование». «Затем уничтожил его... и сейчас, думаю, я наконец понимаю, почему». Это мгновенное напряжение вокруг его глаз было видно в шраме, который заметно изгибался; любопытство... необходимость знать... было ли это потому, что он сам не знал, зачем он это сделал, подумала Лея? Теперь, глядя в его глаза в этот момент, видя эту долю скрытой неуверенности под почти идеальной маской самообладания, это казалось ей таким очевидным.

«Видите ли, для императора, диктатора я бы подумал, что нечто столь мощное, как Звезда Смерти, будет ценным активом, который нужно задействовать при первой же возможности ... но Люк Скайуокер - Люк Скайуокер, которого я знал - он бы не стал не выдержит его существования ". Эти ледяно-голубые глаза еще больше сузились: «Я выдерживаю его существование уже два года. Фактически, я помогал его строить». «Тем не менее, вы не использовали его». «Мне это не нужно», - уволил он. "И что заставляет вас думать, что это единственный?" На мгновение Лея задалась вопросом - но даже когда пришла паника, она утихла, и она покачала головой. «Потому что ты не стал бы использовать что-то подобное.

Люк Скайуокер не стал бы... и поэтому я не думаю, что Император тоже». "Теперь ты считаешь меня благородным?" Он почти рассмеялся, а когда она слегка наклонила голову, он искренне улыбнулся: «Просто недостаточно благородно, чтобы править?» «Я не думаю, что кто-то может им стать». «Что заставляет вас думать, что десять человек могут быть - или сто? Человеческая

природа есть человеческая природа. Ошибка просто преувеличивается».

«Чем больше кандидатов совместно принимают решение, тем больше индивидуальных черт аннулируется группой». «Это не совсем сработало для Сената». «Сенат существовал тысячелетия». «Потом рассыпался из-за собственных недостатков, но вы хотите воссоздать его в точности». «И вы хотите полностью отбросить это, хорошее и плохое». «Нет, я хочу найти золотую середину. Я хочу восстановить Сенат, полномочия которого не являются абсолютными». «Итак, вы создаете марионеточное правительство».

«Я ищу путь вперед». «Что удобно, чтобы полностью контролировать вас». «Как ты думаешь, почему ты будешь править лучше меня?» Вызов Люка застал Лею врасплох, так как он даже мог задать вопрос. «Мы представляем волю народа!» "Все они?" - спросил Люк. «Или просто те, кто разделяет ваши конкретные взгляды?» «Сомневаюсь, что многие разделяют твое».

«Что не обязательно заставляет меня ошибаться», - многозначительно ответил он. «И даже если бы это было так, это еще не значит, что вы правы». «Люди имеют право сделать этот выбор сами». «Даже если они ошибаются, если все, что они сделают, это усугубят ситуацию коленным рефлексом?» «Да, даже тогда! У них есть право на собственные ошибки». Лея покачала головой, не зная, как ее заставили признать, что они это сделают. «Дайте им шанс проголосовать - посмотрите, кого они действительно хотят видеть у власти». «Может быть, ты удивишься». «Тогда вперед», - бросила она вызов, бросая перчатку. Но он только наблюдал, забавляясь ее негодующим пылом, оставляя Лею гадать, в какой момент он стал измученным политиком. «Нет», - просто сказал он. «Еще не время».

И вот оно снова; это тонкое обещание того, что должно было произойти, поддерживало ее надежду, поддерживая диалог, когда все, что она хотела сделать - что она должна была сделать - это выскочить из комнаты и оставить его Мадину. Так почему она осталась? Потому что правда была в том, что она действительно не знала... не знала, что он имел в виду. Было ли это восстановить Сенат и постепенно увеличить его полномочия до такой степени, чтобы он мог взять на себя полное управление, как он сказал ... или у него не было намерения когда-либо уйти в отставку, оставив его навсегда беззубым, теневая иллюзия демократии, пустота словесная помощь, чтобы ввести в заблуждение и обмануть. И все же он улыбнулся этой вежливой, отстраненной улыбкой, как будто в любой момент он мог просто встать и уйти, если это его больше не забавляло. И все же он сказал все правильные вещи ... «Когда все будет в порядке, я открою бюллетени».

«Итак, когда у вас было достаточно времени, чтобы сфальсифицировать голоса, вы это говорите?» - спросила Лея. «Я бы никогда этого не сделал. Но я не буду торопиться с необоснованными практиками, чтобы ответить на личные интересы Альянса». "Или свой собственный?" «Демократию нельзя торопить, я уже это понял. Ее нельзя придерживаться графика». «Если вы не собираетесь проводить свободные выборы, то о чем мы здесь вообще обсуждаем?» «Я проведу выборы... когда придет время. Когда все будет готово. Я уже говорил вам, что до этого времени необходимо выполнить определенные условия».

«Нам нужно сложить оружие». «Необходимо прекращение боевых действий - с обеих сторон». «Вы хотите, чтобы я прекратил самое вещь, которая заставляет вас в эти переговоры на авось, что в каком - то смутный момент в будущем, вы просто могли бы провести выборы?» «То, что ты делаешь, меня ни к чему не принуждает», - сказал он с небрежной уверенностью.

"Тогда почему ты здесь?" «Если ты искренне веришь, что я тебе ничего не дам, тогда почему ты здесь?» - возразил он. Краткая вспышка изменившейся причины, по которой она привела его сюда сегодня, вспыхнула в ее голове, и Лея безжалостно подавила ее, говоря ни по какой

другой причине, чтобы занять ее мысли. "Иногда я интересуюсь." «Тогда позвольте мне сказать вам. Вы здесь, потому что хотите, чтобы этому положили конец.

Вы хотите видеть объединенную Империю с демократическим правлением, и вы хотите видеть это с как можно меньшим кровопролитием - именно этого я и хочу. Чтобы увидеть. Я мог бы очень легко убить тебя, Лея, поверь мне. Я мог бы продолжать вносить изменения в конституцию, которые сделают твое Восстание ненужным. Я мог бы дать людям в одночасье то, за что ты так хочешь сражаться, и в это сделает вас бессмысленным и устаревшим ".

"Тогда почему бы и нет?" «Потому что это было бы мне давать им это, управляемый теми, кто поддерживает существующий режим. Было бы очень, что вы меня обвиняете, он все равно будет абсолютным правилом под другим именем. Мне нужны люди во власти, которые бы были столь же увлеченными демократией, как и вы. Не для создания собственной базы власти, а потому, что они считали, что поступают правильно.

Мне нужны люди у власти, которые были бы готовы бороться за эти убеждения изо всех сил, хотя бы в на политической арене. Мне нужны люди, которые верят в демократию, чтобы противостоять тем, кто придерживается других ценностей. У меня нет этих людей - недостаточно, чтобы сформировать сплоченное правительство. По своей природе Империя подавляла их почти три десятилетия. Я просто не имею эти люди ... но ты знаешь. Вы сами это сказали; численность и разнообразие, даже крайности, индивидуальные черты сводятся к нулю - представители Империи и Альянса могут стоять бок о бок ».

Лея покачала головой, охваченная силой его слов, очевидной искренностью... желанием верить, но неуверенной, как всегда, в том, что он говорит ей правду. Нужно быть осторожным ради других. «Ты говоришь это, но я видел тебя по имени Император при Дворе Палпатина. Я видел тебя на мостике звездного разрушителя». «Вы также видели, как я помогал вам сбежать от одного из них. Вы видели, как я непрерывно работал над устранением старого Императорского двора с момента моего вступления на престол. Я фактически аннулировал его, как вы хорошо знаете». «Так вы знали, что это ошибочно?»

«Я думал, что это не имеет значения», - уклонился он. "Суд Палпатина не имел реальной власти; никто в Суде не имел никакой реальной власти, кроме той, что дал им Палпатин, и это поддерживало все, что Палпатин хотел. Это стало не чем иным, как собранием подхалимов, и я разобрал бы то, что от него осталось. завтра, если бы я мог. " "У него нет силы?" «У него есть сила, которой он всегда обладал, а именно право обращаться к Императору с просьбой изменить или принять закон. К сожалению, немного сложно подать прошение Императору, когда он не явится в Суд». "Так это фасад?"

«Если бы я мог его распустить, я бы сделал это, но меня нельзя увидеть, чтобы он разобрался полностью, пока я не смогу поставить на его место что-то получше. Суд все еще существует как орган, потому что он привязан к правовой системе Империи. Когда у меня есть эффективная означает разместить эту силу в другом месте, я сделаю это. До тех пор Суд остается, по крайней мере теоретически ". Лея прищурилась: «Это то, что вы предлагаете нам, фасад демократии?» Его тон совершенно не тронул: «Ты же знаешь, что это неправда». " Откуда я знаю, что это неправда?" «Потому что я мог бы легко создать видимость демократии без необходимости включать что-то как спорные и воспалительную как Альянс.»

«Слова настоящего Императора ситхов». Он лишь склонил голову набок, крошечный кусочек его безупречной белой рубашки с высоким воротником светился в тусклом свете. «Я разочарован; я думал, что вы вышли за рамки таких ограничивающих взглядов. Жизнь редко бывает черно-белой». Он глянул вниз, заметив ее внешность поверхностным, веселым

взглядом: «Хотя сегодня мы кажемся исключением, подтверждающим правило».

Лея посмотрела на его одежду, темно-роскошную, слегка сдержанную, абсолютно черную, и вспомнила свой чистый белый цвет, сознательный выбор сегодня, чтобы подчеркнуть ее веру в старый Сенат перед Императором ситхов ... Говорил ли он правду, нужны ли ему вольнодумцы, которые боролись за свои убеждения, те, на кого можно было положиться, чтобы держаться и бороться за те же ценности в политических обстоятельствах. Все было очень логично; они были именно тем, что нужно новому Сенату. Они также были именно тем, что продолжающаяся Империя хотела бы выделить и уничтожить. «Это не то, что вы видите, и не то, что меня называют Лея - это то, что я делаю, определяет меня».

Было ли это просто напоминанием об их первой встрече, подумала Лея, или это был искренний призыв, его голос был странно уязвим в тот момент, притягивал ее, звал ее. "И что вы будете делать?" - спросила она шепотом. Люк снова заколебался, глядя на крепко сцепленные руки Леи, осознавая ее напряжение - понимая почему. Тем не менее, сегодня он почувствовал некое перекрестное течение перемен; какой-то тонкий сдвиг, наполовину скрытый, вызванный тем, чему он искренне доверял; Сила тонкими способами подталкивала его каждый день в его путешествии сюда; шептал ему сны и формировал свои мысли, заряжая их неотложной необходимостью открыться Лее, чтобы завоевать ее доверие; сейчас . «Я же сказал тебе; я разберу Империю Палпатина». "И заменить его своим?" «Если бы это было все, что я хотел, тогда зачем мне быть здесь?»

"Кому ты рассказываешь?" «Я не могу. Не было бы причин. Если бы я хотел силы, она у меня есть... но я повторю еще раз, сила - это средство для достижения цели, а не самоцель». Она колебалась; наклонился вперед, таков был ее пыл - «Отречься». Люк устало откинулся на спинку кресла, склонив голову набок, и потер переносицу; к этому всегда приходило хотя бы раз на каждой встрече. Тем не менее, он ответил, снова устанавливая те же факты: «Я бы сделал это, но ...» "Тогда сделай так ..." «НО ...» - повторил Люк многозначительно, - «Кто-то должен будет шагнуть в эту брешь. Кому-то все равно придется вести Империю по более умеренному пути; кто-то должен будет выступить посредником в прекращении огня и превратить этот хрупкий, неустойчивый мир в демократию - справедливая демократия с представительством для всех. И кому я могу доверить это сделать? "

«Я бы сделал это». "Мятежник?" Лея приподняла брови: «Конечно, мы все равно будем представлены в вашей будущей демократии - это то, что вы предлагаете, не так ли? Почему не раньше?» «Потому что ты никогда не скрепишь Империю - ты, конечно, никогда не скрепишь моффов вместе. Даже если бы ты еще не был известен как лидер Восстания против их Империи, они никогда бы тебя не приняли. считаться радикалом еще до того, как вы начали вносить изменения.

Я служил Палатину в течение многих лет - я был главнокомандующим Центральным флотом, и даже я балансирую на этой грани, хотя я мало что сделал, чтобы исправить предубеждение. Сила Империи основана на ее огромных вооруженных силах, и эти вооруженные силы заведомо консервативны. Вы никогда бы не контролировали их и даже не сдерживали их, а если бы вы этого не сделали, они бы сформировали грозную организованную силу против вас в течение нескольких месяцев - может быть, даже недель "

«Теперь я контролирую армию». «Не так», - убежденно сказал он. «Вы управляете военными, которые хотят, чтобы их контролировали - у них одна цель и причина объединиться. Мои - совсем другая порода. Они говорят, что я волк - тогда это стая ... и если они чувствуют запах крови, если они видят малейшую слабость, они нападут на вас и разорвут в клочья, будь то лидер или нет ». Лея нахмурилась, убежденная в силе веры в его слова; ясное убеждение, что

он цитирует абсолютные факты - в конце концов, он их знал. Был ли он таким безжалостным, потому что должен был быть, потому что, если он не сохранит контроль, они отберут его - силой? "Что произойдет, если вы откажетесь от престола?" - спросила она наконец с искренним любопытством.

Он пожал плечами, пренебрежительно: «Прежде всего они сделают все возможное, чтобы убить меня - нет смысла рисковать передумать. Затем они снимали с меня большинство моих ближайших советников, полагая, что один из них будет следующая в линии преемственности и, следовательно, настоящая угроза. И Кирия, потому что, хотя у нее нет прямого права, она все равно будет фигурой для сплоченных королевских домов, поскольку они кровно заинтересованы в сохранении традиционных линий права - и потому, что они сомкнулись бы в рядах против угрозы одному из своих; это просто то, что они делают.

Я должен представить, что они, вероятно, уберут любого из моих оставшихся близких соратников в иерархии дворца и в армии как можно быстрее, чтобы избежать любой ответной реакции и любой возможной угрозы, чтобы поддержать законное наследство власти, прежде чем они, наконец, повернулись друг к другу. "Люк сделал паузу, но Лея молчала, искренне прислушиваясь, понимая, что он, очевидно, много думал об этом. закрыть границы для рейдов, когда линии снабжения иссякли и ни у кого не было полного списка провизии и боеприпасов, необходимых для поддержания своей базы. Последуют возмездия ... и гражданская война вспыхнет, а местами даже будет разжигаться ради личной выгоды.

Помните, что это были бы военачальники: если дать человеку молоток, он увидит любую проблему как гвоздь. Они будут искать военное решение, потому что это то, что они понимают, и в этом их сила, и они будут играть на этом. И у них была бы сила и положение, чтобы заставить всех остальных сделать это - встретиться с ними на их условиях ». это будут военачальники - если дать человеку молоток, он увидит любую проблему как гвоздь. Они будут искать военное решение, потому что это то, что они понимают, и в этом их сила, и они будут играть на этом. И у них будет сила и положение, чтобы заставить всех остальных сделать это - встретиться с ними на их условиях ». это будут военачальники - если дать человеку молоток, он увидит любую проблему как гвоздь.

Они будут искать военное решение, потому что это то, что они понимают, и в этом их сила, и они будут играть на этом. И у них была бы сила и положение, чтобы заставить всех остальных сделать это - встретиться с ними на их условиях ». «Тогда сначала уберите моффов». Он улыбнулся на это: «Убрать их как? Их почти тысяча. Вы предлагаете, чтобы я заставил их уйти в отставку, потому что это ничего не решит; они сохраняют свои связи и свои амбиции, и ничто так не разжигает огонь беспорядков, как хорошая доза оскорбленного негодования.

В настоящее время они связаны моими законами; правилами и постановлениями вооруженных сил, в которых они служат. Если они решат бросить мне вызов, то их поймают и помешают те же условия - Палпатин не был дурак; он никому не даст достаточно силы, чтобы угрожать ему. Или вы, возможно, предлагаете удалить их еще ... навсегда? В этом случае устранение всех тех, кто представляет угрозу, приведет к образованию вакуума власти, с которым будет невозможно справиться не создавая того, что вы только что стремились искоренить. И, конечно же, Альянс не делает этого »В любом случае, я потворствую таким экстремальным действиям? " Лея только один раз моргнула, увидев поток обдуманной, связной информации; Был ли это тот самый мужчина, который ворвался в ее камеру на борту

«Звезды Смерти», чтобы беспечно назвать себя ее спасителем, не имея ни малейшего представления о том, как они собираются выбраться снова? Человек, который загнал их на обрубок моста и быстро снял элементы управления, не задумываясь о том, как они на самом

деле собираются пересечь пропасть? Человек, который выступил вперед в ангаре Звезды Смерти, защищая генерала Кеноби, не задумываясь о собственной безопасности.

Человек, который летел против Звезды Смерти - против миллиона к одному. Не зря. Впервые за долгое время Лея посмотрела в эти несоответствующие глаза и подумала.... Что, если бы он был? Что, если бы он был этим человеком и ему пришлось пройти через все, что он пережил за последние семь лет? Что, если Люк Скайуокер - Люк Скайуокер, которого она знала, - что, если он был настоящим? Что было бы с ним, если бы он прожил эту жизнь... столкнулся с этими испытаниями? Это не сломило бы его, а не Люка.

Но это изменило бы его, заставило бы стать кем-то другим, чтобы выжить. Даже Хан признал это; что Люк Скайуокер, которого он знал, коренным образом изменится после всего, через что он прошел. Это то, на что она сейчас смотрела? Или она просто позволяла сердцу управлять головой? Когда она наконец обрела голос, он был тихим и спокойным, смягченным соображениями, пронесившимися в ее мыслях. «Вы можете убрать гранд-моффов и заменить их командирами Альянса - они не позволят свергнутым моффам больше связываться с военными».

«Серьезно - вы серьезно думаете, что имперские военные будут выполнять приказы командующего Альянсом на любом уровне, не говоря уже о командовании сектором?» Люк покачал головой, забавляясь, но не до такой степени, что он пренебрежительно относился к нему - и почему, подумала Лея, почему, несмотря ни на что, она все еще не могла думать о нем под другим именем? Она снова посмотрела в эти тревожные, но очень знакомые глаза, когда он продолжил, готовый выговорить это; обсуждать, а не просто отвергать.

"Они слишком укоренились. Это только еще больше поляризует ситуацию, отправит больше перебежчиков на сторону уволенного моффа в поддержку Империи, которую они знали. Изменения должны быть медленными. Мы должны иметь все на месте, прежде чем они начнутся, начиная с низходящий." «Затем замените их мужчинами в своих рядах - теми, кому вы доверяете». «Все те, кому я доверяю, уже находятся у власти, поверьте мне. Но это большая Империя, и они не начинают ее прикрывать... пока. Надежных людей, которые также стремятся к власти, немного и они редки, а те, кто может успешно удерживать стаю в страхе, не будучи разорванной в клочья, еще меньше.

Поверьте мне, я знаю ". «Так вы оставите тех, кто не подходит во власти?» «Мне нравятся мои враги там, где я их вижу». Люк легко парировал. Лея остановилась, всего на мгновение, но Люк знал, что поскользнулся. «Вот почему я здесь, вот что это такое?» Он снова потер переносицу, устало: «Ты же знаешь, что это неправда». Она вздохнула и сузила глаза, пытаясь переоценить человека, которого, как ей казалось, она знала, в свете всего, что он сказал сегодня.

Теперь он был лидером, и расчетливым, со всеми вытекающими из этого атрибутами; повестки дня и целей и пронизательное осознание своей силы и положения, а также убежденность в том, что ему придется поддерживать и то, и другое для достижения своих целей.

Вопрос был в том, каковы были эти цели и как далеко он готов был пойти для их достижения; у него уже хватило наглости свергнуть Императора ситхов - в более широком смысле, нужно было предположить, что устранение любого другого препятствия на пути к его базе власти было ничем по сравнению «Но в том-то и дело», - наконец пробормотала Лея; «Я не знаю. Вы двигаетесь вперед и назад в одном и том же аргументе - иногда в одном и том же предложении». «Это не значит, что мои цели достижимы - только средства для их достижения. Вот почему вы должны мне доверять; поверьте, что бы я ни говорил или делаю, я все равно иду

в том же направлении». «Демократия».

«Рабочая демократия», - поправил он. "И как заставить его работать?" «Я еще не знаю...» Он наклонился вперед, и улыбка на его губах была искренней; дерзкий, энергичный. "Почему мы не узнаем?" И о, в тот момент Лее так хотелось последовать за ним, хотелось ему доверять, хотелось ... Она виновато посмотрела вниз, реальность этой ситуации расцвела внутри нее. «Мадин думает, что мы сможем научиться этому и без тебя». Улыбка мгновенно сошла с его губ.

«Мадин слишком долго бежал со стаей. Ему нельзя доверять - ты ведь знаешь это, не так ли?» «Это от человека, который позволяет своим волкам бегать на свободу». «Нет, я контролирую свою стаю; я же сказал тебе, они следуют моим правилам». Лея нахмурилась, осознавая перемены в нем, но, как ни странно, ей это не угрожало. Она изучила эту мысль, это внутреннее чувство. «Правда в том, что для волка ты так редко скалишь зубы...»

Холодные, несоответствующие глаза встретились с ее взглядом: «Это не значит, что я не кусаюсь - только то, что я редко делаю пустые угрозы». Все еще возвращаясь к прошлым семи годам, Лея медленно покачала головой, осознавая: «Я думаю, ты кусаешься только тогда, когда тебя загоняют в угол». «Тогда я предлагаю тебе перестать загонять меня в угол». «Вы знаете, что я не», - сказала она, понимая, что это правда только наполовину. Что-то шевелилось сейчас, звучало на самом краю ее мыслей, тем же постоянным тоном, который звучал безупречно глухой ночью, когда она не могла уснуть.

То же кости глубокое осознание некоторой связи необузданной, что - то настолько очевидно, чтобы быть здесь, перед ее глазами, и все же она оставалась всегда только вне ее досягаемости. Она остановилась, поглощенная этим чувством, знанием чего-то настолько близкого, что она могла почти прикоснуться к нему. «Я думаю... чем больше я тебя знаю, тем больше думаю, что ты делаешь только то, что считаешь необходимым... Я просто не знаю, достаточно ли этого, достаточно, чтобы доверить тебе судьбу Альянса». Он вздохнул, покачал головой и посмотрел вниз и снова провел пальцами по непослушным волосам: «Вы судите меня по тому, что вы слышали, а не по тому, что вы знаете». "По чему еще я могу судить о вас?" - сказала Лея. Он наклонился вперед, и Лея почти почувствовала его потребность в... чем-то; какая-то связь, какой-то прорыв.

«Ты знал меня так долго, Лея. Забудь, что говорят другие, что говорят тебе твои инстинкты - что твое сердце говорит тебе?» Она откинулась назад, качая головой, неуверенно облизывая пересохшие губы, когда этот тон, этот постоянный, идеальный тон отражался с резонансом, которого она никогда раньше не знала. Он покачал головой: «Я не могу предоставить тебе доказательств, Лея, я никогда не смогу предоставить тебе доказательств. Тебе просто придется мне доверять. Просто сделай один шаг и поверь мне».

«Доверяю тебе, как я могу доверять тебе? Как я могу доверять Волку...» . И вот оно. Лея замолчала, не в силах поверить, что никогда раньше не видела этого, но она никогда не называла его этим вызывающим разногласия именем, никогда не признавала его таковым. Теперь, сказав это вслух, о, это было так очевидно! Ее мечты; ее постоянные мечты... вот о чем они! Она думала, что это был тот же сон, который ей снился с тех пор, как Альдераан был разрушен... но это было совсем не так; это был не Альдераан. Это было с тех пор, как она встретила Люка. С тех пор, как она встретила Волка. Он заколебался перед ее взглядом, зная, что она только что достигла своего рода прозрения, но не знала, что... и все, что она могла сделать, это смотреть... просто смотреть на человека, который преследовал ее мечты семь лет. Волк, который бродил в ее тени, всегда рядом, всегда ждал ...

Отвернувшись от этого дикого взгляда, она посмотрела вниз ... и ее глаза были схвачены его руками, свободно сложенными на столе перед ним, достаточно близко, чтобы она могла... Как и в своих снах, Лея протянула руку - и он дернулся назад, как будто обжегшись; как будто ее прикосновение, любое прикосновение могло порезаться, как нож. Она вспомнила все времена, когда он обнимал ее и смеялся вместе с ней, как глубоко они связаны, как они связаны так спонтанно и интуитивно, как две половинки одного целого.

Вспомнил, как он собирал ее и крутил, когда вернулся на Явин после Звезды Смерти; вспомнил его радость, его жизнь и его изобилие. «Люк...» она колебалась, «что случилось? Что они с тобой сделали?» Он отпрянул, чувствуя себя крайне неудобно, и она знала, что ее слова на мгновение прорвались, разбили эти толстые щиты ... Затем его глаза прикрылись, подбородок слегка приподнялся: «Не больше, чем ты, Лея». "Мне?" «Они использовали меня, но ты ... ты предал меня». "Что я должен был делать?"

«Верьте! Верьте в меня - в человека, которого вы так хорошо знали. Неужели я дурак, что просил вас сделать сейчас то, что вы не могли сделать тогда? Мы были так близки... наша дружба была такой хрупкой, что вы не могли этого сделать. ? Это так мало значило? " «Это несправедливо. Это было не о нас, это никогда не о нас. Это было о сохранении жизни Альянса». "И говорить им, что это сделали?" «Да! Если бы ты был шпионом...» "

Если ?" Он чуть не рассмеялся этому слову. «Теперь вы говорите, если бы . Чего бы вам стоило сказать это тогда - чего на самом деле стоило бы Альянсу ждать и смотреть? Сколько бы вам стоило сделать то же самое, когда меня называли Наследником. Если бы я действительно стал такая угроза в одночасье? Что я сделал с Альянсом за все время нахождения на Корусанте, чтобы стать такой угрозой? " "Вы были наследником трона Палпатина!" Лея почти кричала, подстрекаемая его собственным внезапным всплеском настоящих эмоций. «Это не сделало меня Палпатином».

"Мы этого не знали!" «Вы знали меня, но вы все еще доверяли какой-то тонкой совокупности подразумеваемой лжи за годы дружбы. Все, через что мы прошли вместе, все, чем мы были - неужели все это так мало для вас стоит?» Он остановился, не говоря уже о том, что весь его гнев прошел, и Лея тоже остановилась, ее собственное разочарование и одобрение, наконец, прозвучало, пара медленно отдыхала, давно отрицаемые разочарования прошлых обвинений наконец отбросили. Лея тихо покачала головой.

"Скажи мне, что я был неправ?" Это было практически призывом; все, что ему нужно было сделать, это сказать это хотя бы раз. Но он медленно покачал головой, как никогда не желая давать ей легкий выход, хотя его голос был как извинением, так и оправданием.

"Я не могу вам этого сказать - вам просто нужно поверить. Если вы не можете поверить в меня сейчас, я никогда не смогу заставить это работать. За пределами этой комнаты я буду постоянно говорить вещи и предпринимать действия, которые будут казаться вопреки этому соглашению во всех отношениях, и вам придется доверять мне, несмотря на это - несмотря на все, что я, кажется, делаю. Что бы еще ни происходило за пределами этой комнаты, мы с вами должны верить. Мы должны доверять друг другу ... или у нас ничего нет ".

«Я...» Лея замолчала; в первый раз она остановилась и посмотрела не вовне, на более широкую картину и свою большую причину, защищенную иммунитетом и отстраненностью, которые она обеспечивала, а внутрь, в свое собственное сердце, осторожная и осторожная. На его, в синяках и преданном. Она снова подумала об этих бесконечных снах в запутанной тьме, о призрачном волке, который никогда, за годы встреч, ни разу не кусал, только парил в тени, ожидая ... а он все ждал. Неужели гордость заставляла ее замолчать, страх, что он снова

выставит ее дураком, как сказала Мадин?

Был ли страх доверять человеку, который ее бросил? Это все, что от нее осталось? Страхи, гордость и предательство? О, как бы ее отец оплакивал; тот, кто держался веры до конца. Где ее собственная надежда? Где была ее вера в тех, кому она когда-то так полностью и так инстинктивно доверяла? Где была девушка, которую Люк Скайуокер собрал в свои объятия и повернул к Явину, девушку, которую он отдал так много, чтобы спасти ...

Спасал ли он ее вообще? Она так много посвятила Альянсу, так много отдала, чтобы удержать это пламя ... но при этом она потеряла какую-то жизненно важную часть внутри себя? Как Лука, она была вынуждена на путь, который просил так много о ней ... но он держал упорно в эту часть того, что он был ... несмотря ни на что, он провел на этой самой глубокой части сам. И если бы он мог это сделать, если бы он мог поддерживать эту искру во всем ... то она могла бы тоже. И она точно знала, какой первый шаг ей нужно сделать, чтобы снова найти этот путь; «Я должен был доверять тебе; я должен был попытаться».

Что-то в его лице смягчилось; что-то дрогнуло в его глазах, или, может быть, это было что-то в ее собственном... но вдруг она посмотрела на Люка Скайуокера - и откуда он взялся? Что изменилось в лице Императора, чтобы он снова стал полностью Люком? Глядя в это лицо, глядя на друга, с которым она смеялась и плакала, обнимала и держала ... и больно, так сильно, что слова давались легко. "Мне жаль." Лея сказала: «Мне очень, очень жаль, ты можешь простить меня, Люк?» ей было наплевать на Императора или даже на ситхов.

Она только хотела его простить; Люк Скайуокер. Он отвернулся, внезапно так же неуверенно, как Люк когда-либо был: «Я тоже делал ошибки, я это знаю». Что подтолкнуло ее задать следующий вопрос, который она не знала, но в тот момент, когда он сорвался с ее губ, она осознала его значение: «Вы верите, что делаете сейчас правильные вещи?» Это была доля секунды колебания; разбитое сердцебиение. "Да." Не совсем - снова; снова нажмите . "Вы верите, что всегда были?" И вот оно снова, Люк знал, все вокруг нее - в его глазах, в ее нежных, крепко сцепленных руках - это чувство безотлагательности, которое искривляло Силу от потребности, это чувство, которое давило вокруг него, требовало действий, так что что там, где обычно он избегал бы или отвергал вопрос, теперь, столкнувшись с ее честностью, он почувствовал желание ответить на него.

Честно. «Я уже говорил вам, что мне больше не нужна помощь. Империя - нет; это должно быть здесь в центре внимания». Лея отказалась подчиняться: «Никто не помогал в прошлом». Люк смотрел, чувствуя, что может упасть в эти огромные, сострадательные глаза, богатые, темно-коричневые сердцевины... Цвет сердцевины... где он это слышал? Он покачал головой; сломал собственную цепочку мыслей. «Я - по собственному желанию».

Я не прошу тебя или кого-либо еще простить меня». Лея снова поняла, что это переменчивое изменение полностью преобразует его в пространстве одного предложения; несколько минут назад он, казалось, отчаянно нуждался в ее понимании. Теперь, столкнувшись с искренним беспокойством, он немедленно попытался оттолкнуть его - все еще пытался. «Я прошу вас помочь в чем-то гораздо более важном ». Как он мог считать себя таким незначительным? «Возможно, помогая одному, я помогаю другому». «У меня нет отсрочки. Я упал слишком далеко, слишком много сделал, я аша...»

Он нарушил слово, но было слишком поздно. Стыдно, Лея знала; и ты не мог стыдиться, если не осознавал своих ошибок; раскаяние. Он не просто признал свои ошибки - он сожалел о них. Он их пожалел! На месте единственного промаха перед ней сидел другой мужчина... а может, очень знакомый. «Люк, мы все спотыкаемся», - сказала Лея, прекрасно понимая, что разговор

открывает новую территорию. "Спотыкаться?!"

Он покачал головой, покрытые шрамами губы расширились до пустой самоуничижительной улыбки: «Нет, я не споткнулся. Я упал ... и продолжал падать. И теперь я обнаружил, что я так далеко от света, что могу Я даже не начинаю сопротивляться своему обратному пути. Это не ошибки; это не сиюминутные промахи или мимолетные просчеты. Это вопиющие недостатки, и они мои одни, и я не могу от них отступить - они часть меня.» он сглотнул, руки сжались в кулаки. «Мне и не нужно, если они достигают более важной цели - более важной цели». Лея нахмурилась, только что неуверенно.

Казалось, он одновременно принимает и сожалеет, как будто он тысячу раз продумывал это дело в своей голове и не мог прийти ни к какому другому выводу, кроме как проклясть себя. «Я не понимаю». "Ты веришь в судьбу?" - спросил он серьезным тоном, его бледные, небесно-голубые глаза смотрели на нее. "Нет." Он слегка улыбнулся; едва подергивание. «Вы верите в наследственность? Я сын лорда ситхов; Тьма во мне - она течет с кровью по моим венам». «Я не верю, что если вы сделали что-то не так в своей жизни, то вы потеряны - безнадежно». «Джедаи этому верили. Бен и Йода верили».

«Тогда они ошибались». - твердо сказала Лея. Призрак улыбки коснулся его покрытых шрамом губ, когда он произнес в ее адрес слова, которые она так часто обвиняла против него: «Вот так?» «Да, именно так», - сказала Лея, впервые абсолютно уверенная. Для него - о нем. Призрак улыбки остался на его губах, когда он отвернулся, голос был едва слышен шепотом, перемены были как всегда переменчивыми. «Однажды ты сказал ... ты сказал мне, что я понятия не имею об аде, кроме как для того, чтобы навлечь его на других ...»

Он замолчал, когда Лея вздрогнула от собственного обвинения, мелкая нахмуренность на мгновение вернула его все еще юные черты лица в то же самое. возраст, как его уставшие от мира глаза. «... Я никогда не верил в ад - я никогда не думал, что вселенная может быть настолько жестокой. Но если бы вы спросили, я бы сказал, что ад - это огонь и сера; огромное, вздымающееся, многолюдное место, в котором толпились миллионы грешников, страдания за свои грехи. Наказание, расплата... возмездие ».

Теперь я без сомнения знаю, что оно существует, но я считаю, что это совсем не так. Ад - это пустая комната. Ад - это тихая ночь. Ад - это я, наедине со своим разумом, моими воспоминаниями и моими сожалениями. Ад - это моя жизнь ". Это был мимолетный проблеск; мимолетное ощущение разорванной, измученной души. Под влиянием абсолютного отчаяния в этих словах она протянула руку через стол и взяла его руку - мягкую, теплую и очень человеческую. Эти преследуемые глаза обратились к ней; «Если бы я мог это изменить... если бы я мог это изменить... если бы я мог это изменить... не думаете ли вы, что я бы уже сделал это?»

Что-то внутри нее сломалось при этих словах; какой-то последний интервал нарушился: «Люк...» Он ударил ее, как телесный удар; расширила глаза от осознания, сжимая пальцы вокруг его, пока ее ногти не врезались в плоть. То , что казалось так хорошо менее чем час назад был теперь абсолютно, безусловно , неправильно, она могла чувствовать ее всеми фибрами своего тела, почувствовать его зажигая кровь по венам, знание настолько сильно , что это было трудно говорить через нее сжалось горло.

"Вы должны идти - быстро!" Люк нахмурился, его собственное сознание почти мгновенно прояснилось, и он вернулся к моменту в ответ на ее страх. "Почему?" Лея наклонилась вперед, и произнесла меньше шепота: «Мадин!» Он приподнял подбородок, потянувшись своими чувствами... но не было ничего - никого рядом, кроме Мары, никакой предполагаемой угрозы, кроме откровенной паники Леи. "Они здесь - сейчас!" прошептала она. «Они все вокруг тебя».

Он слегка склонил голову в сторону и обострил свои чувства, полузакрыв глаза, ища все, даже самое маленькое но не было ничего - абсолютно ничего - и это было неправильно. Он обратил на это острое, как бритва, восприятие, и теперь, когда он знал, что искал, они были все вокруг него. Пузыри; трещины в его восприятии. Дыры, в которых Силы просто не существовало.

Он быстро встал, стул зазвенел за его спиной, не обращая внимания; в тонкости было мало смысла; если бы за ним наблюдали или подслушивали, Лея не сказала бы ему так прямо, как она, - или, возможно, она чувствовала, что у него так мало времени. Мара открыла дверь прежде, чем он подошел к ней, с бластером в руке, почувствовав его внезапное возбуждение, хотя она явно еще не почувствовала трещин. "Что это такое?"

«Что-то...» - он не мог этого объяснить, не мог определить. Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного. Мара немедленно повернулась к Лее, подняв бластер. "Я полагаю, ты уже знаешь, так что ..." Люк поймал ее руку, когда она поднялась, оттолкнув бластер в сторону: «Это она меня предупредила. Нам нужно двигаться сейчас». Он снова повернулся к Лее: «Есть ли безопасный путь?» Лея покачала головой, не зная, почему она ему помогает, но абсолютно зная, что ей следует: «Я не знаю - я действительно не знаю. Я даже не знаю, как они это делают. Мне ничего не сказали, так что вы не пойму. "

Люк почти сказал Маре протянуть руку с Силой, намереваясь направить ее, показать ей трещины, но вовремя поймал себя; несмотря на этот новый уровень доверия между ним и Леей, ей не нужно было знать способности Мары. Вместо этого он подошел к двери, Мара повернулась за ним. Он на мгновение остановился, оглядываясь на Лею. "Это еще не конец?" пока он говорил, он кивнул столу и стульям, указывая на их разговоры. Лея почувствовала непрощеную улыбку на ее губах: «Нет. На самом деле, я думаю, это наконец-то начинается». Лея наблюдала, как, несмотря ни на что, лицо Люка расплылось в широкой искренней улыбке - и о, он был так похож на Люка, которого она знала. В это мгновение последние семь лет сжались в единый укол сомнения, настолько незначительного, что он был незначительным. Она почувствовала, как ее собственная робкая улыбка стала шире; почувствовал, как между ними возникло какое-то оживленное сочувствие - а потом он ушел, его шаги едва ли не шепотом затерялись в тени.

Они двигались по полуосвещенным коридорам со скоростью, чуть не превышающей пробег, возвращаясь назад к одному из двух открытых погрузочных отсеков грузового корабля и к космической станции за ним, хотя на самом деле это был план Б; Дело в том, что они наклоняли свой путь, надеясь гораздо быстрее выйти в первом же аварийном воздушном шлюзе, которого им удалось достичь по пути. "П Люк кивнул и снова начал медленно. Он видел несколько изображений в файлах Intel своего старого Учителя, и они казались достаточно маленькими, чтобы их было легко нести. "Как повстанцы узнали о них?" - зарычала Мара, ускоряясь рядом с ним. «Это не совсем общеизвестно».

"Рис знал о них?" «Рис? Нет, я так не думаю», - резко обернулась Мара. «Вы думаете, что человек, которому он передавал информацию, был Органой?» «Нет. Я спросил ее прямо о некоторых данных, которые, как я знал, однажды передал Рис, и она даже не вздрогнула». «Рис никогда не поможет восстанию. Что бы он ни делал, этого не будет, он слишком предан Империи». «Я не думаю, что он гонится за Империей, он за мной». Бег Мары превратился в бег трусцой, затем она замедлилась до остановки, понимание придало ей тональности. «Погодите - вы знали, что это ловушка?» Люк замедлил шаг, глядя в коридор, желая уйти. «Не особо. Я знал, что Рис всю неделю был как напуганный мойнок - даже Натан сказал, что он нервничает - и я знал, что с Леей что-то не так, как только увидел ее.

Но я не знал, что именно». «Ты хотел увидеть, что она сделает...» - нахмурилась Мара, поразившее окончательное осознание - «или, скорее, если она с этим справится». Она покачала головой: «Все еще играешь в сабак, да? Та же игра, разные фишки». «Прежде чем вы взорветесь, я хотел бы указать, что не хотел, чтобы вы пришли». Мара подняла брови: «Ты думаешь, я бы меньше взорвалась, если бы узнала, что ты знал, что это ловушка, и специально вошел в нее один?» Среди всех их проблем Люк ухмыльнулся: «Ну, я думаю, по крайней мере, ты был бы подальше». Мара сухо кивнула: «Да, ты бы все равно это слышал». Люк снова посмотрел в коридор. «Чего я не допустил, так это Мадина».

"Рис передал информацию Мадину?" Мара была так же шокирована, как и Люк, этим именем, но у него было немного времени с тех пор, как Лея произнесла его, чтобы переварить этот факт, и в ретроспективе оно идеально подходило. «Я думал, что он просто играет в Королевских домах - Кирия сказал, что он на самом деле принял предложение напрямую, - но Мадин был бы лучшим выбором, если бы Рис нацелился на меня, а не на Империю; у нас с Мадин долгая история, а Рис знает это, к тому же он знает, что это единственный раз, когда охрана как минимум старается держать эти встречи в тайне». Люк попятился по коридору, взяв Мару за руку, желая снова двинуться с места. «Чего я особенно не допустил, так это Мадина и исаламири - нам нужно продолжать движение». . .

Лея быстро прошла через небольшую комнату для собраний, когда Люк и стройная рыжая ушли, но к тому времени, как она подошла к двери, они все еще ушли, единственный звук, который она могла слышать в пустом, полуосвещенном коридоре, - это звук ее собственного сердца. по ребрам, громко, как барабан в ушах. Потому что она это сделала; именно она сказала ему бежать.

Ее рука коснулась ее лица, сердце все еще колотилось... она поступила правильно, не так ли? Она знала... она это знала. Полдюжины отрядов повстанцев в спецодежде вышли из-за дальнего угла и прошли мимо нее, продвигаясь по двое в медленном, осторожном темпе, с оружием наготове. Только один из них кивнул в знак признательности, когда Лея смотрела, как они уходят, хмуро глядя на тяжелые рюкзаки, которые они носили на спине - что-то вроде рамки... это что-то живое в кадре? Они прошли, и ... что-то закрутилось в глубине души Леи, заставив ее на мгновение закружиться, как будто кто-то только что выдернул пол из-под ее ног ... затем так же быстро ощущение исчезло, и Лея моргнула, качая головой.

Затем она снова осталась одна, смотрела в никуда, размышляя о своих действиях, и в абсолютной тишине прислушивалась к тихому голосу на задворках своего разума, к этому смутному, неопределенному внутреннему чувству, которое так часто подавлялось огромным грузом лежащих на нем обязанностей. тяжело на ее плечах. Но в тот момент... в тот момент, когда она сидела и смотрела в эти странно несовпадающие глаза, это казалось таким абсолютно, абсолютно правильным. Она была сделана правильно, предостерегая его; она знала это абсолютно.

Она думала, что к этому моменту она будет чувствовать себя глупо из-за того, что помогла ему, злилась на себя за то, что предала собственное дело, но... нет. Нет; она поступила правильно. Лея на мгновение подумала о Хане, который остался с шаттлом, не желая участвовать в этом.

Она отчаянно хотела рассказать ему, поделиться этим прозрением волнующих и ужасающих последствий. К настоящему времени он бы вернулся на «Зефир», поскольку по плану Лея и все находящиеся на борту «Осы» должны были встретиться с «Зефиром» в полутора световых годах от космической станции ... она все еще рассеянно смотрела из иллюминатора коридора, задаваясь вопросом как именно они собирались это сделать с безмоторной Осы, когда она поняла, что они движутся. . . Мара быстро побежала по коридору, держа в руке свой бластер.

Он был компактным и легким, и вряд ли соответствовал тому, что Люк мрачно подсчитал среди множества десятков обученных и предположительно хорошо вооруженных солдат, которые находились на борту, судя по разрывам, которые он заметил в Силе, но пока Мара не знала.

Я не видел ни одного - ни одного выстрела. Не то чтобы она жаловалась; она была не против немного увеличить шансы, но один компактный бластер против нескольких дюжин E-11 или, может быть, даже A-280 раздвигал границы даже для нее. Замкнутые коридоры тоже не были идеальным местом, чтобы преодолевать их на скорости, они оба опасались, что любая комбинация людей, оружия и техники может быть спрятана за любой из множества закрытых дверей, мимо которых они прошли. Кроме того, это было большое грузовое судно высотой около ста восьмидесяти метров, а это означало, что множество коридоров огибали несколько массивных складских отсеков, и это тоже работало против них с точки зрения времени, чтобы добраться до воздушного шлюза или выходных отсеков в задней части грузового судна. Мара вытащила комлинк и попробовала снова на бегу.

«Все еще блокирую каналы связи». «Нет проблем, я могу просто использовать Силу для связи с чувствительным к Силе на борту Sol Ecliptic и...» - он сделал паузу, голос был сухим и поддразнивающим, а не гневным, - «Ой, погоди, ты прямо здесь, рядом со мной». Мара сузила глаза, когда они побежали: «Как долго вы ждали, чтобы сказать это?»

«Практически с тех пор, как мы впервые начали бегать», - легко сказал Люк, дрожащим голосом, пока они бежали. Они притормозили, когда подошли к слепому повороту, Мара подняла пистолет и прижалась к углу, пригнувшись, прежде чем она рискнула оглянуться за край стены. "Очистить." Они были в пяти шагах по коридору, когда Люк остановился, глядя вперед. «Разломы». "Сколько?" "Очень много." Мара взглянула на него: «Сквозь или вокруг?»

Люк уставился, и Мара почувствовала его разочарование; что ему не терпится сказать: «Насквозь» ... но узкие коридоры и множество противозрывных дверей на этом участке были слишком большим риском. Он стиснул челюсть, отступая. «Круглый - найди другой коридор. Мы все еще идем к шлюзу?» "Примерно". Они все еще направлялись к одному из четырех шлюзов, которые колеблются по длине большого грузового судна, надеясь, что их намерение будет замаскировано их более очевидным направлением к задним отсекам. Но прямо сейчас они снова отступали, открывая двери, мимо которых они только что пробежали в поисках альтернативного маршрута, вынуждены красться по диагонали через корабль, чтобы также поддерживать свой курс к ближайшему шлюзу. Люк взглянул в коридор, из которого они только что вышли: «Они гаснут свет позади нас?»

«Да, потому что это нас побеспокоит». - сухо сказала Мара. «Будет, если они подойдут к исаламири достаточно близко». - сказал Люк, хмурясь в сторону длинного коридора. «Взрывная дверь в дальнем конце была открыта раньше, мы прошли через нее». «Хорошо, - пробормотала Мара, - с меня этого почти достаточно». Вытащив световой меч, который сделал для нее Люк, Мара активировала его и прижала лезвие к полу. Короткая вспышка искр осветила полумрак, когда она ударила по кабелю, Люк отпрянул и прикрыл глаза от ослепляющей вспышки. "Что делаешь?"

«Я устала следовать их маленькому плану маршрута», - сказала Мара, перемещая саблю по полу с такой скоростью, насколько это позволяли силовые кабели с номинальным сопротивлением под тяжелыми пластинами пола из пластмассы. «Я думаю, что выберусь сам, спасибо».

Осознав, Люк огляделся: «Боковая стена ближе». "Да уж?" Когда Мара вытащила саблю, пол ненадолго сдвинулся под ее ногами, заставив ее пошатнуться, чтобы удержать равновесие на

мгновение, когда она взглянула на Люка. "Это ты?" Он тоже вытянул руки, чтобы удерживать равновесие. "Нет ... это грузовое судно?" «Делает что - у него нет досветовых двигателей». Люк огляделся, пытаясь проникнуть в чувства через постоянно сужающийся проход между тревожными трещинами в открытое пространство за его пределами. «Что-то ... они уронили защитные экраны снаружи; отсеки открыты в космос».

«Отлично. Что ж, сейчас мы не выходим через боковую стену или воздушный шлюз. Не без кислородных масок». «Вероятно, мы могли бы...» - он сделал паузу, когда тревожный сдвиг затронул более основные чувства, его внутренний баланс адаптировался. «Мы переезжаем». "У них нет субсветов !" - повторила Мара, хотя она тоже почувствовала тонкое изменение. «Есть ли в заливе гравитация? Вы не можете изменить гравитацию в достаточной степени, чтобы...» она замолчала, осознание чего-то вспыхнуло между ними в одно и то же мгновение. "Мы на буксире!" «Должно быть, он ждал за пределами бухты», - сказал Люк.

«Это вытаскивает нас». Буксир, сообразила Мара; буксир, должно быть, ждал где-то в трясине движения за пределами залива, чтобы зафиксировать тяговый луч на борту грузового судна, когда упали щиты отсека. От следующего вопроса Люка жжение в животе перешло в горло. "У этой штуки были подключены скоростные двигатели?" Мара смотрела, ее охватило ужасное подозрение. «Нам нужно двигаться», - сказал Люк, снова взяв ее за руку.

«Мы не можем оставаться на месте - они приближаются». «Аварийные спасательные капсулы». - немедленно сказала Мара, хотя Люк покачал головой. «Это первое, что я бы саботировал... или наполнил исаламири и солдатами. Это не спонтанно, это хорошо спланировано». «Значит, фондовые бухты», - сказала Мара, зная, что он прав; она пришла к тем же выводам, даже когда предлагала спасательные капсулы. «Нам нужен транспорт». «В этот момент я бы взял костюм». Сказал Люк - затем замедлился. "Подождите." «Опять ?!

Почему бы нам просто не пройти через них?» «Потому что трещин становится меньше, но больше, поэтому я предполагаю, что они группируются». "Насколько больше?" Люк смотрел в темный коридор, его хмурый взгляд превращал шрам вокруг его глаза в знакомый серп. «Большой. Два коридора высотой и на таком же расстоянии вокруг». Мара смотрела вперед, пустота была едва различима для ее все еще созревающего восприятия.

"Сколько людей?" "Я не знаю." "Примерно". Они снова отступили, открывая двери, пока говорили, ища альтернативный путь. "Я упоминал, что это пустота?" "Ну, сколько отдельных пузырей составило бы это пространство?" Ни один из них не остановился, чтобы открыть дверь, пока они говорили, голоса были спокойными, разговорными, но немного слишком резкими.

«Во-первых, я не потратил так много времени на сравнение фактического размера пузыря, во-вторых, вы предполагаете, что на каждый пузырек исаламири приходится только один солдат, а в-третьих...» «В-третьих, вы, наконец, начали понтификаты с числами от Риса». - сказала Мара, склонив голову набок. Люк закрыл глаза; «Я получил прекратить делать это.» "Вот!" Люк повернулся, чтобы присоединиться к Маре, когда они двинулись по коридору, который она нашла. Они сделали три поворота, прежде чем новый крен показал, что корабль набирает обороты. «Мы вышли из бухты». - сказала Мара, не прерывая бега. . .

На борту имперского фрегата Sol Ecliptic атмосфера начинала накаляться. Несколько минут назад они поняли, что их связь с Люком и его оперативным подразделением заблокирована, но это не было неожиданностью в подобной ситуации. Тем не менее, два оперативных подразделения, которые Вез разместил на станции, были немедленно активированы и отправлены в это место - и вскоре исчезли в полной тишине. Вез остался перед мостом, координируя усилия, довольный тем, что смог продемонстрировать некоторую озабоченность и

надежность, разместив на станции дополнительные войска для отправки на помощь Императору.

У него не было гарантии, что Мадин, козырный козырь Веза, пойдет сегодня, и понятия не имел, что на самом деле сделал бы генерал повстанцев, если бы он это сделал, но вся информация, которую передал Вез, вела Мадина в этом направлении. Теперь ему просто нужно было продемонстрировать внешнее заинтересованное усердие и поверить в то, что бывший имперский стратег ничуть не хуже его репутации.

Люк и раньше побеждал Генерала, но это всегда происходило на равных; на этот раз он даже не знал, что Мадин будет здесь, Теперь все, что он мог делать, - это реагировать на события по мере их возникновения, как и все остальные, хотя и с совсем другой конечной целью. Было хорошо известно, что Мадин питает личную неприязнь к Императору, и когда он был имперцем, он имел репутацию человека, решающего такие вопросы с безжалостной окончательностью.

"Шлем?" напряженный голос капитана вернул Веза к моменту, когда он остановился на мостике «Сол Эклиптика», все взгляды на звездный пейзаж впереди, в то время как небольшой фрегат перемещался между шумным движением и огибал массивную космическую станцию.

«У нас будет прямая видимость меньше чем через минуту, сэр. Однако нет ничего достаточно большого, чтобы двигатели грузового судна класса VI регистрировались при сканировании». Офицер тактики поднял голову: «Сэр, у нас есть переданное сообщение от второго оперативного отдела, все еще в зоне помех; они говорят, что главные двери в заливе Сорок восемь закрыты - он открыт для космоса. Они не могут попасть внутрь. . "

Вез повернулся напряженным от беспокойства, которое не было полностью сфальсифицировано; он хотел бы вытащить Джейд, если бы мог. Если нет - что ж, в запасе у него всегда был Кирия Д'Арка. «Скажи им, чтобы они отступили и поищи какие-нибудь костюмы - и дай мне командера станции по связи». . Рядом Натан принялся жевать ноготь большого пальца, наблюдая за плавной работой военного корабля в активной обстановке. К этому он должен уже привыкнуть; он достаточно раз был на мостике с Люком, даже в полной боевой готовности.

И в обеих предыдущих встречах между Люком и Органой с обеих сторон были помехи; в этом нет ничего необычного, снова сказал он себе... но залив Сорок восемь теперь открыт для вакуума; конечно, это было не так?

Теперь он посмотрел на Веза, который хладнокровно и непоколебимо стоял рядом с капитаном « Эклиптики» . Вечно осторожный Вез, который послал две дополнительные тактические группы почти сразу же, потерял связь с Люком. «Самый быстрый курс», - сказал Вез Хелму, капитан « Эклиптики» повернулся к Тактическому. «Зарядите батареи, ТИЕ в режиме ожидания, щиты полностью заряжены». Натан еще немного выпрямился; это все нормально, молча заверил он себя; это были просто меры предосторожности.

«Сэр», - нахмурился офицер связи, - у меня входящий звонок по стандартному каналу Intel, он помечен как «критический». Команд от агента по имени Аргот ». Вез нахмурился: «Не обращайтесь на это внимания; Аргот не использует стандартные каналы. Фактически, расшифруйте его, если это стандартный код, и отправьте на мой стол, я прочту его позже.

Посмотрим, сможет ли Intel найти его след». Натан быстро подошел к нему, благодарный за то, что сделал, даже если никто другой не посчитал это важным, взглянув на офицера: «Ты

можешь расшифровать это здесь?» Если это был Аргот, который рискнул послать сообщение по стандартному каналу, который мог бы расшифровать любой, то это должно быть серьезно; все сообщения обычно отправлялись по защищенному коду, и Аргот знал, что ключ был только у Люка. Натану пришло в голову только сейчас, когда он думал об этом, что если Аргот послал его со стандартным шифрованием, то он не ожидал, что Люк окажется на борту и прочтает его.

Нахмурившись, Натан взглянул на экран комм-консоли, когда сообщение расшифровывалось - и выругался себе под нос. «Вез, тебе действительно нужно это прочитать». Натан повернулся к капитану, услышав дрожь в собственном голосе. «Я думаю, нам нужно озвучить боевые станции». . . Когда вошла Лея, на мосту «Осы» было десять солдат, все в специальной экипировке, большинство из них собралось вокруг ряда виртуальных экранов перед мостом, Мадин среди них, внимательно наблюдая, направляя свои войска. Больше всего ее внимание привлек необычный купол из плексигласа, прикрепленный к потолку, трубчатая рама, состоящая из двух рюкзаков, которые, как она видела ранее, носили в нем солдаты спецназа, и обернутые вокруг них ... очередной раз.

Они живы ? "Сэр!" человек по тактике поднял глаза от своей консоли, его слова отвлекли взгляд Леи от купола. « Сол Эклиптика движется; она идет курсом на перехват». "Время ускориться?" «Три минуты, сэр; примерно то же самое до перехвата Эклиптики» .

Лея взглянула через широкое окно обзора, которое давало угол обзора около трехсот градусов, но Имперского фрегата еще не было видно. Возникла мысль, и она оглянулась; что такое "скорость"? Ее взгляд упал на управление штурвала, где добрые восемьдесят процентов огней, которые давали бы стандартные показания двигателя подпространства, были, конечно, темными, а «Оса» двигалась только потому, что находилась на буксире... так для чего же были остальные двадцать процентов активных огней?

Ей нужен был всего один шаг ближе, чтобы понять. . . «Пройдите через них». - сказала Мара, когда они с Люком замедлились до остановки, перед ними в Силе образовалась достаточно большая пустота, которую даже она могла выделить, хотя не могла точно определить ее края. Люк был необычайно осторожен, и она не знала почему; Обычно он вытащил бы свой световой меч и направился прямо к ближайшей группе солдат, и она знала это, исаламири или нет. Вместо этого он покачал головой: «У нас между нами один бластер».

«У нас есть два световых меча, и мы можем заблокировать - вы можете заблокировать дюжину бластеров во сне». «И если они попадут рядом с одним из исаламири...» «Пузырьки не защищены от бластеров, как и ящерицы. Держите подальше от меня бластерные выстрелы, а я их выстрелю». «Я говорю о этаже выше или ниже нас, где мы не можем видеть его приближения - достаточно близко, чтобы расширить пропасть вокруг меня.

Они наблюдают за нами, потому что они закрывают и открывают противозрывные двери вокруг нас; они точно знают, где мы. Если они переместят исаламири внутрь, и мы окажемся в разломе, я не смогу защитить вас ». Мара нахмурилась и снова побежала, потому что Люк выступил вперед. «Нам нужен бластер». «Ищите единственную трещину - маленькую». Мара мрачно кивнула на бегу: «Этот парень держит твой бластер?» «Да... и я хочу увидеть исаламири». Они сделали это на значительном расстоянии ближе к тому месту, где, как они знали, были бухты, прежде чем Люк остановился. "Хотите хорошие или плохие новости?" "Что может быть хуже, чем это ?!" Он приподнял брови, и она вздохнула: «Хорошо... хорошо». Sol эклиптики это закрытие, я чувствую это. Слишком много умов, чтобы быть кем-то еще ". "Плохо?" Мара почувствовала, что бодрит.

«До бухты меньше минуты - и, может быть, двадцать или тридцать исаламири». "Между нами и заливом?" Люк кивнул: «Если мы не сможем как-нибудь обойтись». «Есть еще одна бухта прямо наверху, на следующем уровне, но я не знаю, был ли в ней какой-нибудь транспорт. Нам нужно вернуться назад, чтобы подняться на уровень». «Я не думаю, что у нас так долго». Мара повернулась, чтобы посмотреть в затемненный коридор позади них, заметив совсем другую тень, которая затмевала ее восприятие. «Ну, они закрываются сзади».

Люк пожал плечами: «Так или иначе, нам нужно попасть в эту бухту». Мара сделала несколько шагов по боковому коридору, прежде чем сообразила, что в нем тоже есть темные пустоты. Взгляд Люка оставался впереди. «Я не думаю, что есть кто-нибудь с некоторыми исаламири рядом с заливом; некоторые вообще не двигались. Они могли просто помешать нам продвинуться к ним или загнать нас в залив». "Давайте выясним, что, не так ли?" . .

Медленное сопротивление затянуло корпус под ногами Леи, когда старое грузовое судно набрало обороты и изменило направление. Она выглянула и увидела второй буксир, на этот раз впереди, стыковочный отсек давно исчез, грузовое судно набирало скорость под натиском дуэльных буксиров. Нахмурившись, Лея упала взглядом на огни рулевого управления ... и она точно знала, что Мадин собирается делать. Ее глаза снова обратились к таинственному пузырю из пластали на высоте потолка. «Исаламири».

Голос Мадин позади нее заставил Лею подпрыгнуть. "Есть несколько упоминаний о них в закрытых документах, полученных в конце Войн клонов. Персонал Имперского командования имел доступ к некоторым высокоуровневым данным разведки, извлеченным из хранилища в Храме джедаев Старой Республики. Они предположительно создают пространство вокруг те, в которых нейтрализованы способности чувствительного к Силе ". Он гордо улыбнулся: «Кажется, они работают». "Они живы?" - неуверенно спросила Лея.

Мадин оценивающе поднял глаза: «Evolution такая элегантная, как бы она ни была умна - мышь, которую она создает, где-то там есть кое-что, что вы можете использовать в качестве ловушки. И на случай, если они не сработают, хорошо, тогда я есть небольшая дополнительная страховка в виде искусственной бионауки и друзей в высоких кругах. Но, похоже, они сейчас делают свою работу ». "Они работают?" Мадин кивнул; «Я наблюдал за нашими гостями через защитные линзы; каждый раз, когда они приближаются к засаде, он замедляется». "Он может чувствовать солдат?" «Нет, я не думаю, что это его не остановит.

Что его останавливает, так это то, что он знает, что идет в область, где его навыки ничего не значат. Каким-то образом он знает, где находятся исаламири, и знает степень их влияния. Эффекты. Если он меняет курс, то это из-за исаламири, а это значит, что они работают. У меня на борту этого корабля шестьдесят военнослужащих, два отряда, вооруженных специальным оружием. Поскольку они кажутся немного сдержанными, чтобы пойти в засаду, мне нужно чтобы поставить на огневую позицию только одного человека ".

Тактический повернулся к генералу: «Он пытается добраться до бухты, сэр». "Скажите лейтенанту Кело, чтобы он немедленно вывел шаттл, а затем включите щиты. Начните выводить все войска на корму в бухту и заблокируйте все остальные выходы, давайте проведем его туда - это хорошо и открыто, и мы хорошо проведем время. на линии огня. Скажи им, чтобы они не рисковали, просто сдерживали его. Мы разберемся с этим, когда перейдем на скорость света ". "Что насчет женщины, сэр?" Мадин покачал головой, оставив Лею идти вперед к тактическому дисплею. «Не важно. Избавиться от нее. Шлем?» «Примерно полторы минуты до скорости света, сэр. Гипердвигатель включен и заправлен.

Мы готовы прыгать, когда набираем скорость и курс». «Не ждите моего сигнала - просто

прыгайте, когда станете зеленым». Теперь в голове Леи гудело, от осознания этого перехватило дыхание в груди, сердце колотилось. Когда «Осу» повернули в сторону от станции и направили на ее траекторию, и буксиры довели ее до максимальной скорости в свободном от гравитации пространстве, включились бы двигатели со скоростью света.

Они выпрыгнули бы - с Люком на борту. Был хороший шанс, что они его действительно поймают; из-за Леи они поймают его. Она привела его сюда, она сказала ему, что это безопасно. Из-за нее они его поймают. Они были далеко от станции и почти вышли в открытый космос, когда Sol Ecliptic показалась на краю обзорного экрана: первые выстрелы с дальнего расстояния осветили яркими полосами нос разбитого грузового корабля, последний зацепился за щиты и сотряс корабль. пол трясется под ее ногами. . . Они были близко к нижней бухте, когда корабль неловко покачнулся, заставив их слегка пошатнуться.

«Турболазерный огонь». Сознательно сказала Мара, имея большой опыт в определении этого. Люк кивнул, не останавливаясь. «Солнце Эклиптики». Разломы в Силе становились все ближе и больше, охватывая их со всех сторон, хотя оставалась единственная четкая линия. "Сколько солдат?" - снова спросила Мара, затаив дыхание, как и они оба.

«Выберите номер», - сказал Люк. "Пятьдесят - сто?" У него все еще не было пистолета, что было слишком большим совпадением, учитывая количество вооруженных солдат на этом корабле, исходя из количества расколов в Силе; План явно заключался в том, чтобы любой ценой избежать его и Мару и попытаться направить их, запирая и отпирая взрывные двери из некоторого центрального места, оставляя исаламири на дальней стороне каждой закрытой двери, чтобы Люк не мог просто разорвать их снова с помощью Силы.

если они попытаются вернуться назад. Люк в любом случае испытывал сильное искушение попытаться сделать это, открыв двери, используя свои световые мечи, чтобы отправиться на поиски бластера, за исключением времени, которое он потратил бы.

Он был чертовски уверен, что все двери, через которые они прошли, теперь будут заперты; их аккуратно загоняли к основным отсекам в задней части грузового судна. Он снова взглянул на Мару, когда они бежали, внутренне проклиная свое решение позволить ей прийти сегодня; он знал, что что-то должно произойти, но позволил уговорить себя, упустил возможности их побега, которыми он обычно воспользовался без колебаний, вместо того, чтобы подвергнуть риску Мару, и теперь ... Теперь они оба прекрасно понимали, что это, вероятно, ловушка, которую они собирались устроить в стыковочном отсеке, но это также был их единственный выход с корабля, единственная возможная посадка для канонерских лодок, которые, как знал Люк, направлялись в их сторону.

Его рука бездумно коснулась сабли, когда он замедлил ход, и он снял ее с пояса, приложив большой палец к спусковому крючку; снова у него возникло искушение начать прокладывать свой собственный путь, чтобы хотя бы помешать планам Мадина, но он не хотел рисковать тратой времени, зная на каком-то подсознательном уровне, что оно заканчивается. "Спорим, ты хотел бы, чтобы мы больше практиковались сейчас со световым мечом, а?"

Мара безрадостно пошутила, глядя на руку Люка. «Если бы я хотел, я бы хотел, чтобы мы снова оказались на Солнечной эклиптике». - сказал Люк, медленно переходя к шагу перед полуоткрытыми дверями отсека. «Или что исаламири здесь не было, и в этом случае это было бы не более чем легкое упражнение. Готовы?» . . Лея стояла на несколько шагов назад, рядом с вспомогательной консолью, глядя на странных существ, покорно лежащих на толстых трубах в пласталиевом шаре, яркие вспышки огня Имперского фрегата отражались от его поверхности, когда они последовательно пересекали нос Осы.

ловить щиты и грохотать корабль. "Входящий!" Тактический сказал. «Имперский фрегат находится в зоне прямой видимости и приближается к нему. Плюс у меня две эскадрильи ТПЕ и две канонерские лодки». "Время перехватить?" «Четыре ТПЕ и одна канонерская лодка вступают в контакт, прежде чем мы сможем прыгнуть, сэр. Шилдс на восьмидесяти процентах». «Держите их черепицей на корме, канонерская лодка попытается пройти под ними». Канонерская лодка; десантный корабль, Лея знала. Они пытались попасть на борт - пытались добраться до Люка.

Другой дальний взрыв ударил по щитам, опасно раскачивая старое грузовое судно, и она посмотрела на беспилотный вспомогательный тактический пульт на бедре; у них был усиленный военный щит, но он быстро исчезал. «Щиты опускаются до семидесяти процентов, сэр».

«Держите их между нами и канонерскими лодками; если понадобится, мы нанесем удар в другом месте, чтобы не подпустить эти канонерские лодки». Взгляд Леи метался между приближающимися ТПЕ, канонерскими лодками и беспилотной тактической консолью, ее внимание было обращено на показания разрушающегося щита и медленный обратный отсчет до скорости света; они почти на месте, гиперпространственные двигатели на полную мощность... они справятся, поняла она; это будет ухабистая поездка, но они действительно справятся -

И в тот момент это было так легко; она думала, что это будет некоторая грандиозная борьба между долгом и совестью, между прошлой дружбой и нынешней лояльностью ... но это было не то. Это даже не было выбором; это было внутреннее чувство такой врожденной силы и убежденности, что все, что она могла сделать, это действовать. Она потянулась к беспилотной консоли и переключила переключатели на плате, уронив щиты Осы . . .

На борту носовой канонерской лодки Вез неподвижно стоял позади двух пилотов, Клема, десяти штурмовиков и еще полдюжины солдат спецназа позади него, с оружием наготове. Они летели на полном наклоне, чтобы соответствовать скорости грузового корабля, достаточно близко, чтобы теперь видеть внутри двух штабелированных отсеков движение в обоих, но военные щиты «Осы» сдерживали их и не могли прорваться. Вез раздраженно поджал губы; он не хотел терять Джейд одновременно со Скайуокером.

Она была его основным выбором для... С рябью рассеиваемого тока плотные щиты перед ними растворились. Вез ухмыльнулся, наклонившись вперед: "Давай, давай, давай!" . . Люк был в бухте, он и Мара были прижаты шквалом интенсивного бластерного огня, вынуждены укрыться за быстро разрушающимися ящиками для хранения вещей. Лазерные выстрелы представляли собой постоянный поток, явно предназначенный больше для удержания их в неподвижности, чем для фактического сбивания, их цель часто была дикой, но огромное количество их делало работу, солдаты явно опустошали свои бластеры в непрерывном огне, а затем перезаряжали их. число, составляющее почти непрерывный поток.

Они продвинулись дальше, чем имели на это право, но Люк мог видеть, как Мара теперь держала свой пистолет; вижу, что у нее в руках жарко. В бухте было пятеро мертвых солдат, трое из которых сбита Мара, а двое Люк отбивали стрелы своим световым мечом обратно к их создателям, но все пятеро попали под постоянно усиливающееся влияние исаламири, поэтому, хотя их бластерные винтовки лежал на полу рядом с ними, с таким же успехом они могли вернуться на станцию Квенн, несмотря на всю пользу, которую они были для Люка.

Он взглянул на Мару; увидел ее рот: «Ну, это не работает» для него, хотя он ничего не слышал из-за какофонии бластерных зарядов, и пришел к решению, о котором обдумывал в последнюю

минуту. Вставив саблю в пластины палубы, он начал резать, сопротивление экранированных кабелей заставило рукоять отразиться вверх по его руке. "Что ты сейчас делаешь?" - крикнула она. Люк оторвался от своего задания: «Мы покидаем вечеринку».

Он не собирался делать это ... но Мара могла - и если Люк останется, он был чертовски уверен, что они не последуют за ней. Он мог дать ей шанс отступить; шансы, с которыми она могла справиться. Когда он посмотрел вниз, небольшая область осознания, оставленная им в Силе, быстро сузилась до узкой трещины, Мара схватила его за руку, выкрикивая его имя. Люк взглянул на заднюю часть стыковочного отсека как раз вовремя, чтобы увидеть, как опускаются внешние защитные щиты грузового корабля, их бледно-молочная подпись исчезает, давая прекрасный вид на быстро удаляющуюся станцию Квенн и приближающиеся ТПЕ, приближающуюся канонерскую лодку, приближающуюся горячее, это нос вверх на долю выше - И Люк знал, что должно было случиться.

Он подумал, что у него осталось меньше минуты. Он повернулся к Маре, присевшей рядом с ним. «Послушайте меня. Вам нужно пойти в мой личный кабинет; в изолированное хранилище данных там. Найдите документ под названием «Экстраполированные передвижения периферийного флота», датированный прошлым годом. Вам понадобится пароль, чтобы открыть его, а также проверка ДНК; пароль - «изумрудные глаза», понятно?»

Скажи это в ответ ". Мара кивнула: «Документ, передвижения крайнего флота, пароль - изумрудные глаза». Она остановилась, понимая, что это она; изумрудные глаза. «Откройте его. Это все - долгосрочный план, стратегия на следующие пять лет, все, что я задумал. Если я не...» "Даже не..." «Слушай! Если я не вернусь, все будет внутри. Я не могу заставить тебя сделать это, точно так же, как Палпатин не мог заставить меня следовать за ним... но я могу спросить.

Я могу надеяться». Он покачал головой: «Не позволяй этому сорвать все, Мара. Не позволяй нескольким радикалам разрушить семь лет моей жизни и все, к чему я стремился». «Мне не нужно это видеть - я не буду открывать». Они оба остановились, звуки приближающихся преследователей - на него; это его они хотели, ему они все пребывание и Люк знал. Канонерская лодка теперь с ревом неслась над головой - в верхний отсек; Люк знал, что это произойдет по углу носа. Из этой бухты туда был один выход; открытая лестница на четверть пути в залив. Слишком разоблачен. «Обещай мне, что ты это прочитаешь». Люк приподнялся и начал отступать; он втянул в это Мару - теперь он вытащит ее.

"Нет!" Мара схватила его за руку с широко открытыми глазами. «Почему ты вообще это говоришь, я не оставлю тебя здесь». У них не было времени спорить, ему нужно было ее вытащить; если это все, что ему удалось, то этого было достаточно. Он должен был вытащить ее. Скажи ей что угодно, скажи ей то, что она хочет услышать... «Черт возьми, ты не будешь. Я рассчитываю на тебя, Мара, чтобы найти меня и вытащить меня отсюда.

Ты знаешь, где меня найти с Силой - нет. -Это может сделать кто-то другой ". Конечно, у нее не было способностей; никто этого не делал, не для того, чтобы отследить чьи-то системы - но она этого не знала. Тем не менее, она держалась за него, когда Люк попытался отступить: «Нет, я не уйду от тебя. В прошлый раз я ушел, я знаю, что ушел. Ты сам сказал это, я ушел - ну, не в этот раз». м не уйду... " "Мара!" Он сдержал себя, успокоил голос: «Убирайтесь отсюда к черту. На это нет времени». "Почему я должен был бросить тебя?" Мара схватилась за его руку, когда он попытался оттолкнуть ее, ее голос повысился, но Люк предотвратил дальнейшие аргументы, обвив сильными пальцами ее шею и притянув ее к себе, страстно целуя ее - и почему она поверила, что это было в последний раз он когда-нибудь будет?

Дальние двери открылись, и послышался топот ног, когда в залив вошли новые войска повстанцев, невидимые за прикрытием ящиков. На этот раз новый выстрел из бластера звучал иначе, он издал глухой звук сжатого воздуха; что-то рикошетом отскочило от их укрытия с глухой болью, другое свистнуло рядом, нечетко, твердый снаряд вонзился в стену поблизости. Мара взглянула, внимание на мгновение привлёк яркий красный пучок - дротик? "Идти!" Люк оттолкнул ее, попятился - потом он прошептал ее имя с улыбкой на лице, когда повернулся назад; «Мара! Анакин - его следует звали Анакин». Она нахмурилась, не зная, что он имел в виду, но он уже отвернулся и быстро двинулся назад к войскам, используя ящики для укрытия, но позволив им на мгновение увидеть его; привлекая их внимание.

Мара повернулась и побежала. Она сбежала - но ее не было; это не для того, чтобы оставить его здесь; никогда этого. Она слышала вой двигателей боевого корабля в верхнем отсеке и знала, что там будет полно стражи и оружия. Ему нужно было подержать их всего минуту - всего одну минуту, и она вернется с числами, чтобы остановить войска Мадина. Ему нужно было подержать их всего минуту. Одна минута, чтобы не погибнуть. Она на высокой скорости поднялась по узкой лестнице, сосредоточившись на том, чтобы положить одну руку на другую, и вой двигателя канонерской лодки в верхнем отсеке нарастал; секунды - ей нужны были только секунды ...

А потом он ушел; во мгновение ока, от момента к моменту, Люк исчезал. Она обернулась, сердце колотилось - но он был рядом; он был прямо там, рядом с тем местом, где она его оставила, уклоняясь в новое укрытие, когда войска Мадина приближались.

Мара покачала головой, пытаясь очистить ее, ее внутреннее восприятие оставалось пустым, слишком много исаламири собрались вместе, покрываясь одеялом. Сила в широком диапазоне, поскольку войска Мадина приближались все ближе. Это означало, что Люк был отрезан от Силы; у него не было сил, ничего, что могло бы противостоять орудиям солдат повстанцев! Мара обернулась, выругавшись, на скорости прикрыла оставшиеся перекладки, дрожащими руками открыла верхний люк и распахнула его, шум военной канонерской лодки превысил уши.

Он был близко к люку, его боковые двери открылись, когда он парил, штурмовики и спецназовцы высунулись по обе стороны, некоторые упали, когда люк был широко открыт, первые лучи лазерного огня повстанцев в отсеке попали в канонерская лодка, присевшие штурмовики открывают ответный огонь. Кто-то указал, канонерская лодка покачивалась, наклоняясь, когда приближалась. Перестрелка усилилась, поскольку канонерская лодка попыталась встать между Марой и повстанцами в верхнем отсеке, и первые несколько выстрелов начали фокусироваться на ней. Шум был невероятным, когда он приземлился прямо перед ней, распустив распущенные волосы Мары вокруг ее лица, когда Рис выпрыгнул.

Мара в отчаянии наполовину вылезла из люка: «Вот! Сюда! Дай мне бластер! Люк...» Рис приземлилась на бегу и схватила ее за руку, вытащив из узкого люка и затащив обратно в канонерскую лодку, воздух вылетел из ее легких в тяжелом вздохе, бластер, который она держала, вылетел из ее рук. когда тыльная сторона ее руки болезненно схватилась за край люка, она все еще задыхалась, не в силах сделать вдох, чтобы что-то сказать...

Мара изо всех сил пыталась вырваться, сдерживая натиск Риса, все еще задыхаясь, но Рис уже поворачивался к пилоту, который держал ее за руку: «Вперед! Вперед! Вперед!» Канонерская лодка поднялась, наклонившись под крутым углом, когда она повернулась и вырвалась из бухты, штурмовики вытянули руки, чтобы вытащить товарищей в открытый трюм, все пошатнулись, когда корабль поймал первую очередь из тяжелого оружия; кто-то в бухте наконец вытащил зенитное орудие. Всех перебросило через небольшую канонерскую лодку,

трюмный люк задвинулся рядом с Марой, как только они преодолели атмосферные щиты залива, ослепительный всплеск нескольких тяжелых лазерных выстрелов упал на бронированный корпус, затемнив огни корабля, поскольку мощность автоматически перенаправилась на щиты. Мара была на ногах, хваталась за спинку кресла в кабине, все еще хватая ртом воздух.

«Повернись! Разверни нас!» Рис мгновенно оказался рядом с ней, положив руку пилоту на плечо. «Держись курса». Корабль слегка качнулся, но продолжил свой курс, Мара была в бешенстве, когда расстояние увеличивалось на секунду. «Разверни нас - это приказ!» - Держись курса, - твердым голосом повторил Рис. «Это приказ Императора». Мара в ярости повернулась к нему.

Рис был быстрым для крупного человека, но теперь вся мощь, которая позволяла ему схватить Мару на борту, работала против него, и бластер из его набедренной кобуры оказался в ее кулаке и в груди, прежде чем он успел среагировать. «Ублюдок! Ублюдок, сын хатта. Ты продал его! Ты продал его им!» В эту секунду все, что Мара хотела сделать, это распылить Рис на внутреннюю часть канонерской лодки, но Клем был рядом с ней, его собственное огнестрельное оружие было наготове, хотя в тот момент он явно не знал, куда его направить, Рис занимал более высокий ранг. " ОН предатель - осведомитель!" - бледно закричала Мара. «Люк знал, он знал, что это Рис». Остальные солдаты теперь парили, поднимая бластеры, хотя тоже не знали, что им делать. "Почему мы здесь?!"

Мара крикнула: «Почему мы здесь, когда Люк там сзади? Из-за его приказа! Intel знает; свяжитесь с ними - свяжитесь с Арко. У них есть команда, наблюдающая за ним, но Люк сказал...» Она слегка сломалась, но схватилась за себя », - сказал он. подожди - ему нужны доказательства ". Медленно все бластеры повернулись к Рису, и Мара на мгновение испытала удовлетворение, увидев, как его плечи слегка опустились, увидев выражение его глаз, когда он понял, что был открыт. Но он был пуст, болел и захлебывался большими страхами. Клем повернулся к пилоту, предыдущий приказ Риса - предположительно от имени Императора - немедленно был отменен. "Приведи нас !!"

Канонерская лодка снова накренилась, когда она повернула по крутому повороту назад к грузовому судну, набирая каждую унцию тяги, которую могла набрать, когда она ускорялась к кораблю повстанцев, свечение приближающихся лазерных взрывов освещало открытую кабину, когда пилот изо всех сил пытался удерживать курс , "Плиточные щиты только спереди; добавьте дополнительную мощность в двигатели - все, что у нас есть!" Канонерская лодка раскачивалась и раскачивалась, когда попадали новые выстрелы, внутреннее освещение гасло, чтобы защитить щиты от повторяющихся ударов. Яркая вспышка высокой мощности Турбозлазерные окрашенным из видения Мары как Сол Затмение забил прямое попадание на грузовое судно возле моста, гонки мимо Тие, чтобы вступить в бой ... но Мара уже знал , что это бесполезно; что они были слишком далеко, что грузовое судно покинет гиперпространство прежде, чем они достигнут его.

Всхлипывание застряло у нее в горле, наполовину ярость, наполовину страх, когда она стояла, не способная ничего делать, кроме как смотреть, как грузовое судно набирает скорость и исчезает во вспышке обратной промывки двигателя. Зная, что Люк ушел, что они понятия не имели, куда, что его будут перемещать с места на место, с корабля на корабль ... если он еще не мертв. Она отшатнулась, реальность превратилась в обратную петлю, оставив ее головокружение, онемение и тошноту. Она отступила на два шага назад в тесный трюм, прежде чем вспомнила, кто стоял за ней, и повернулась к Рису, горящие глаза, схватила его за куртку и дернула вперед. «Ты пожалеешь, что я застрелил тебя, Рис.

Я увижу, как ты повесишься за это - все, что они с ним делают, я сделаю с тобой ... тогда я выверну тебя наизнанку и покажу тебе твоего коварного коварное, неверное сердце перед смертью! " Бластер Мары был поднят под челюсть Риса, рука начала дрожать, в ушах пронзительно гудело, а реальность все еще была в одном шаге от нее. Какое-то чувство закипало в ней, подталкивая ее, как никогда раньше, крича о действии, о мести - было бы так легко нажать на курок ...

Клем осторожно подошел к ней, хладнокровный и хладнокровный, как всегда, нежно положив руку ей на руку: «Мэм, нам нужно допросить его. У него может быть информация, жизненно важная для ситуации...» Пока он говорил, один из солдат шагнул вперед, чтобы стянуть с его пояса ограничителя, чтобы связать руки Риса за спиной, толкая его на скамью позади него. Голос Клема, твердый, как всегда, был далекой мечтой в оцепеневшем уме Мары, когда он декламировал официальное обвинение; "Вез Рис, вам приказано уйти во имя Императора. Вы обвиняетесь в государственной измене и будете заключены под стражу до тех пор, пока это обвинение не будет рассмотрено в суде. согласно Имперскому Правосудию ". Рис не отреагировал, только посмотрел на Мару, когда она отпустила его толчком, чувствуя, как гневные слова застревают у нее в горле, первые слезы затуманивают ее глаза, когда она повернулась и уставилась в пустое пространство. Она потеряла его - она потеряла Люка.

Мадин сидел за своим столом на борту « Осы» , в пяти световых годах от Квенна. Они получили серьезные повреждения за эти последние несколько секунд, мост получил скользящий удар, когда щиты были опущены, несколько членов его команды были ранены, включая начальника штаба, который находился на мостике в то время. У « Осы» было достаточно дублирующих систем, чтобы кто-то из инженеров отправил корабль на световую скорость и сохранил все шкуры, а также миссию, но пять сотрудников были переведены обратно на «Зефир» с начальником штаба, и все они получили серьезные травмы.

Они все еще пытались починить обломки, которые были мостиком « Осы», чтобы подготовиться к следующему прыжку, используя припасы, взятые с «Зефир "Спасибо, сэр. Состояние шефа Органы стабильное. Она получила удар по голове и незначительные внутренние повреждения, а также рваные раны на руке, которые привели к значительной кровопотере. К сожалению, у нее необычная группа крови, и мы пока не удалось найти подходящего донора - на борту Home-One его нет. В анамнезе пациент плохо переносил синтетические симуляторы ». - На борту Home-One нет выживших с Альдераана?

«Боюсь, что ни один из них не подходит из-за смешанного происхождения, сэр. Я должен заверить вас, что это никоим образом не опасно для жизни, хотя немного замедлит ее выздоровление. Я бы предпочел, чтобы вариант переливания ". Мадин нахмурился; Отцовство смешанного происхождения не было чем-то необычным для Империи, охватывавшей звездные системы, но вождь Органа был членом Альдераанского королевского дома. Все знали о Споры за Альдераанское господство и о том, как он был урегулирован; ее родители наверняка были из Дома Антильских островов и Дома Органа? Он пожал плечами, считая этот факт несущественным; имело значение то, что его успешная миссия не была омрачена смертью или серьезным ранением начальника штаба.

Дроид все еще говорил, хотя Мадин сейчас почти не слушал. «... Это ее очень редкий генетический код. Я расширил параметры поиска донора, чтобы охватить весь флот, но, боюсь, безуспешно. Записи показывают, что единственным жизнеспособным донором был пилот повстанцев, погибший на Хоте, и он не оставил замороженных жертв крови или плазмы ».

Рука Мадина уже лежала на кнопке отключения комлинка, он получил все, что ему нужно

было знать, и мысленно пробежал нужные слова, чтобы быстро выйти... когда он остановился. "Хот ... пилот?" «Да, сэр, я полагаю, пилот какой-то заметный. Командир подразделения Люк Скайуокер». Комментарий, столь небрежно брошенный, почти прошел незамеченным для Мадина - пока это имя не было произнесено. Теперь он напрягся: «У вас есть код ДНК Скайуокера?» «Нет, генерал, только отметка в его закрытой медицинской карте с указанием его редкой группы крови. Я полагаю, что Мон Мотма засекретила более подробную информацию о смерти командера Скайуокера». Нет... пусть это упадет; зачем вообще спрашивать ... «У вас есть полный генетический код Леи Органы?» "Конечно, сэр." Мадин размышлял над долгими моментами, поочередно отвергая факты как чистое совпадение и удивляясь маловероятной случайности.

"А других возможных доноров нет?" «Нет, сэр. Как я уже сказал, это беспрецедентная генетическая категория. В настоящее время мы пытаемся изменить свойства синтетического моделирования, но пока безуспешно». "Каковы ее шансы без переливания крови?" «Как я сказал, они отличные, генерал, это немного замедлит ее восстановление, вот и все». Мадин прервал связь, опасаясь держать ее открытой слишком долго, пока Оса была поймана в реальном пространстве, что-то неприятное царапало его мысли и оставляло его беспокойным и нервным, но это было слишком аномально, чтобы даже подумать. Тэг Масса, глава разведки Альянса, в очередной раз указала в своем ежемесячном обзоре, что еще одна зачистка не увенчалась успехом в их продолжающихся поисках шпиона среди них. И снова Масса предположил, что, основываясь на доступных экстраполяциях, шпион имел доступ к высокому уровню секретной информации, по всей вероятности, на командном уровне.... Нет, это были его нервы, все еще трепещущие от миссии.

Он вздохнул и вытер глаза, пальцы скользнули по его лицу, чтобы задумчиво потер бороду, глядя в пустоту космоса, далекие звезды, усеивающие тьму, пытаюсь осмыслить факты ... Эта мысль была настолько возмутительной, что ее сразу же отбросили, хотя бы по соображениям карьеры; никто не кидал грязью номинальное лицо Альянса повстанцев; это было политическое самоубийство. Но оно витало в глубине души Мадина, требуя внимания, потому что, как бы сильно он ни пытался игнорировать его сейчас, это посеяло семена неуверенности. В конце концов он признал, говоря себе, что ему нужно положить конец этой мысли, чтобы двигаться вперед, и есть один простой способ сделать это.

Ему нужно было поговорить с кем-то на борту Дома-Единоного, кому он мог бы безоговорочно доверять, с человеком, который всегда сохранял абсолютный нейтралитет, и ее позиция требовала не меньше. Мадин установил соединение с Масой по защищенному каналу. Она тут же появилась, напряженное выражение лица читалось даже через небольшой голопроектор. «Сэр. Насколько я понимаю, миссия прошла успешно... Император у вас есть? Он жив?» «Он у нас есть, Тэг. Останется ли он целым - другой вопрос». Масса нахмурился: «Сэр, позвольте мне с уважением напомнить вам, что у вас нет полномочий принимать такие решения, пока ...» Мадин перебила ее, не желая слышать это сейчас: «Мне нужно, чтобы вы открыли для меня файл».

Он сделал паузу; «Все, что мы говорим в этом разговоре, следует рассматривать как засекреченное; о его существовании нужно вычистить из журналов, понимаете?» Масса замолчал, сжав губы: «Да, сэр, я понимаю». «У вас есть полная копия файлов Императора за время, которое он провел с Альянсом?» «Да, сэр, он хранится в безопасном хранилище Intel». «Там также есть образец крови, хранящийся в медицинской системе с высоким уровнем безопасности на Доме-Один. Мне нужно, чтобы вы взяли медицинские файлы Скайуокера и проверили его ДНК по этому образцу крови ... затем мне нужно, чтобы вы спросили дроида Два-Одного Пчелки, лечащего Лея Органа, чтобы провести сравнительное исследование ". Масса нахмурился: «С Императором? По какой причине, сэр?» «Масса, мне нужно, чтобы ты

выполнял приказы по этому поводу.

Не позв «Конечно. Можешь подождать снаружи, если...» «Нет, я подожду в комнате», - твердо сказал Тэг. "Продолжайте, пожалуйста." Дроид повернулся, чтобы начать свою работу, когда Таг попятился к дальней стене, не в силах преодолеть непростую смесь вины и нервов, скрывавшую ее шаг. . . . Люк медленно просыпался, мозг онемел от тяжелой неподвижности, которая оставила его безмолвным и вялым, прислушиваясь к собственному дыханию, когда его зрение медленно прояснялось, и он понял, что смотрит на грубо оштукатуренную стену в нескольких дюймах от своего лица. Он чувствовал, что ему холодно - холодный твердый пол прижимается к нему с одной стороны.

О боли в шее из-за того положения, в котором он лежал, о тупой боли в правом плече, которая никогда не покидала его с момента покушения, всегда пользуясь любой возможностью, чтобы всплыть. Придя еще немного, он осознал ту особенную тишину, которая заглушала окружающий его звук, превращая его в знакомую приглушенную тяжесть. Сердце Люка подпрыгнуло от осознания до глубины души, и он попятился, пытаясь подняться, неловко из-за того, что его руки и лодыжки были связаны. В ту первую алую секунду воспоминания слились с реальностью, и ему снова исполнилось двадцать два года, он был заперт в ярко-белой камере под Императорским дворцом в ожидании входа Палпатина.

Мгновения вспыхнули алым пятном в его мыслях, вызванные знакомством его тюрьмы. Белого актиночного света, опалившего его глаза, обожженной плоти и выжженного воздуха, дикой ярости и мстительной ярости, острых дуг силы, которые хлестали и рассекали, пронизывая его и устремляясь к земле, грубая сила настолько сильна, что его мускулы сводились и его легкие парализованы. Ни времени, ни осознанности, только мучения настолько сильные, что все остальное было выжжено... двенадцати Красногвардейцев.

Его плечо ударило о стену позади него тяжелым толчком, который остановил его замертво, прервав момент, заставив его задыхаться, грудь вздымалась ... И медленно, очень медленно, пока он смотрел безумным взглядом, его разум заметил, что стена камеры перед ним была не ослепительно белой, а тусклой, пермакритовой серой. Он не был оштукатурен и сглажен до полированного блеска, а были голые блоки, которые задевали его руку сквозь тонкую ткань, когда он прижимался к ним, их взаимосвязанная конструкция была отчетливо видна, а скошенные края грубо склеены. Пол тоже был таким же серым, шероховатым и рябым, с некоторым содержанием минералов. Все еще тяжело дыша, он огляделся, более свежие воспоминания встали на свои места с ужасающей ясностью.

Ни Палпатина, ни Красной гвардии с трубами и силовыми пиками... но так же плохо. Из сковороды в огонь. Он взглянул на старый поношенный серый летный костюм, который был на нем теперь босиком; к его рукам, уже постоянно пульсирующим из-за слишком тугих оков, автоматически протягиваясь с Силой, чтобы втянуть силу и разорвать оковы, которые держали... и застыл, широко открыв глаза, дыхание остановилось. Там ничего не было; Нет контакта, нет всплеска осознания, нет расширения восприятия, нет всплеска возможностей.

Нет силы. Ничего. Хотя адреналин, горячий и жгучий в глубине его горла, когда он вспомнил встречу с Леей, непроницаемую пустоту, окружавшую его и Мару... Мара! Люк повернулся, его шея и плечи дернулись от резкой боли, но, если не считать его самого, камера была пуста. С таким же успехом они могли держать ее поблизости, в другой камере. Им не нужно было держать ее в такой двойной камере; здесь должен был находиться джедай, и никто не знал о способностях Мары. Она могла быть поблизости, ранена или без сознания ... Не позволяй ей пострадать . Он заключал все призывы и каждый пакт со всем, во что он когда-либо верил, чтобы обезопасить ее, защитить ее.

В течение долгих секунд он оставался парализованным страхом, неспособным пройти мимо этого ужасающего факта, его мысли не о себе, а о ней. Он мог справиться с этим, он мог окопаться и позволить этому омыть себя, как он много раз делал с Палпатином ... но если они причинят ей боль, если они даже пригрозят ... Медленно он успокоился, предостерегая свои собственные негативные мысли; она могла сбежать - да, конечно. Он сказал ей, умолял ее, приказал ей, выиграв время, которое он мог, зная, что если они разделятся, люди Мадина сосредоточатся на нем.

Теперь она должна быть свободна; они были так близки к случаю; он видел ее на узких ступенях лестницы, он вспомнил это - она наверняка уже ушла? Его дыхание медленно успокаивалось, когда он пробежал последние несколько секунд, которые вспоминал снова и снова в своей голове; он отстранился, чтобы привлечь их внимание, вышел, чтобы показать себя, зная, что они последуют за ним и проигнорируют Мару... и он вспомнил звук канонерской лодки в заливе наверху - он взлетел? Он вспомнил, как двигатели меняли шаг, вспыхивали... если бы они взлетели, она наверняка была бы на борту.

Но его собственная память погрузилась во тьму прежде, чем он смог быть уверенным, и, несмотря на его решимость, Люк остался с мучительным страхом, что Мадин затащит ее в камеру и приставит к ее голове пистолет, потому что если он это сделает ... если он это сделает, то Люк отдал бы все, чтобы купить ей жизнь. Это был факт, не так ли? Это сработало для Палпатина, и теперь оно будет работать здесь. Разве он не сказал это Лее? что кем бы он ни был, он все равно тот человек, который не оставит своих друзей умирать на Беспине. Он отдал бы что угодно ... все, чтобы спасти ее жизнь. Ее и...

Это старое знакомое хихиканье и прилив уравнивающего давления воздуха прозвучали, когда за ним открылась дверь, заставив Люка обернуться. Воздух ворвался внутрь, когда барабанные перепонки Люка на мгновение закрылись, его разум отдаленно заметил, что вакуумная система, которая у них здесь была, недостаточна, прежде чем Мадин вошел в камеру, трое вооруженных солдат впереди него, трое позади него. Он долго стоял, наблюдая, как Люк неуклюже поднимается, прежде чем вытащил бластер из набедренной кобуры и подошел ближе. «Ваше превосходительство», - медленно произнес он, наслаждаясь и насмешливыми словами.

«Крикс Мадин». Перед этим насмешливым лицом Люк нашел свой центр, хотя бы для того, чтобы лишить своего тюремщика удовольствия видеть трещины. Он быстро оглядел Мадина с головы до ног, прежде чем пристально рассмотреть лицо мужчины. «Ты стареешь». «Созревает», - ответила Мадин. «То, что тебе никогда не понравится». «Я бы сказал, что у меня уже есть преимущество в этом», - холодно ответил Люк. «Я стараюсь не подрывать попытки моего начальника штаба установить галактический мир по личной прихоти».

«Нет ... ты просто обезглавливаешь своего лидера, когда он встает у тебя на пути». Мадин мрачно улыбнулся: «Ой, извини, это была внезапная смерть после непродолжительной болезни, не так ли?» «Верно. Тебе следует быть осторожным; это заболевание, которое может случиться неожиданно, когда ты меньше всего этого ожидаешь».

Беззаботный Мадин медленно кивнул, не торопясь изучать своего призового пленника. Теперь, вблизи, Скайуокер все еще казался Мадину молодым, несмотря на тяжелый шрам, проходивший по правой стороне его лица от бровей до челюсти. У него все еще было то же открытое, легкое лицо, загорелая, здоровая кожа... но его глаза... его глаза говорили правду. «Я думаю, ты доставишь мне неприятности», - твердо заявила Мадин, и Люк оставался неподвижным, не отрывая взгляда, зная, что он травит человека, но пока не желал отступить. Когда он не ответил, Мадин подошла ближе, спрашивая: «Ты?»

«Похоже, ты держишь бластер», - спокойно заметил Люк. Это было каким-то... правильным ощущением, что он снова оказался таким; в одиночку, сражаясь с противником, у которого была более сильная рука; который, как он знал, обернется против него с единственной целью сделать его жизнь как можно более неприятной. Кому явно доставит огромное удовольствие толкать, чтобы увидеть, когда Люк сломается.

В знакомстве было странное утешение - даже это. Мадин прищурился, обрадованный наблюдением Люка: «Да, я прав, и разве это не заводит тебя внутри?» Люк снова не ответил, заставив Мадина усмехнуться: «Я тебе не нравлюсь, не так ли? Ты думаешь, что я предатель твоей заветной Империи». «Я думаю, тебе следует прекратить проецировать свою совесть на других, Мадин», - ответил Люк, не сдаваясь. «Мы все делаем вещи, которые, как нам известно, вызывают сомнения, даже если мы считаем, что это происходит по правильным причинам. Научитесь жить с этим. Мне на самом деле наплевать на вас лично. Но мне не нравится то, что вы делаете... к Альянсу». «В самом деле?» Мадин усмехнулся: «Потому что я не думаю, что мне нравится то, что вы делаете с Империей». «Я не думаю, что у тебя больше есть права голоса, Мадин», - категорично заявил Люк.

Мадин слегка отступил, с понимающим взглядом в глазах: «Я бы сказал то же самое о вас с Альянсом, за исключением вас, не так ли? корыстный интерес ... я прав? " Люк слегка нахмурился, не зная, к чему клонит его похититель; Было ли это очевидным - прослушивал ли он комнату, которую использовали Люк и Лея? Мадин наклонился, его следующие слова только для Люка: «Видишь ли, я знаю о Лее Органе». Лицо Люка оставалось маской, никакой реакции не было видно ни на его лице, ни в его ровном пренебрежительном голосе. «Я предполагаю, что да, раз уж ты меня так достал». Мадин лишь слегка покачал головой, с жесткой усмешкой на губах и в голосе: «Нет, я знаю все». Люк слегка нахмурился; сделал он?

Мог ли он знать, что имел в виду Люк? Нет; если бы он знал, то Лея должна была это сделать, и это было бы первым делом в ее повестке дня, когда они встретились - на самом деле, она, вероятно, никогда бы не организовала эту третью встречу, зная, что, если он не сможет заключить сделку, в которой нуждается Люк использовал бы их встречи, чтобы разорвать Альянс. Нет, она не знала... возник приступ трепета, успокаивающий его мысли - или поэтому она передала его Мадину? Нет, он бы знал; почувствовал бы это в то время.

Перестаньте гадать. Глаза Мадина не отрывались от него, и Люк слегка приподнял подбородок, даже голосом: «Вы явно ждете какой-то реакции на это, но, боюсь, я не могу ее дать - я не знаю, что вы» мы говорим о. " «Это факт?» - сказал Мадин, которого все больше и больше раздражало кажущееся спокойствие пленника.

«Потому что вот в чем дело, понимаете; у меня есть несколько собственных интересных фактов. Но давайте просто подкрепим их, ладно, просто чтобы мы все были кристально чистыми». Говоря это, Мадин жестом указал вперед одному из стражников.

Мужчина передал свою бластерную винтовку товарищу, прежде чем войти и вытащить карманный ящик из плексигласа. Он взял из нее небольшой шприц для образца и потянулся за связующими на запястьях Люка, поднимая руки вверх. Люк позволил мужчине перевернуть правую руку, не понимая, о чем идет речь, его глаза все еще смотрели на Мадина, когда охранник прижал короткий прозрачный флакон к его коже, а затем ударил другим концом, игла протолкнулась сквозь стерильный кожух и вошла в плоть. его ладони под большим пальцем. Мужчина нахмурился, снова хлопнув шприцем, на этот раз заставив Люка слегка вздрогнуть, морщинки вокруг его глаз на секунду сузились.

"Он не кровоточит!" В голосе солдата прозвучала заразная нервозность, другие мужчины

неуверенно переглянулись. Мадин был менее впечатлен. «О, он истекает кровью», - заявил он, глядя на Люка, невысказанная угроза очевидна. «Ваш Император ситхов из плоти и крови, как и все мы».

Он повернулся к охраннику, склонив голову набок, сардоническим голосом: «Вы можете попробовать другую руку - это протез». Мужчина уронил руку Люка, проклиная собственные нервные расстройства. Один из остальных рассмеялся, выпуская собственное нервное напряжение.

«Есть ли у тебя дрожь, Тинель?» Люк ничего не сказал, позволив мужчине поднять вторую руку без комментариев, лишь раз взглянув на его лицо, теперь, когда у него есть имя, понимая, что их глубоко настороженные предубеждения могут быть полезными - или помехой; время покажет. Мужчина ударил коротким шприцем по левой ладони, и короткая широкая игла вошла внутрь, быстро наполнив маленькую камеру кровью. Мадин остался рядом, пытаясь запугать его близким присутствием, взяв образец, чтобы поднять его перед Люком.

«Ну-ну, ситхи истекают кровью, как и все мы, разве это не интересно». Он повернулся, бросая образец обратно Тинелю, который уже отступал, все еще желая выбраться. "Это прояснит кое-что, я уверен ... и мы будем рады распространить информацию по Голонети. Может быть, вы не будете столь же всемогущи, когда у вас есть прошлое, как у остальных нас." Люк встретил сжатую улыбку Мадина одной из своих собственных: «Здесь нет ответов, Мадин; просто еще вопросы». «О, у меня уже есть все ответы, ваше превосходительство », - заверил он, подставив последний, скривив губу. «Это на благо других. Ничто так, как холодная правда, не разносит все эти разногласия, шепотом слухи». "В самом деле?" - сухо спросил Люк. «Тогда скажи мне, где я родился. Скажи мне это, и я тебе поверю».

Мадин покачал головой, эта насмешливая улыбка все еще была в его глазах, как будто он думал, что Люк пытается поймать его - затем он наклонился вперед достаточно близко, чтобы прошептать ... достаточно близко, чтобы

Люк мог ударить и сломать ему шею, даже без Силы, или использовал пятку своей руки, чтобы сломать кость носа Мадина и вонзить ее ему в череп, мгновенно убив его... но он не мог сопротивляться; он просто не мог устоять перед соблазном послушать - тихо прошептала Мадин, по какой-то причине намереваясь, чтобы слово осталось между ними двумя, прежде чем откинуться назад, с этим понимающим, самодовольным взглядом все еще в его глазах. Затем он повернулся и вышел из маленькой камеры, шесть охранников последовали за ним, отступая из комнаты с обнаженными бластерами, дверь запечатывалась с герметичным шипением ... и Люк все еще оставался застывшим, глядя на дальнюю стену, как это было, когда Мадин сказал, малейший хмурый вид в уголках несовпадающих глаз ... Почему он сказал; «Альдераан»?

Лея медленно просыпалась, онемевший разум, прислушиваясь к собственному дыханию, когда ее зрение медленно прояснялось, и она поняла, что смотрит на простые, полуосвещенные плитки потолка среднего размера... и лицо. «Привет, дорогая. Как твоя головная боль?» - заботливо спросил Хан, его размытое лицо медленно прояснилось. «Э...» - это все, что Лея могла вызвать в данный момент. Она быстро моргнула, пространство за ее глазами забило в такт ее сердцебиению. "Что случилось?" « Оса получила скользящий удар от имперского фрег «Послушай меня! Это я, я уронил щиты...

Не смотри на меня так!» Последнее, что она добавила, потому что Хан смотрел на нее изо всех сил: «Ой , я тебя посмею», потому что ты явно все еще не в голове » . Когда он наконец заговорил, это не изменилось. «Эй, в мою защиту, у вас сотрясение мозга». «Это не значит...»

она замолчала, хватая Хана за руку. «Люк! Что случилось с Люком?» Хан поджал губы, и на самом деле это все, что нужно было знать Лее. Она снова рухнула на кровать, зная, что все это было бесполезно. «Нет... Я сделал это, чтобы вытащить его. Была канонерка, пытающаяся подняться на борт, чтобы вытащить его из «Осы», и я сбросил щиты, чтобы она могла попасть в залив». «Подождите, вы Разбогатеи получить Люка от ?

Поправьте меня, если я ошибаюсь, но в прошлый раз мы говорили, вопил-ты backin' план Мадина, чтобы поймать его и говорил мне, что это было правильно, что нужно сделать. Bigger картину, все это." Лея закрыла лицо руками, ее рука болезненно пульсировала, когда она подняла ее. «Ой, это ужасно... где он сейчас?» «Не могли бы мы прояснить ситуацию с Люком?» - сказал Хан. «Потому что сейчас я не знаю, стоит ли обнять тебя потому что ты, наконец, видел смысл, или обнять тебя потому что ты у меня сотрясение мозга, и вы не делаете смысл.» Лея закрыла лицо руками, качая головой: «Хан, я знаю ... я знаю, что он Люк - Люк Скайуокер - теперь я знаю это. Кем бы он ни был, он был Люком Скайуокером. люди, а не те ".

Она убрала руки: "Где он?" Хан сидел медленно, его манеры походили на человека, который не совсем знал, что делать; не было ответа, равного моменту. Он испустил долгий, медленный вздох и только через несколько секунд он наконец поднял глаза: «Неужели сейчас плохое время, чтобы сказать, что сейчас плохое время, чтобы это понять?» "Где он?" - Он у Мадина, - сказал наконец Хан тихим голосом. Лея оглядела большой, хорошо оборудованный медиа-отсек: «Где я? Это не Зефир». «Ты в доме номер один .

Я же сказал тебе, что ты отсутствовал целый день». "Где Мадин?" «По-прежнему на «Осе» со своей командой спецназа и Люком. Он поддерживает связь через голонет». Лея нахмурилась: «Почему он не с флотом?» «Потому что никто не мог отдать ему такой приказ, кроме тебя». Лея откинула одеяло и спустила ноги с кровати, не обращая внимания на стук в голове.

«Мне нужен комлинк». Тихий стук в дверь остановил ее: «Да?» Вошел Таг Масса с таким облегчением, насколько мог справиться тот, кто явно был на грани того, чтобы удержать его вместе. «Лея, ты проснулась. Спасибо...» - она замолчала, взяв себя в руки. «Я рад видеть, что с вами все в порядке, мэм. Некоторое время мы волновались». "Я в порядке ... что происходит с Мадин?" Тэг нахмурился еще больше. «В данный момент он подключен к Голонету; собирается собрание Совета, чтобы решить, что...» «Заседание Совета? Почему меня не проинформировали?» «Тебе не было дома, дорогая, - сказал Хан. «Мы пытались отсрочить это последние двенадцать часов», - добавил Тэг. «Но генерал Мадин и его сторонники настаивают на том, чтобы собраться и получить разрешение на наши действия в отношении Императора». "Разрешение?" Голос Тэга упал: «Генерал настаивает на том, чтобы создать вирус в Голонете; он и его сторонники хотят взять на себя ответственность и...» «Подожди, мы уже согласовали наш план действий, Мадин это знает».

Тэг нахмурился: "Что за курс?" «Суд - перед судом Императора». Тэг посмотрел кратко Хан, «Это не то, что они настаивают на сейчас, мэм.» Лея побледнела. «Тэг... что, если Мадин поступил неправильно; что, если бы мы действительно могли доверять Императору? Я думаю, он серьезно относился к переговорам». Тэг смотрел на Лею долгие, неудобные секунды...

«Мэм... есть ли причина для такого изменения взглядов?» "Причина?" Лея нахмурилась: «Просто ... все, что он сказал, все, что он не сказал. Все, о чем мы говорили на наших последних трех встречах ... просто все сошлось воедино и ... я не знаю, имело смысл. Люк Скайуокер, Люк Скайуокер, который был здесь. Я думаю, что это Император! Я не говорю, что полностью доверяю ему, я не говорю, что мы слепо бросаемся ему на помощь, но должны ли мы дать переговорам шанс? " Тэг уставился на него, долго останавливаясь, словно ожидал

большого. Когда Лея не предложила его, она попробовала еще раз. «Нет другой причины... ничего более... конкретной, на которую вы полагаетесь, возможно?»

«Бетон? Какое... предложение?» «Нет. Бетон может быть неподходящим словом... скорее... базовым, возможно, более интуитивным. Причина чувствовать, что у тебя есть какая-то связь с Императором?» Лея заколебалась, и Тэг попробовал еще раз: «Это будет одна из самых важных встреч в вашем руководстве, мэм, и мне не хотелось бы вдаваться в нее без всех имеющихся фактов. Истина имеет обыкновение выходить на поверхность, когда вы меньше всего их ожидаете, а неправильные из них, обнаруженные в неподходящее время, могут нанести неисчислимый ущерб ". «Я не...» Лея потеряла лоб, в ее черепе стучало.

Хан наклонился вперед более мягким голосом: «Послушай, может тебе стоит посидеть на этом собрании». «Нет! Я не могу. Я не позволю Мадину и его соратникам протолкнуть что-то, потому что меня там нет». "Что ты собираешься делать?" - с сомнением спросил Хан. «Потому что поверь мне, дорогая, если ты сейчас войдешь и начнешь говорить, что мы все ошиблись, и Император не только бывший пилот повстанцев, но и пытался спровоцировать мирные переговоры с теми же парнями, которые пытались взорвать несколько лет назад, они подумают, что, возможно, удар по голове был немного тяжелее, чем они думали. Поверьте мне, я знаю, здесь это не популярная фраза.

Вы поете ему дифирамбы и будете делать это в одиночку ". «Хан, здесь нам еще нужно взглянуть на более широкую картину». - сказала Лея, зная, что он не это хотел слышать. «Да, я знаю, что Императором был Люк, но факт остается фактом: он также Император, и он получил эту должность, служа Палпатину». «Ты серьезно говоришь, что все еще ему не веришь?»

«Я говорю... я не знаю, что говорю!» Лея вздохнула: «Я говорю, что открыта для возможности, что все не так, как кажется. Но я также должна учитывать более широкую картину, Хан ... это должно быть моим первым приоритетом здесь. Я должна делать то, что лучше всего. для Североатлантического союза. Я должен позволить демократии идти своим чередом, даже в этом.

И, возможно, это не тот курс, которого я лично хочу, но я все еще несу ответственность довести его до конца ». «Мэм, - серьезно сказал Таг, - сейчас не время для этого. Совет соберется менее чем через час. Мадин делает все, что в его силах, чтобы привлечь к себе больше поддержки в силу этого, и чтобы настаивают на решительных действиях, действиях, которые больше соответствуют военной хунте, чем будущей демократии ».

Лея покачала головой, не обращая внимания на стук. «Здесь не будет импровизированных казней. Мы не такие». «Я серьезно посоветовал бы вам придерживаться умеренной линии, пока мы не узнаем, что происходит на земле. Выиграйте время и стабилизируйте фокус Совета и вашу собственную поддержку». "А Люк?" - спросил Хан.

«Мадин собирает там линчевателей, на случай, если вы не заметили». Тэг не сводила глаз с Леи. "Вы идете туда и слишком сильно защищаете Императора, и это может еще больше поляризовать ситуацию и подтолкнуть людей к Мадину. Больше всего на свете прямо сейчас вам нужно попытаться привести Императора в Дом одним и, следовательно, под вашим собственным и влияние Совета при первой же возможности любыми средствами.

Вам нужно быстро и решительно взять под свой контроль эту ситуацию, иначе она может очень легко выйти из-под вашего контроля. Вы должны быть здесь голосом разума, голосом баланса, честности. Совет уважает вас; они вас выслушают ". Лея поджала губы, заставляя свой разум работать. «Мадин стоит на каменистой почве, требуя немедленных действий, и он это знает.

Мы боремся за справедливую демократию, и он пытается увести ее в сторону. Он фактически просит Совет обойти все, за что мы боремся».

Тэг кивнул: «Если ты хочешь настаивать на судебном разбирательстве, я, конечно, поддержу тебя, и я знаю, что более половины Совета сделают то же самое с небольшим убеждением. Меня беспокоит, что если бы ты и Мадин согласились на испытание, и он передумал, теперь у него есть время, чтобы возбудить дело против этого». «Давайте узнаем, что он придумал». - сказала Лея, не в силах сдержать тревогу в голосе. . . .

«Он предстанет перед судом...» Генерал Риекан согласно кивнул, глядя на серьезные лица других начальников штабов, которые составляли Совет повстанцев, сидевших вокруг круглого стола в Военном зале. За исключением, конечно, Мадина; он остался на Осе, присутствующей по ссылке Голонета. И прямо сейчас Лея чувствовала себя неловко, чувствуя, что он смотрит на нее, как и большую часть этой встречи. Все еще забинтованная и болящая, она действительно не чувствовала себя готовой к полным десяти раундам с Советом в целом и Мадин в частности. "Я спрашиваю, по чьему закону он будет предстать перед судом, сэр?" Сказал командир Одиг, давний сторонник Мадин, покачала головой.

Она снова повернулась к глянцевочерному дроиду, стоявшему на шаг позади нее, - протоколу, запрограммированному для выполнения юридических функций, который, как оказалось, сегодня внес Одиг, - криво подумала Лея. "Эль-Ди?" - подсказал Одиг. «Ни один закон, ни имперский, ни республиканский, не может издавать повестку в суд против действующего главы государства генерала», - авторитетно произнес дроидзаконник. «Вы не можете предъявить обвинение или подать судебный вызов против действующего офиса».

«Мы могли бы объявить ему импичмент». - сказала Лея. «Я уже это проверил», - ответил Одиг. «В Империи нет юридических прецедентов для импичмента действующего главы государства, на самом деле в Законе о верховенстве есть статьи, которые специально препятствуют этому. Судебное преследование - это просто не ответ». Это была линия, которую придерживались Мадин и его сторонники, и Лея должна была признать, что она была умной; они утверждали, что привлечь Императора к суду просто невозможно. Палпатин очень в этом позаботился. Дроид выпрямился, объясняя Совету.

"Если вы предъявляете импичмент Императору, с юридической точки зрения вы фактически оспариваете импичмент самой Империи, и только собственный законодательный орган Империи уполномочен делать это. Главный законодательный орган Империи - Суд, и Закон о верховенстве, созданный при основании Империи и Палпатине, вступил в должность, поскольку Император заявил, что... Эль-Ди сделал паузу, показывая, что он дословно декларирует закон. «...» Недавно созданный Имперский суд будет нести ответственность за подстрекательство, поддержку и обеспечение соблюдения всех вопросов, относящихся к юридически признанной имперской конституции.

Юрисдикционная автономия такого Суда по созданию или принятию нового законодательного органа будет всегда оставаться условной до тех пор, пока не будет принят Императором в том смысле, что все законы подлежат проверке, но не ограничиваются им, "Значит, мы не можем объявить ему импичмент без его разрешения?" - сухо спросила Лея. Генерал Галл, еще один стойкий сторонник Мадина, последовал его примеру, непреднамеренно обнаружив, что это было заранее организованное столкновение, когда он тоже побудил дроида. "О, это умнее, чем это. Эль-Ди?"

«Теоретически, это является можно объявить импичмент Императору в рамках законов конституции. Разрешение на такое исключает любое движение об отклонении действующего

закона за «необоснованное ограничение». Однако для этого нужно будет подать прошение в Имперский суд, который отвечает за такие законы, и каким-то образом убедить их инициировать законное ходатайство об импичменте своему императору.

Затем они должны будут принять это ходатайство без возражений на законно признанных заседаниях Суда и Королевских палат, после чего оно будет признано законным законодательным постановлением.

После теоретического утверждения Судом это законодательное постановление могло быть затем доведено до сведения Императора на официальном судебном заседании, когда они могли потребовать от него передать это постановление в виде законодательного акта, который дал бы им право объявить ему импичмент. Такой статут может быть представлен на рассмотрение императору только три раза, хотя он больше не обязан принимать его в любой презентации и имеет полное право вносить поправки или отклонять его все три раза.

Однако, если бы постановление было одобрено Императором, оно стало бы юридически обязательным статутом. Затем суду потребуются принять этот весьма маловероятный статут в закон и без дальнейшего оспаривания внести его в конституцию, после чего он может быть юридически цитирован как закон и использован против Императора ".

«В какой момент он предположительно умер от старости, и все мы с ним?» - сухо сказал генерал Котта, хотя, несмотря на ее тон, Лея знала, что она может доверять Котте, чтобы он придерживался умеренного пути. Впервые Лея осознала, что делает сознательные мысленные записи относительно того, на чью поддержку она может положиться, Совет разделился на два лагеря в ее сознании. Законный дроид продолжал в том же неукротимом тоне.

«Я также хотел бы указать на оправданный конституционный аргумент, что даже при действующем законе законодательное право отстранения Императора от должности все еще не существует. В соответствии с юридическим имперским определением, изложенным в Законе о верховенстве, должность Императора существует. , «не подчиняться никакой другой власти» .

Кроме того, в нем говорится, что « ни один человек не может предписывать условия, заставляя его соблюдать какую-либо клятву или привлекать его к ответственности во время его правления ». Следовательно, судить императора даже в соответствии с императорским законом было бы будет превышать свой законный мандат, определенный в Законе о верховенстве. Это фактически было бы незаконным ". «Тогда мы найдем другой способ привлечь его к суду». - твердо сказала Лея. Адмирал Акбар выпрямился, его огромные стеклянные глаза посмотрели на Лею. "Возможно, республиканский закон?"

Юрист-дроид склонил голову. «Старая Республика требовала вотума недоверия, чтобы отстранить действующего должностного лица от власти, прежде чем она сможет выдвинуть юридические обвинения, адмирал. Для вынесения вотума недоверия требовался независимый законодательный орган - для этого требовался сенат. В настоящее время нет возможности законно принять закон вотум недоверия, потому что не существует официально признанного Сената; он был распущен и объявлен незаконным десять лет назад ".

Коммандер Одиг покачала головой: «Палпатин слишком хорошо прикрылся; в имперском законе нет исключений, которые позволили бы нам довести дело до его преемника, а в республиканском праве нет прецедентов для абсолютного господства. Привлечение Императора к суду - это просто недопустимо. вариант. Нам нужно перейти к более решительному правлению без него ". «Решающее решение», - повторила Лея. "Не могли бы вы прояснить это заявление, командир?" «Я говорю, что нам не нужен суд, мэ, - решительно

сказал Одиг.

«Мы все знаем правду». "Который?" - коротко сказала генерал Котта, повысив голос. «Мы знаем его вину, генерал». «Это не дает нам права приводить приговор в исполнение без суда, командир». Лея мысленно причисляла Котту к определенному умеренному человеку и ненавидела себя за то, что ей приходилось думать такими терминами.

«Простите меня за то, что я показался препятствием», - неискренне сказал Одиг. "Но я цитирую основные юридические требования и права, которые будут подтверждены любым уполномоченным законным представителем в любом суде на любой планете. Я пытаюсь помешать нам принять преждевременное решение и настаивать на непрактичном судебном разбирательстве, которое было бы для всех намерения и цели, пустая трата времени.

Либо судебное разбирательство будет прекращено по законным основаниям и оставит нас в несостоятельном положении, либо оно будет продолжено, и в любом случае будет вынесен обвинительный приговор, что позволит нам привести в исполнение приговор, который мы «мы уже в состоянии выполнить». " «Спасибо за ваше мнение и ваше очевидное усердие в столь тщательном исследовании этой возможности в то ограниченное время, которое у вас есть». - многозначительно сказала Лея, давая понять всем, что здесь их перегоняют.

Однако факт остается фактом: мы несем моральную ответственность за то, чтобы позволить демократии идти своим чередом, если мы хотим оставаться верными идеалам Альянса, за который мы боремся, - и его основной основой, его основополагающим принципом является то, что все существа имеют право к правосудию ".

"Даже тот, кто поставил себя выше закона?" - сказал Одиг. «Все существа». - повторила Лея. Голос генерала Мадина был металлическим из-за сильно сжатого и закодированного гололинка, но его огонь не пропал. "И справедливость, в этом случае, несомненно, подвергнет Императора тому же правосудию, которое он позволял процветать в своей Империи в течение трех десятилетий. Осуждения без суда, приговоры без приговоров. Кажется, он не испытывает таких сомнений, когда дело доходит до повстанцам живы ".

«Я не знал, что нынешний Император так долго удерживал трон, генерал». «Он выдержал это задолго до того, как держал, мэ. Мы все это знаем». «И мы все не одобряем этого, генерал. Мы боремся с этим своими жизнями. Вы хотите, чтобы мы стали тем, что, как мы знаем, каждой унцией нашего существа в корне неверно?» «Мы знаем правду, мэ. Мы знаем, что честно и справедливо.

Мы знаем, каким должен быть этот вердикт, несомненно, - как и все здесь здравомыслящие существа. В свободной галактике я бы очень хотел увидеть Императора. предстать перед судом ... но это еще не свободная галактика, сударыня, и никогда не будет, пока Император еще дышит. При таких абсурдных юридических ограничениях единственным логичным решением было бы вообще избежать такой пародии на правосудие и вызвать немедленное действие ". - Что вы имеете в виду под немедленными действиями, генерал?

«Мы все хорошо осведомлены о прошлых действиях Императора, мэ. Мы не сомневаемся в их точности, и мы хорошо знакомы с суждением, которое, несомненно, будет вынесено такими обвинениями в соответствии с имперским законодательством. Все, что остается, - это принять их. " «Мы не сомневаемся... мы знаем правду... логический план действий... ;

Лея знала, что это умные, вызывающие разногласие слова, Мадин говорил так, как будто решение уже было принято, как будто они сейчас спорили только о том, как действовать в

соответствии с ним. Она медленно кивнула : «Я должен поздравить вас с уверенностью Общине Мадина, на вашей уверенности в собственном суждении. Тем не менее, я могу заверить вас , что мы не все ноу - с таким холодным убеждением , что должно быть сделано.

Мы не все имеют так мало веры в правовую систему, и так много веры в нашу собственную способность предугадывать ее ». «Император несет прямую ответственность за убийство Мон Мотмы. В последний раз, когда я проверял, обвинение в убийстве в имперских судах предусматривало смертную казнь». Лея почувствовала жар в центре груди; когда она сказала, что он должен предстать перед судом, она даже не рассматривала возможность смертной казни.

Она, по ее собственному мнению, подвергала суду Канцелярию Императора, чтобы управлять ею несправедливо; не сам человек. Теперь, внезапно, она столкнулась с мрачной реальностью, и даже без изменения своего мнения она знала, что побледнела бы от этого. Хотя это было обычным явлением по законам Империи, она, естественно, предполагала, что этот процесс будет проходить по Закону Старой Республики, где смертная казнь давно отменена. В более воинственном Альянсе повстанцев все еще были случаи, когда применялась смертная казнь: шпионов и информаторов допрашивали, а затем казнили, но даже тогда только после официальных слушаний и военного трибунала. «В последний раз, когда я проверяла, даже по законам Империи, обвинение в убийстве каралось смертной казнью, генерал», - отступила Лея. «Наша сегодняшняя встреча предназначена для обсуждения метода, с помощью которого может быть проведен суд , а не казнь». Тэг выпрямился, заговорив.

"Я должен согласиться с тем, что суд может показаться здесь наиболее рациональным и разумным ходом, но я согласен с командиром Одигом в том, что преждевременный толчок к рассмотрению этого дела в суде будет иметь катастрофические последствия. Для этого нужна прочная основа, которую нельзя отклонить в рамках часов из любого признанного зала суда.

Подсудимого можно судить только один раз за любое преступление; мы ошибаемся с точки зрения надлежащей правовой процедуры и даже формулировки обвинения, и дело будет прекращено. Нам нужно подготовиться. Нам нужно привести Императора в безопасную среду на борту Дома и изложите наши доводы ". Лея поняла, что она возвращает проблемы к тому, чего они должны были достичь. Теперь, увидев рвение Мадина, она слишком хорошо понимала страхи Тага.

Им нужен был Люк здесь, и им нужно было, чтобы все были привержены одному пути - правильному пути. «Военное право», - предложил командир Риекан. "Будет ли военный трибунал возможным?" «Военное право распространяется на военнослужащих». - сказал генерал Мадин, покачав головой. «Император - глава вооруженных сил». «Но он сам не член». - твердо сказал Одиг, всегда готовый поддержать Мадина. «Военное право на него просто не распространяется». «Военное положение», - попыталась Лея, глядя на дроида-законника.

«Военное положение позволяет военным судить гражданских лиц. Каамасская конвенция разрешает любой военной организации судить военнопленного противника за военные преступления». «Мы в состоянии войны и объявили ли мы военное положение в Североатлантическом союзе?» - ханжески сказал Одиг. "Есть ли у нас официальное заявление об этом?"

«Мы - оставшийся остаток Старой Республики, находящийся под атакой незаконного режима», - заявила Лея. «Как остаток Республики, мы имеем право вводить ее законы, в том числе вводить военное положение». Лея оглянулась на Эль-Ди, законного дроида... чтобы увидеть, как он наклонился вперед и шепотом разговаривал с командующим Одигом. Одиг кивнул, и

блестящий черный дроид выпрямился, повернувшись к Лее.

"Как в республиканском, так и в имперском законодательстве Император имеет право быть судимым *lex terrae*, то есть в соответствии с законами, действующими в пределах политического государства, членом которого он является, что является имперским законом. Согласно такому закону, в соответствии с положениям Закона о верховенстве, Император по-прежнему «не подчиняется никакому более высокому закону». Однако это правило могло быть оспорено в рамках военного, а не общего права, если бы действовало военное положение.

Должностные лица присяжных, как военные Альянса, будут иметь право отклонять такие статьи общего права в ходе военного процесса". Краем поля зрения Лея увидела, что Таг Масса резко напрягся, и поняла, что что-то не так. Убедился в этом, когда Таг высказался... против суда. «Законы *lex terrae* по-прежнему будут применяться, что означает, что Император останется под защитой Закона о верховенстве». «Не обязательно, не в суде, проводимом в условиях военного положения». - повторила Одиг - первые терпимые слова, которые она сказала. "Для этого не потребовалось бы никакого присяжного, кроме группы служащих офицеров, созываемых этим Советом.

Они также могли бы разумно отклонить необходимость необходимого вотума недоверия в соответствии с законодательством Республики, а также сосредоточиться на задержании Императора на основании *habeas corpus*. такие подтвержденные пункты освободят место для судебного разбирательства". «Вы говорите, что мы должны изменить закон, чтобы он соответствовал тому, что нам нужно?» - спросила Лея, теперь она встревожена. «Я говорю, что мы могли бы создать юридический прецедент». - твердо сказал Одиг.

"Контролируя судью и присяжных?" «Предоставляя им полномочия, необходимые для принятия закона в прагматических терминах. Право отклонять несоответствующие юридические директивы. Вы хотите жизнеспособного судебного разбирательства, мэм; это принесет нам пользу». «Военный трибунал может быть созван для такого судебного разбирательства по приказу командира Альянса», - сказал Эль-Ди. «Такое военное испытание в целом отвечает законам силы, которая его держит, что в данном случае считается конституцией Старой Республики».

"И все еще действует смертная казнь?" - спросила Мадин дроида. «Судебный процесс смертной казни не применялся более восьмисот лет в соответствии с законом Старой Республики. Однако в военных судах он не был отменен по закону, как это было в гражданских судах, а просто отменен. Прецеденты, установленные в нынешнем Альянсе свод правил в отношении шпионов, хотя они не имеют прямого отношения к этому делу".

И вот оно снова, Лея знала. Мадин не просто искал способ свергнуть Императора и бросить вызов Империи в самом ее сердце... он хотел навсегда удалить Люка. Недостаточно было свергнуть его; он хотел его смерти. «Это не способ сделать это». Тэг покачала головой, повернувшись к Лее - и по выражению ее лица Лея знала, что, несмотря на то, что они все соглашались на испытание, что-то шло совсем не так. «В лучшем случае мы будем хвататься за соломинку, вытаскивая старые, устаревшие законодательные акты и стирая их пыль, чтобы поддержать необоснованное утверждение, а в худшем - и, конечно, на глазах девяти десятых галактики - мы будем действовать вне закона, как они его понимают. И поверьте мне, господа, мы сделаем это перед всей галактикой.

Одиг повернулся к ней: «Если все, что ты можешь сделать, это процитировать негатив ...» «Я пытаюсь быть голосом разума», - сказал Тэг, стиснув зубы. «Это беспрецедентный акт;

неужели вы действительно думаете, что у Империи будут какие-либо причины хранить это в тайне? Мы, претендующие на моральное превосходство, вынуждены похищать и придумывать специальные изобретения неконституционных, незаконных законов, чтобы оправдать наши действия? " Тэг повернулся к Лее: «Дайте мне немного времени, мэ».

Дайте мне две недели, и я смогу придумать жизнеспособную альтернативу - законно обоснованную. Это будет не что иное, как суд над барабанами без юридически признанного судьи или присяжных. ... Это будет руина перед всей галактикой - действительно ли это то, чем мы хотим прославиться? " Лея ухватилась за предоставленную возможность:

«Я думаю, что командер Масса прав, генерал Мадин; это не наша сфера компетенции. Вы так часто справедливо беспокоитесь, что члены Совета вынуждены принимать решения без подготовки или надлежащего обсуждения. В соответствии с этим, Я уверен, что вы будете первым, кто признает, что было бы опрометчиво преждевременно продвигать важный прецедент на таких условиях. В этих обстоятельствах я бы посоветовал Совету предоставить командиру Массе двухнедельный интервал для исследования законности этого дела дальше, и тогда мы поставим его на голосование " .

Было приятно хоть раз использовать против него стандартную тактику проволок Мадина; даже лучше смотреть, как его лицо краснеет, потому что он знал, что загнан в угол. Тем не менее, Лея продолжала говорить ровно, настаивая на большем. «А пока лучший курс действий - это переместить Императора в более безопасное место на борту Первого Дома . Мы можем снова собраться и обсудить это дальше, когда он будет надежно заключен здесь. Не могли бы вы дать нам расписание? " Мадин снова выпрямился, в голосе стал твердый: «Боюсь, в настоящее время это невозможно, мэ». Риекан наклонился вперед:

«А почему?» «У нас есть специализированные, сильно укрепленные помещения для задержания на борту« Осы » , копия камеры, построенной специально для содержания ситхов. Я считаю, что наш лучший шанс удержать его взаперти - это сделать это здесь, на борту« Осы » .

Лея прервала эти пустые манеры: «Ты хочешь сказать, что отказываешься передать его нам, генерал?» «Я говорю, мэ, что в настоящее время я считаю, что в наших интересах, если Император останется на борту« Осы » . Я уверен, что мне не нужно напоминать вам, что у нас все еще есть высокий ... шпион уровня, работающий из Дома Один , и, учитывая этот факт, я повторю свое намерение держать Императора здесь в контролируемых условиях.

После всей этой работы мне не хотелось бы отдавать его в руки ... неизвестного шпиона, и Так что помогите имперскому извлечению. Я уверен, что вы чувствуете то же самое ». Тон голоса Мадина, когда он произнес последний, заставил Лею нахмуриться, неуверенная в его выводе, хотя она почти сразу же оправилась. «Я чувствую , как и весь Совет, уверенный в нашей способности справиться с этой ситуацией - и разочарован вашим собственным неверием, генерал Мадин».

"Это не вопрос веры, мэ, это вопрос относительной силы. У меня есть тщательно подобранная команда спецназовцев, всем которым я безоговорочно доверяю, и у нас есть объекты, которые использовались много месяцев назад. подготовка - сооружения, которые нельзя перемещать или пересаживать, кульминация огромных затрат времени на исследования и строительство, специально предназначенных для его содержания. Здесь я могу гарантировать, что Император будет в безопасности, поэтому здесь он и остается. было бы гораздо лучше потратить наше время, чтобы обсудить сомнительную обоснованность любого судебного разбирательства. Мы все знаем, что нужно делать - что уже должно было быть сделано ».

Внезапно Лею охватил страх. «Я хочу его увидеть, - быстро сказала она, - поговорить с ним». "Вне вопроса." Мадин немедленно уволил. Рикан приподнялся, таково было его возмущение: «Вы отказываетесь в доступе главнокомандующему Альянсом, генералу Мадину?» Сжатое изображение голо-ссылки мало передавало тонкости выражения лица Мадина, но его пауза говорила о многом. «Вы, конечно, правы, генерал Риекан. Я беспокоился только о безопасности Шефа. Она может поговорить с пленницей, когда захочет.

Я установлю голографическую связь, чтобы...» «Нет, я хочу увидеть его во плоти», - сказала Лея, решив заблокировать это сейчас, когда Мадин был вынужден пойти на публичную уступку или рискнуть потерять лицо перед теми, кого он все еще надеялся убедить в своей точке зрения. "Как далеко вы сейчас, генерал?" «... Мы в двух днях от вашего местоположения, мэм».

"Тогда мы можем встретиться завтра в ..." «К сожалению, «Оса» все еще находится в ремонте. В настоящее время у нас есть только один реконструированный сверхсветовой двигатель, который ограничивает нашу способность развивать скорость». «Правда? Но мне сказали, что тебе дважды удавалось хромать до скорости света?»

Однако Лея реализовала свой шанс. «Если вы в ремонте, может быть, нам лучше доставить Дом Один на вашу позицию. Если вы предоставите координаты...» «Нет необходимости убирать Home One из того, что в настоящее время является безопасным местом, мэм.

Дайте нам дополнительный день на ремонт, и мы будем мобильными, тогда вы можете отправить меньшее судно на встречу в заранее оговоренных координатах в несколько дней времени". Лея слегка откинулась назад, пытаясь разъяснить всему Совету, что именно здесь происходит. «Я бы предпочел, чтобы вы сейчас же передали свои координаты Совету, генерал».

Мадин молчала долгие секунды, и Лея снова осознала, что здесь происходит нечто большее, чем очевидное. «Я вполне готов сделать это, мэм - после того, как командер Масса передаст результаты теста, который я просил у нее ранее». Лея взглянула на Тэга, не зная, что происходит, но руководитель службы разведки слегка покачала головой: «Тесты? Мне очень жаль, генерал Мадин, я не проверяла свои сообщения последние несколько часов - здесь у нас были проблемы, с травмами начальника и новостями о ваших действиях. Я обязательно проверю свой почтовый ящик, когда вернусь в свой офис.

Надеюсь, это не было привязано ко времени - мне не хотелось бы думать, что некоторая возможность была упущена для тебя из-за моих действий". Мадин молчал так долго, что даже Лея начала неловко извиняться. Когда он снова заговорил, его голос был низким и угрожающим. Могу я спросить, что именно вы делали, командер Масса? "Тэг встретил его взгляд с равной серьезностью. «Мой долг, генерал, как и всегда.

Как я уже сказал, я имел дело с проблемами, вызванными вашими действиями. Я считал своей обязанностью обеспечить надлежащую охрану вождя Органы». И снова Мадин долгое время хранила молчание, глядя на Тэга вниз, хотя она сидела с невозмутимым спокойствием, расслабленные плечи, нейтральное лицо, чуть выжидательная. Что бы Мадин ни думала, что она должна была сделать, Таг явно не обращал на это внимания.

«Либо так, либо она настоящая лгунья», - подумала Лея. "Тогда вы были в медицентре?" Мадин толкнул. «Да, сэр. Принятие необходимых мер». "Я вижу." Мадин снова повернулся к Лее, и расстояние никак не уменьшило его голос. «Мэм ... Мне нужно поговорить наедине, пожалуйста». «Я бы предпочла выступить перед Советом, генерал Мадин», - твердо сказала Лея. «У нас здесь нет секретов». Мадин долго молчал, не сводя глаз с Леи ... и она знала, что

что-то творится в его мыслях, какое-то решение было принято, какая-то линия битвы была проведена, его глаза понимали, его челюсти стиснуты ... "Я считаю, что ваш начальник разведки может не согласиться с вами, мэм ".

Лея взглянула на Тэга, который нахмурился, откинувшись от стола. Она посмотрела на Лею, покачала головой и неуверенно пожала плечами. "Безопасность?" - спокойно предположил Масса.

"Может быть, координаты?" Лея снова повернулась к Мадину... «Хорошо, генерал, с согласия Совета я продолжу эту встречу в моем офисе». Она огляделась вокруг стола и получила кивки согласия. Все прекрасно понимали, что Мадин считает, что на борту «Первого дома» остался шпион высокого уровня . «Тогда мы объявим это собрание отложенным, джентльмены, и назначим другое, после того, как я поговорю с Императором». . . . Хан расхаживал по офису Леи, ожидая окончания заседания Совета, пытаясь сохранять спокойствие и терпение в ситуации, которая, по его мнению, требовала немного меньше спокойствия и немного больше действий, когда "ожидание вызова" на столе Леи зажегся свет.

Он просто собирался ответить на него и сказать тому, кто, казалось, чувствовал необходимость поговорить с ней на этот раз, чтобы выйти из шлюза, когда дверь наконец открылась и вошла Лея, все еще бледная от травм и обнимая ее за руку но с такими острыми глазами, как весь ад. Она сразу же повернулась к Таг Массе, когда дверь за ними закрылась.

Главный разведчик выглядел таким же подавленным, как и Лея - на самом деле Хан нервничал, просто глядя на них. "Что? Что это?" - быстро сказала Лея. «Если вы позволите суду пройти в условиях военного положения, вы вполне можете отказаться от любого официального контроля над ситуацией», - жестко ответил Масса. "Подожди, что случилось?" - напряженно спросил Хан, желая ускориться. Лея взглянула на него, затем на маленький огонек, который мигал на настольной консоли, затем снова на Масса.

"Почему - быстро?" «Мы представляем остатки Старой Республики. Наша всегда была политической организацией, вынужденной занять военную позицию. На самом деле вы очень близки к Императору в том смысле, что вы являетесь политическим лидером в значительной степени военной партии. военное положение требует только военнослужащих ". Глава разведки заколебался, и Хан воспользовался своим шансом: «Что случилось?» Масса на мгновение взглянула на Хана, прежде чем продолжить, снова глядя на Лею.

«Если вы сделаете это, то фактически передадите весь контроль над Императором и судом - включая выбор присяжных, состоящих только из военных, - военным. И хотя я очень верю в генерала Риекана и адмирала Акбара, как вы знаете, более... радикальный элемент, который поддерживает Мадина и может стремиться полностью исключить себя и любых других умеренных, если суд будет продвигаться на этой основе - и это вполне может сработать ». « Кто-нибудь скажет мне, что... подождите, я понял». Хан почувствовал, как его челюсть скрежетал, не удивившись этому маленькому развитию; вряд ли это было новостью.

"Так он пытается заморозить нас?" Масса повернулся к нему: «Я не говорю, что это произойдет, командер. Я просто говорю, что было бы разумно избегать развития ситуации там, где это возможно. Судебное разбирательство по военному положению эффективно устранил все несоблюдения. военнослужащих в Совете от процесса принятия решений - и, следовательно, большинства, которым в настоящее время владеет вождь Органа.

Это создало бы военный Совет, состоящий из равных умеренных и ... " «Веселые лакеи Мадина-оруженосцы». Хан закончил за нее, поскольку Масса явно не знала, как это сказать вежливо.

Лея посмотрела на Хана с очевидным напряжением на лице. «Они были... они пытаются выяснить, можно ли сохранить смертную казнь». Масса мрачно кивнул: «С чисто военным трибуналом, выбранным Мадинам, они, вероятно, смогли бы, даже со ссылкой на республиканские законы». «Сын скига», - выдавил Хан, повернувшись к Лее, вытянув обе руки ладонями вверх. "Могу я ударить его сейчас?" Лея тяжело села на стул.

«Да, действительно можно». "В заключение!" «Это может быть не то, чем кажется», - сказал Масса. «Мадина, возможно, не собирается пытаться сорвать судебное разбирательство, он может просто пытаться настаивать на судебном разбирательстве на любых возможных условиях, зная, что это единственный жизнеспособный путь». «Да, верно, потому что я действительно верю, что у этого парня золотое сердце». - сухо сказал Хан. «Нам нужно получить контроль над Императором», - подчеркнул Таг. «Нам нужно как можно скорее забрать его из Мадина в наши владения». Маленькая лампочка на консоли Леи все еще мигала синим, указывая на ожидающий вызов, и Хан внезапно понял, кто это был.

Лея нахмурилась, переводя взгляд с консоли на Массу. «Мадина не выдаст его, если он знает, что может использовать это, чтобы заставить меня объявить военное положение». «Он не знает, как много значит для вас Император, мэм. Он играет в силовые игры, вот и все». «Так что, вы говорите, называйте его блефом?» "Нет, ага." - решительно сказал Хан, покачивая головой и шагнув вперед. «Я много играл в сабак за множеством столов, и позвольте мне сказать вам, что я знаю типичного парня, которого вы не пытаетесь запугать.

Некоторые люди звонят вам только потому, что они не могут отступить. " Лея вздохнула, глядя на мигающий свет. «Ну, давай сначала посмотрим, что он хочет, ладно? Тогда мы сможем решить, как не давать ему этого». . Она протянула руку и нажала кнопку активации, Хан и Масса быстро отступили из поля зрения линзы. Небольшое голографическое изображение ожило в разломе статического электричества над столом Леи, прежде чем оно слилось с напряженным лицом Мадина, и Хан почувствовал, как его руки сжались в кулаки. «Генерал Мадина», - кивнула Лея. «Несмотря на всю суматоху, я не думаю, что еще поздравил вас с успешной миссией». «Спасибо, мэм, хотя я считаю ваши слова немного преждевременными», - холодно сказала Мадина.

«Я не буду считать эту конкретную миссию выполненной, пока не получу желаемый результат». Лея наклонила голову: «От вашего имени, сэр, или от имени Альянса?» «Мне нравится думать, что наши интересы совпадают, мэм... хотя я задаюсь вопросом о ваших». «Я сделал Альянс делом своей жизни, генерал. Я думаю, что, возможно, вы неправильно поняли мою позицию - мое намерение здесь - добиться справедливости». «Как и мое, мэм.

С этой целью я бы посоветовал вам уйти в отставку и передать это дело военным, где оно и принадлежит». Наблюдая из дальнего конца комнаты, Хан почувствовал, как его челюсти сжались; ему пришлось передать его Мадина; парень точно не ходил по кустам. Лея повернулась к своему величественному виду. "И зачем мне это делать, генерал?"

«Я бы подумал, что ваш конфликт интересов в этом вопросе будет очевиден, мэм... или вы никогда не чувствовали такого конфликта? Возможно, это всегда было ясно, с самого начала... если не особо хорошо известно». Хан нахмурился; Откуда, черт возьми, Мадина узнала о признании Леи раздвоенной лояльности - она сказала Хану всего несколько часов назад.

Он прослушивал комнату на борту «Осы» во время последней встречи Леи и Люка? Незаметно он покачал головой на свой вопрос; Лея всегда носила с собой подметальную машину, которую дал ей Хан, на эти встречи - маленькое устройство противодействия наблюдению размером с кредит издавало свист, если поблизости находилось какое-либо подслушивающее устройство

или оборудование для наблюдения - плюс в то время было полное отключение связи у обеих сторон наверняка были скремблеры.

Возникла мысль, что, может быть, Мадин каким-то образом знал, что это Лея уронила Осу.шиты? Неуверенно, он на мгновение взглянул на Массу... и остановился; вечно невозмутимый начальник разведки напряженно стоял у стены, противоположной Хану, крепко обхватив ее руками, выражение ее лица находилось где-то между страхом, пристальным вниманием и нарастающей тревогой, пока Мадин продолжала говорить. «Хотя, видимо, это было известно командиру Массы».

Я должен поздравить ее с ее выступлением сегодня, кстати ... и скорость, с которой она сняла доказательства. Вы знаете, одна вещь, которую я не видел приход был мало предательством тега.» Уже отойдя далеко за пределы диапазона микрофона, Массы отступила еще дальше, чтобы поднести свой комлинк ко рту, настойчиво, но тихо произнеся: «Лейтенант Лован, это Массы. Заблокируйте сейчас весь доступ к медицинским картам шефа Органы по моей команде. Фактически, заблокируйте всю медицинскую систему и системы Intel. Нет доступа - даже Совет. И никто не входит и не покидает медийные отсеки... или офис генерала Мадина. Сделайте это тихо и сделайте это сейчас, а затем свяжите меня обратно». У Хана началось по-настоящему холодное чувство внизу живота, хотя, к ее чести, Лея даже не вздрогнула, медленно покачивая головой, снисходительно покачивая головой.

«Я понятия не имею, о чем вы говорите». Мадин не впечатлил. «В самом деле? Потому что мне очень не хотелось бы быть тем, кто был вынужден разъяснить Совету именно то, о чем я говорю... во имя моих собственных намерений обеспечить истинное правосудие».

«Чт...» Лея взглянула на голограмму, когда Хан тоже повернулся к тому месту, где возвращался Таг Массы, делая дикие жесты, чтобы отключить звук. Лея протянула руку и выключила микрофон, когда Тэг шагнула вперед, от волнения ее голос повысился почти до паники. «Он знает... откуда он знает?!» Хан нахмурился, выпрямляясь, чувство холода пробежало по его спине. "Подожди, что, черт возьми, происходит?" Мадин продолжил, не подозревая о том, что происходило за пределами зоны действия связи Голонета, теперь, когда микрофон был выключен. «Мне не хотелось бы, чтобы эта ситуация обострилась дальше... и я очень сомневаюсь, что вы хотите, чтобы я передал это в Совет».

Лея включила микрофон. "Вы угрожаете мне, генерал?" «Скажем так, я обдумывал свои варианты в последние несколько минут... поскольку я бы посоветовал вам очень внимательно рассмотреть свои в следующие несколько». "На каком именно основании, генерал?" «Отдайте мне должное, мэм, несмотря на все усилия командера Массы. Я прошу генетическую сестру Императора отступить - или вы считаете меня душой?» В течение долгих секунд Лея смотрела на голографию, пытаясь понять, о ком вообще говорит Мадин... потом это медленно осенило ее, как и Хана.

Она взглянула на него в тот же момент, когда он посмотрел на нее, ее нежное лицо представляло собой смесь растерянного замешательства и полного недоверия. В тот момент Хан понятия не имел, какое выражение было у него на лице. Лея снова посмотрела на голограмму: «Не будь абсурдным!» «Что мне кажется абсурдным, мэм, так это тот факт, что женщина, возглавляющая восстание против Империи, на самом деле является генетической сестрой Императора... и я очень верю, что это паразит других таким же образом».

Хана тревожила серьезность, с которой Таг Массы отнесся к этому возмутительному заявлению; без ее реакции он, вероятно, отверг бы это прямо - даже посмеялся над этим - и он знал, что Лея думала о том же самом, уверенность медленно спадала с ее лица, когда она

смотрела на начальника разведки, который подавал сигнал разорвать связь в настоящее время. «Я ... мне нужна минутка ...» - сказала Лея, задыхаясь, взволнованная, взгляд перескакивал между Тэгом и голографическим изображением Мадина.

Генерал явно не тронулся. «У вас есть одна минута. Оставьте линию на удержании». Хан заговорил еще до того, как голоизображение потемнело и остановилось - почти крикнул. «Кто-нибудь скажет мне, что, черт возьми, происходит?!» Масса все еще качала головой, размышляя вслух: «Он не может знать... как он узнал?» Ее глаза были прикованы к Лее: «Кто еще знает... кого-нибудь, когда-либо? Это когда-либо было записано где-нибудь? Альдераан, здесь? Лея приподнялась: «О чем он говорит, почему он вообще это говорит?»

Масса замер. «Ты...» она замолчала, не зная, что сказать, когда Лея снова тяжело села. «Вы не... Мэм, Мадин попросила меня сделать тест, когда вы были в медицентре - ваши отношения с Императором... вы не знали?» «Это неправильно», - отрицательно покачала головой Лея, слова почти терялись в бездыханном замешательстве. «Тест неправильный».

«Нет, мэм. Мне очень жаль, я думала, вы знаете». «Это неправильно». «Я проверил и проверил». Хан тоже покачал головой, наконец обретя собственный голос. "Подожди ... Лея и Люк?" Масса взглянул на Хана, затем снова на Лею, и когда она не ответила, Масса, наконец, кивнул: «Они братья и сестры - возможно, близнецы».

"Лея и Люк?" Хан посмотрел на Лею, и она покачала головой, слова не выдержали. Он, конечно, знал, что она была удочерена, хотя даже это держалось в секрете. Единственный наследник Альдераанского королевского дома имел доступ к их скрытым активам, все из которых были вложены в Альянс, и, как эта известная выжившая, она была причиной для сплочения. Все знали, кто такая принцесса Лея, все... все. «Я хочу увидеть эти тесты». Лея снова стояла, сплачиваясь, как неукротимая принцесса, которой она всегда была, «прямо сейчас».

«Мэм, я бы посоветовал нам немного подождать; у Мадина есть сторонники. Пойти прямо к...» «Это то, о чем он говорил с вами на заседании Совета, не так ли?» - сообразила Лея, пересекая Массу. «Генерал Мадин связался со мной, когда вы все еще были без сознания, и попросил меня достать сохраненные генетические образцы Императора, чтобы провести тест. Когда я получил результаты...» Масса остановилась, чувствуя себя неловко.

«Мне пришлось принять трудное решение в неотложных обстоятельствах. Это решение, учитывая разногласия, уже присутствовавшие в Совете Альянса, заключалось в том, чтобы удалить все свидетельства, указывающие на любую связь между вами и Императором. Если я ошибался, я прошу прощения, но учитывая нестабильность нынешней ситуации в руководстве, я не думаю, что был. При всем уважении, мэм, этот факт разлучил бы нас; прямо сейчас мы не могли пережить его раскрытие».

«Ты все уничтожил?» - встревоженно спросила Лея. «Итак, теперь у меня нет ничего; ни доказательств, ни доказательств, ничего». «Я ничего не разрушал, мэм. Я удалил это и переклассифицировал всю информацию и образцы в другой файл. Все по-прежнему хранится под этим именем. Все существует; образцы, тесты, все». «Я хочу это увидеть», - повторила Лея.

"Все это." "Конечно." «Подожди минутку», - медленно сказал Хан. «Итак, Мадин хочет, чтобы Лея отступила изза того, кем она является». "Кто она на самом деле". Тег исправлен. "... Это правда?" Несмотря ни на что, он не мог не спросить еще раз. Масса медленно кивнул: «Да... да, это так». Хан посмотрел ей в глаза, когда она сказала это ... затем задумался в течение долгих секунд, медленно переваривая этот поразительный факт и, наконец, придумал единственную

реакцию, которую он мог придумать; "Нп."

«Это его?» - недоверчиво спросила Лея. "Просто, хн?!" Хан шагнул вперед, чтобы легко поцеловать ее в лоб: «Милая, ты единственный в своем роде. Ничто в тебе больше не удивляет меня.

Или Мадин, но совсем по-другому». «Почему бы просто не выйти и не сказать это сегодня на заседании Совета», - спросила Лея Массу. «Сделать публичный шаг и провести еще один тест ДНК?» «Да, не то чтобы я подозрительный тип, но мы говорим здесь о Мадине. Если он знает о Лее, почему он не...»

Хан замолчал, задумавшись. Массу пожал плечами: «Возможно, он ожидал моего подтверждения. Когда он не получил его, он, возможно, почувствовал себя вынужденным...» "Погодите, мы здесь не думаем, как Мадин!" Хан поджал губы в зарождающемся понимании, когда повернулся к Лее. "Теперь у него есть что-то от единственного человека, который стоит на его пути с этим испытанием, единственного, у кого достаточно силы, чтобы сдержать это.

Он собирается это использовать. Он действительно думает, что может использовать это, чтобы заставить вас делать то, что он хочет!" Массу подумала, ее брови нахмурились, и она кивнула. "Возможно, вы правы. Он стратег, и теперь у него есть самый ценный товар в галактике - информация. Для такого человека, как он, было бы разумно попытаться использовать это для реализации своего более крупного плана.

Если он сможет заставить вас согласиться на суд по законам военного времени, то он знает, что другие будут следовать. он будет идти до конца.» Хан кивнул: «Ясно, что он думает, что ты знал. И если он думает, что ты знал, тогда он будет думать, что ты скрывал это - и если он думает, что ты скрывал это, тогда он будет думать, что сможет контролировать тебя этим».

Лея решительно поджала губы: «Что ж, тогда он ошибается». Массу выступил вперед напряженным голосом: «Мэм, вы позволите обнародовать это прямо сейчас, в разгар этого кризиса, и это не только избавит вас от любого влияния на обстоятельства Императора, но и вполне может разорвать Альянс на части». . " «Меня не шантажируют».

«Я не говорю это, мэм».

«Ну что тогда будете вы предлагаете?» «Как ты сказал ранее, - твердо заявил Хан, - давайте сначала узнаем, чего он хочет. Затем мы решим, как не давать ему этого». . Лее потребовались долгие секунды, чтобы взять себя в руки, прежде чем она протянула руку и снова активировала голо-связь. Выражение лица Мадин не утратило своего самодовольного тщеславия, когда изображение ожило.

Несмотря на его спокойствие перед Леей, Хан чувствовал непреодолимое желание каким-то образом дотянуться до голо-связи и избавиться от высокого и могущественного взгляда с самодовольного лица генерала. Как всегда дипломат, собственная неприязнь Леи почти не звучала, когда она говорила: «Вы понимаете Генерала; я не знал об этом факте до сегодняшнего дня». Мадин даже не признал слов Леи. «Вот как все пойдет; ты перестанешь шуметь о Скайуокере... или я начну шуметь о сестре Скайуокера».

«Неважно, возражаю я или нет, но все в этом Совете знают, что вы все еще пытаетесь отодвинуть на второй план основные права человека в соответствии с...» «Я еще не закончил,» Мадина сокращение.

«Когда это голосование приходит в течение двух недель, я хочу подтверждение от Совета о том

, что суд по законам военного времени будет идти вперед. В противном случае я будет делать общедоступным.» «Я не могу этого гарантировать». - сказала Лея. Мадин не двигался с места. «У вас есть две недели, чтобы привести ваших людей в порядок, мэм». Лея была достаточно опытным переговорщиком, чтобы автоматически тянуть время, какими бы невероятными ни были требования. «Этого недостаточно. Я не могу перевернуть Совет за две недели». «Тогда вам не следовало назначать голосование в то время, не так ли? Две недели, затем я хочу, чтобы результат этого голосования был таков, что весь контроль над этой ситуацией был передан военным, и мне в частности. " «Я все еще хочу его видеть». Лея осталась стоять на месте, а глаза Мадин сузились.

«Вы уже согласились позволить мне увидаться с ним до открытия Совета - вы собираетесь отозвать это?» «Ты хочешь увидеть его? Тогда отойди. Дом один остается здесь, ты не настаиваешь снова на позиции Осы в Совете, ты поддерживаешь мое решение оставить здесь Императора, и я мог бы - я просто мог бы - позвольте одному небольшому кораблю встретиться с нами на ограниченный период времени, согласно моим условиям. Но вы можете сказать своему кореллианскому другу - я уверен, что он где-то там прячется, - что его не приглашают.

Хан напрягся против провокации, хотя и остался на месте; не доставит Мадину удовлетворения от реакции. Тем не менее, ему действительно стоило ударить Мадина в последний раз, когда у него была такая возможность. «Мне нужно взять с собой охрану». - твердо сказала Лея. «Вы можете привести того, кого я вам скажу». - едко сказала Мадин. «Но ни на минуту не думай, что ты забираешь Императора с собой. Я сам застрелю его, прежде чем позволю тебе сделать это - в любой момент. Давайте сейчас проясним это».

«Мы чисты». - спокойно сказала Лея, когда Хан стиснул зубы, сузив глаза. Мадин кивнул; «Хорошо. Между тем, у вас много работы, шеф. Я хочу это голосование». "Как я должен их убедить?" Мадин тонко улыбнулся: «Не волнуйтесь, мэм; я уверен, что у меня будет много доказательств, которые я представлю на следующем заседании Совета, которые укажут на то, что суд плавно перейдет к правильному вердикту - возможно, даже к полному признанию.

Я намереваюсь провести несколько... разговоров с Императором в ближайшие недели, и я ожидаю, что он будет послушен... в конце концов ». Лея напряглась: «Мадин...» «Обеспокоен благополучием заключенного? Как трогательно - и как неудивительно, чье дело вы решите защищать». Лея держала оружие. «Я ничего об этом не знал». "В самом деле?" Мадин усмехнулся. «И по какой причине у вас были тайные встречи с Императором?» «Я сказал вам, что они были прелюдией к мирным переговорам. Он пришел ко мне - мы обсуждали прекращение огня».

«Конечно, был. В той, в которой все, что Мотма боролась за строительство, вы бы передали Императору». «Нет, я бы принесла это в Совет», - выдохнула Лея, теряя терпение. «Вы знаете это - или почему я должен был допустить встречи с вами?» «Потому что вы были загнаны в угол и думали, что сможете это контролировать. И вы почти это сделали... вы почти вовремя успели попасть туда имперским фрегатом». Он сделал паузу, слегка наклонившись вперед,

«На самом деле, где были вы стояли на мосту, когда осы щиты сошел?» Лея слегка откинулась назад, глаза расширились, и Хан тихо выругался; хотел сделать выпад и перерезать линию, пока не стало хуже. Как оказалось, Мадин сделал это за него. «Вы хотите принести что-то в Совет, мэм? Тогда сделайте это своей поддержкой судебного процесса в условиях военного положения. И у вас есть две недели, чтобы обеспечить это».

«Мадин...» начала Лея, но генерал уже наклонился вперед, чтобы перерезать канал, комната погрузилась в темноту, когда голографический снимок стал статичным. . «Две недели - не

много времени», - сказал Масса в тишине. «Две недели - это все, что у нас есть...» Лея замолчала, закрыв голову руками; «... Через две недели это закончится - так или иначе».

Хан смотрел, обеспокоенный зловещим тоном ее тихого голоса, ему потребовались долгие секунды, чтобы взять себя в руки... но он сделал это; заставил всех сделать то же самое, как он обратился к Масса. «Хорошо, у меня вопрос; если ты ему не сказал, то откуда, черт возьми, Мадин все это знает?» Тэг нахмурился: «Я предполагаю, что он получил информацию от Императора».

«Уже? Нет, Люк не сломается, не сейчас - Мадин долго ничего от него не получит. И почему ты думаешь, что он вообще знает?» Тэг покачала головой. «Я определенно не передавал никаких подробностей генералу Мадину». «Мы уже об этом догадывались, но он каким-то образом их получил ... так как? Мог ли он попросить Одига или Галла получить информацию из медицентра?» Масса нахмурился: «Я так не думаю ... возможно, генерал связался с медицентром напрямую в то время, когда я извлекал микросхемы в защищенный магазин Intel и переклассифицировал их по именам - я хотел сделать это немедленно».

Затем Я сохранил образцы крови и переклассифицировал их, а также стер память Два-Одного Би. Между удалением любых других доказательств и возвращением, чтобы стереть память Два-Одного Би, был промежуток, может быть ... менее тридцати минут. Генерал попросил меня свяжитесь с ним как можно скорее, потому что Оса прыгала со скоростью света в течение часа.

Когда я этого не делал, он мог связаться с медицентром, чтобы получить информацию непосредственно перед прыжком; у него был бы необходимый допуск ». «Так мог бы он за это время передать какие-либо соответствующие файлы?» - спросил Хан. «Нет, определенно нет. Если он скучал по мне, когда повторно связался с медицентром, это было потому, что я уже удалял физические образцы, а данные и результаты тестов были изолированы от сети».

Хан медленно кивал, все прояснялось. «Значит, если он поговорит с медиатридом, он знает ... но у него нет доказательств». Масса понимающе улыбнулся: «Вот почему он поговорил с Шефом Органой наедине. Почему об этом еще нет». Хан кивнул, и теперь факты стали яснее. «Все, что у него было, это то, что дроид сказал ему, что неизвестный образец, предоставленный кем-то, кто оказался верным Лее, соответствует образцу, взятому у Леи в тот день. На самом деле, он понятия не имел, были ли они подлинными».

Ясно, что ты не вернул его, когда он ожидал, что тогда, что бы ты ни сказал на заседании Совета, вы четко прояснили, в чем именно заключалась ваша преданность ... так что он полагал, что находится на каменистой почве. Масса кивнул, глядя на Лею: «Вот почему он не высказал это на заседании Совета - когда я отрицал, что знал о нашем предыдущем разговоре, он понял, что я поддержу вас». Хан кивнул, не в силах сдержать крайнюю кривую ухмылку.

«Он начал паниковать из-за того, что это могло быть подстроено. У вас были доказательства, у него ничего не было. Одиг и Галл, вероятно, трепыхаются, как напуганные майноки. теперь пытаюсь отследить, где вы это спрятали ". «Значит, он был в опасности», - поняла Лея. «Но его больше нет. Теперь он это знает, почему бы просто не выйти на публику?»

«Но в то время это было чертовски рискованно, дорогая», - сказал Хан. «Вероятно, это то, что его сдерживало. Ему пришлось ждать и, как он сказал, он должен был думать, пока он ждал. Прежде чем он узнал наверняка, он не мог просто встать и начать обвинять лидера Альянса повстанцев. быть ... ну, ты знаешь. " На мгновение Лея нахмурилась, и Хан понял, что она горела желанием сказать: «Просто скажи это!» , но если бы он сделал это, он знал, что она

была бы в равной степени обижена; у него не было никаких проблем с тем, что она сестра Люка... на самом деле ему это нравилось, чем больше он думал об этом.

Лея же... неделю назад она была готова помочь поймать Люка и отдать его под суд; всего несколько дней назад девочка каким-то образом перевернула все свои предыдущие мнения, а сегодня... это было чертовски много, чтобы быстро усвоить это. Но, как всегда, она взяла его в подбородок, уже размышляя над этим. "И мы уверены?" Лея снова повернулась к Массе. «Можете ли вы гарантировать, что эти образцы были точными?»

«Дроид Two-OneVee, который проводил этот тест, взял образец у вас, и я провел тест дважды: один раз с образцом крови из защищенной медицинской базы и один раз с образцом из базы Intel. Образец Intel был хранится под фальшивым удостоверением личности.

Я сам сломал обе защитные пломбы, чтобы проверить образцы ". Лея повернулась от Тэга к Хану. «Мне нужно поговорить с Люком». "Да, ты и я оба, кукла". Хан склонил голову. «Вы возьмете напильник в торте, а я возьму бластер, полностью сделанный из флимсипласта».

«Я иду на эту встречу». - твердо сказала Лея. «Я разговариваю с ним на борту« Осы ». Масса поспешил вмешаться: «В свете всего этого я серьезно советую вам не уходить. Осу следует рассматривать как находящуюся под контролем Мадина, а вы - один из немногих союзников Императора». «Это может быть под контролем Мадина, но он по-прежнему генерал Альянса, и его команда по-прежнему состоит из солдат Альянса».

«Да, солдаты Альянса специально отобраны для этой миссии, потому что Мадин знает, что может безоговорочно им доверять». - многозначительно добавил Хан. «Они будут сторонниками жесткой линии, и они вполне могут рассматривать вас как неправильную сторону этой линии». Лея нахмурилась, и он знал, что это произошло потому, что в очередной раз, они были вынуждены думать Альянса она боролась так трудно держаться вместе как два отдельных лагеря здесь; те, кто поддержал Лею, и те, кто поддержал Мадин. Хан знал, что этот факт даже не замедлит ее; она всегда была своего рода огненным шаром, который вспыхивал, когда становилось жарко. Это была одна из причин, по которой он любил ее - это и, конечно же, упаковка галактического класса, в которой она была упакована. «Ваш совет принят к сведению». - сказала Лея.

«Я все равно пойду. Два дня - это возможность, которая у меня есть, и два дня - это возможность, которой я пользуюсь». Масса поджала губы, и в течение долгих секунд Хан думал, что она выдвинет свое возражение... но она удивила его, медленно кивнув, явно просчитывая числа в уме. "Если вам нужно поговорить с ним об этом, то мы должны принять меры.

Я хочу убедиться, что я смогу безопасно доставить вас на этот корабль и выйти из него, чтобы остальным членам Совета не показалось слишком очевидным, с чем мы на самом деле имеем дело с.

И мне нужно пойти и убедиться, что сторонники Мадина не выходят из себя на Номе Оне прямо сейчас в поисках этих образцов - и даже если они таковы, они не знают почему ». Хан покачал головой: «Держу пари, Мадин полагает, что у него есть серьезные рычаги влияния, чтобы загнать Лею в угол прямо сейчас. Он не собирается делиться этим ни с кем и рисковать потерять контроль над этим, пока нет. Пока мы подыгрывай, он оставит это при себе ". "На две недели." - мрачно сказала Лея. Хан сделал паузу, склонив голову с преувеличенной небрежностью: «Знаешь, я просто выложу это один раз, потому что я не могу не думать, что мне приходит в голову, что ... ну ... что, если кто-то вроде ... Пристрелил его?"

Масса взглянул на Лею, и у Хана сложилось отчетливое впечатление, что шеф разведки не стал бы слишком драться, если бы Лея одобрила это... но, конечно, он знал ее ответ до того, как Лея заговорила. «Даже не думай об этом, Соло». - решительно сказала Лея. «Я не так решаю свои проблемы». «Просто, знаете, предложение», - сокрушенно сказал Хан. "Стоит попробовать." Масса поджала губы, взглянув на свой комлинк, который звучал как звук. "Это лейтенант Лоуэн. Если вы меня извините, мэм, мне нужно пойти и разобраться со всем этим. Приходите ко мне в офис, когда будете готовы увидеть результаты - я бы предпочел ограничиться этим одна внесистемная копия для безопасности ". Лея кивнула: «Конечно, спасибо, Тэг... за все».

Глава разведки кивнула в своей обычной скромной манере и повернулась, чтобы уйти. . Лея молчала, когда дверь закрылась, Хан знал, что она все еще пытается понять все это. «Должен сказать, ты принимаешь это намного лучше, чем я бы мог подумать. Я впечатлен». Лея криво посмотрела на него, когда он шагнул вперед, обняв ее одной рукой с гордым заверением. "Что вы ожидали?" «Я не знаю, правда...» - пожал плечами Хан, - «Это не совсем так, даже для меня».

Лея посмотрела вниз, казалось, удивленная собственной непринужденностью, когда она оперлась на его поддержку: «Я думаю ... я думаю, может быть, если бы я только что узнала, что я была ... братом Императора ... может быть, все было бы по-другому. Но ... но ... Я не... теперь я знаю это. Я сестра Люка ... Я сестра Люка Скайуокера... » Хан кивнул, прекрасно понимая, что она имела в виду: «И все в порядке, да?» Лея тоже медленно и обдуманно кивнула: «Все в порядке». Хан нахмурился, чудовищность этого откровения только сейчас начала просачиваться, даже для него.

«Подожди, если ты его сестра...» - он колебался, - «почему ты не можешь делать то, что может делать он?» Лея остановилась, исследуя мысли и воспоминания; странные сны, которые в данный момент всегда казались такими реальными; кошмары людей, которых она знала, потерянных через несколько дней после их появления. Волк ... этот безмолвный, стойкий волк, всегда стоящий в ее тени и ни разу не показывающий ей зубы. Ощущение от Луки , когда он был близок в заседаниях; о его намерениях, так часто полностью противоречащих его словам и действиям, о знании того, чему доверять. «Я думаю...» она снова заколебалась, не решаясь сказать это вслух, но теперь осознавая это с абсолютной убежденностью; "Я думаю, что могу." . . .

Четыре часа назад, еще до того, как Лея проснулась, Таг Масса стояла одна в пустом медицинском центре, глядя на маленький пузырек в руках, правда все еще звенела в ее ушах и гудела в ее мыслях, слишком обширных, чтобы осмыслить.

Она стояла так уже несколько минут... драгоценных минут, в которые ей нужно было действовать, но она понятия не имела, как, просто глядя на пузырек с образцом крови, хранящимся в застое. Что-то такое маленькое, такое невероятно хрупкое, такое легко разрушаемое ... и в то же время чрезвычайно, до абсурда опасное. И она держала его на ладони. Выпустить это на всеобщее обозрение или сидеть на нем - а что в Ситхе имел в виду Император, позволяя этому факту проявиться как возможность без его действий?

Планировал ли он обнародовать его позже? Чтобы дать Органе возможность проверить и подтвердить факт, если он угрожал ей тем же? Что-то, чтобы контролировать ее, что-то, что ее расстроит, что-то, чтобы убедить ее, что? Если бы он оставил образец здесь, он наверняка знал бы, что есть шанс, что ДНК Органы и его собственная можно сравнить, так что, возможно, это было частью более великого плана по дальнейшей дестабилизации Альянса?

Если так, то теперь, когда Мадин наткнулась на него, по всей вероятности, это не было частью этого плана. Или, возможно, Император просто не знал, что образец здесь? Но тогда было стандартной практикой хранить такие образцы ДНК и крови как часть более крупной системы медицинских записей, и хотя записи о погибших пилотах обычно выбрасывались, запись пилота, которого с тех пор обвиняли в шпионаже и который был тесно связан с Палпатином, будет очевидно, что она должна быть сохранена, поэтому он должен был знать, что она хранилась; он никогда бы не упустил из виду такую вещь. И что теперь?

Пусть открытие Мадина идет своим чередом, или похороните его; удалить все доказательства? В качестве начальника разведки Масса знала, как скрыть свои следы, удалить все проверяемые данные, чтобы стабилизировать Альянс в то, что внезапно стало критически нестабильным. Или ей следует отнести его Органе и понаблюдать за ее реакцией; посмотреть, изменило ли это ее мнение, ее действия, хоть немного? Удалите это или признайте это - и что поможет или кому помешает? Таким образом, она просто стояла, осознавая тот факт, что она держит судьбу Альянса в своих руках... судьбу свободы, которую она посвятила своей карьере - своей жизни - достижению. Понимая, что любая ошибка, любая потеря фокуса сейчас может иметь ужасные последствия ...

Ее задача, конечно же, всегда заключалась в том, чтобы защищать и направлять Лею Органу и стабилизировать более умеренные фракции Альянса, которые поддерживали ее, когда сам Альянс разделился и раздробился, но теперь, благодаря этому беспрецедентному факту, стабильность Альянса стала скованной. к гораздо большим проблемам и привязанностям. В непредвиденных обстоятельствах лучшее, что можно было сделать прямо сейчас, - это сохранить статус-кво; постарайтесь ограничить реакцию Мадина, ограничить любой дальнейший доступ к информации в ее нынешнем виде и реагировать на любые ответы и последствия по мере необходимости. Было бы опрометчиво поспешно пытаться повлиять на результаты, еще не зная об общей картине. Да; если нет других приказов об обратном, она решила, вернув маленький пузырек обратно в стазис под случайно выбранным именем, она продолжит следовать своим полномочиям в точности.

Люк лежал один в темноте... по-настоящему один, впервые, что он мог вспомнить; Ни Силы, ни контакта, ни знакомого шума галактики вокруг него, ее болезненного масштаба и непрекращающегося басовитого оттенка резонансной силы устрашающе тихого.

Ничего, кроме маленьких замкнутых мыслей в его собственной голове, плывущих по течению в бесплодной, изолированной тишине. Он так часто хотел, чтобы пламя внутри него, которое зажег Бен Кеноби и зажег Палпатин, могло быть потушено навсегда... теперь оно исчезло, но не было ни облегчения, ни отсрочки. Все, что он чувствовал, было совершенно, совершенно одиноким ...

Он лежал в тишине на жесткой кровати, чуть больше, чем холст, натянутый на тяжелый сварной каркас, прикованный одной лодыжкой к громоздкому каркасу, и смотрел в холодную густую тьму, пытаясь понять, было ли это трудностью или благословением. они оставили камеру неосвещенной.

Часы, проведенные в одиночестве в непроницаемой, Это было все, что он мог думать, все, что он мог видеть, все, что он мог слышать в темноте, старые воспоминания, смешанные с этой новой реальностью и пронизывающие каждую мысль, бодрствуя или спя, пока Люк не стал ходить босиком по маленькому пространству перед металлической койкой, которую он был прикован цепью, единственной частью морозильной камеры, до которой он мог дотянуться.

Где-то в глубине души он знал, что ему нужно найти способ преодолеть это, найти способ

преодолеть это и заставить свой мозг снова работать, но воспоминания об этой безнадежности постоянно приходили к нему, вытесняя любые другие соображения, оставляя его отвлеченным и дезориентированным, мысли в смятении, этот голос всегда шепчет, эхом разносясь во тьме, «

Чего вы боитесь, джедай? Что вы видите в темноте, когда приходят ваши демоны?» Звук его собственного движения в темноте, то, как изгиб стен круглой камеры заглушал и приглушал тянущуюся цепь вокруг его голой лодыжки, тупой, искаженный звук его дыхания в густой, неослабевающей темноте ... воспоминания и моменты постоянно взрываясь, вызванная привычкой камеры с изогнутым потолком, Палпатин, настолько отчетливый в мыслях Люка, что теперь он мог идти рядом с ним, стоял так близко, что Люк мог слышать его дыхание, когда он тянул его, чтобы говорить, ухмыляясь, что мертвая ухмылка, дрожащие пальцы, тянущиеся к тому, что он так обожал и чему завидовал, изогнутые, расколотые ногти цепляются за открытые раны;

«Мы такие же, ты и я... разве я не всегда говорил тебе, что мы... Мы такие же... это у тебя в крови...». Мара... она понятия не имела; без понятия. « Проклятие твоей линии... оно у тебя в крови». . В конце концов, когда он слишком устал, чтобы идти дальше, он снова лег на брезентовую койку, зная, что они подождут, пока он заснет, прежде чем они придут; это то, что вы сделали, вот как это работает. Острая колющая боль, когда он лежал, поднесла руку к основанию черепа - и там образовался шрам, чуть сбоку от позвоночника, кожа вокруг которого все еще опухла. Итак, теперь он лежал на боку лицом к стене в тишине, с закрытыми глазами, как во сне, и ждал... потому что все было лучше этого; все было лучше, чем воспоминания, которые могла вызвать эта клетка.

Ожидание... пробегая по фактам, как он знал их в уме, и проклиная свое решение остаться на встрече с Леей, зная, что что-то не так. Он снова вспомнил ее крепко сцепленные руки; ее начальные вопросы; « Можете ли вы прочитать мои мысли - конкретные мысли? '.

Он уже знал, что что-то не так, но не обращал на это внимания. Пусть это пройдет, потому что ему нужна эта встреча, чтобы работать; потому что он уже решил, что это будет последний раз. Либо они совершили какой-то прорыв, либо он отказался от этого плана и перешел к своей резервной копии, вместо этого используя встречу и семена, которые он давно посеял, чтобы расколоть Альянс. Итак, он остался - хотя он знал, что что-то изменилось, он остался.

Потому что он хотел, чтобы это сработало. Он хотел этого достаточно, чтобы игнорировать каждый знак. Люк тихонько рассмеялся над собственной умышленной слепотой; задним числом был пренебрежительным учителем. Его мысли вернулись к исаламири, которые прямо сейчас изолировали его от Силы. Он, конечно, знал об их существовании от Палпатина, хотя, насколько ему известно, очень немногие другие знали. И все же каким-то образом Мадин знал достаточно, чтобы использовать их для поимки Люка; знал достаточно, чтобы иметь их здесь сейчас - и он получил эти знания откуда-то. « Я не знаю», - прошипела Лея, поспешно предупредив: «Я не знаю, как они это делают».

Может быть, эту информацию передал Рис? Передал не только возможность добраться до Люка, но и способ удержать его, наркотики, чтобы контролировать его, и единственный метод, который мог изолировать и ограничить его. Передал их, потому что хотел убрать Императора, которого считал слишком снисходительным ... передал их человеку, который воспользуется ими, потому что считал нового Императора недостаточно снисходительным. Это было пустым кольцом сухого веселья во многих отношениях; попал в ловушку между камнем и наковальней, однажды из-за того, что был слишком снисходительным и чрезмерно снисходительным в зависимости от того, кого он слушал, и снова оказался в ловушке, потому что Люк знал, что Рис был предателем - знал давно - но он позволил этому лучше стоять, чем рисковать потерять

Натана, одного из его последних по-настоящему доверенных друзей, желая подождать, пока Рис не сделает что-нибудь значимое, чтобы изобличить себя.

Он снова засмеялся задним числом; будь осторожен в своих желаниях. . Он все еще лежал на боку, когда шипение герметичного уплотнения заставило его повернуться, вздрогнув, когда двойные двери открылись с ступенчатым скрежетом, заставив его вздрогнуть от внезапно вспыхнувшего яркого света. Вошли два солдата с уже натренированными ружьями - новые лица; никогда не держите одних и тех же людей на заключенном, никогда не позволяйте никому познакомиться с заключенным или выработать какие-либо привычки, которые он может использовать; Мадин всегда был хорош. Вошли еще двое с небольшим тяжелым металлическим столом. За ними, шумно волоча стул по грубому полу, шла Мадин.

Люк нахмурился, не зная, что происходит. Стул был наполовину брошен в центр комнаты, когда первые два охранника вытащили Люка, освободив его галстук от каркаса койки и перетащив его к стулу, заставляя без надобности опускаться вниз, поскольку он все равно сидел, тяжелый стол волочился перед ним . Короткая перекладина, которая соединяла его запястья, была привязана к крюку в центре стола, прежде чем они ушли, ни разу не встретив взгляда Люка.

Освободившись, Люк все еще мигал против света и огляделся. Еще двое охранников вошли до того, как дверь закрылась, на этот раз остановившись в дальнем конце камеры, чтобы наклонить опоры для ног обычного трехлинзового голографического диктофона и направить его на него. Игнорируемый всеми, Люк наблюдал за целенаправленной активностью, гадая, был ли это первый допрос, что бы они вообще спросили. Наконец Мадин вышел вперед, остановившись только для того, чтобы бросить на стол авточитатель.

«Прочтите это вслух», - просто сказал он, уже отворачиваясь. Нахмурившись, Люк неуверенно потянулся вперед, кончики его пальцев едва касались авточитателя, так что он смог нащупать его и неуклюже перетащить обратно через стол, чтобы посмотреть на экран. « Я делаю это заявление, чтобы признаться в том факте, что в прошлом я добровольно и добровольно работал над передачей конфиденциальной военной информации между противостоящими силами, таким образом сознательно совершая...»

Люк убрал авточитатель: «Нет шансов». Мадин отвернулся от человека, который настраивал голографический диктофон, и направился обратно к столу, широко взяв автореадс и схватив Люка по лицу, так сильно ударив его головой в сторону, что он увидел звезды. . «Это не была просьба», - прошипел он, отталкивая читателя обратно. Люк лизнул внутреннюю сторону своей щеки, осознавая, что укусил ее, но все же он стоял на своем. «Я говорю это и признаюсь в шпионаже». Неужели Мадин действительно думал, что он такой дурак? он имел такое же наказание в Альянсе или Империи; смерть.

«Позвольте мне сделать это очень легко для вас», - сказал Мадин, вытаскивая пистолет из кобуры и швыряя его на стол за пределами досягаемости Люка, его рука оставалась на прикладе, а палец касался спускового крючка. Он взял самочитатель и снова сильно ударил им о стол рядом с Люком, и когда Люк взглянул на него, Мадин подняла бластер и приставила его к голове Люка... С решеткой Клак , безопасность отпущена, дуло бластера Мадина давит сильно на кости черепа Люка.

Внезапно у Люка возникло интенсивное воспоминание - в Императорский дворец давнымдавно, когда Палпатин был еще жив; стоять с беспокойной Марой на открытом балконе своей квартиры, все еще оправляясь от покушения: « Мара, я только что пережил взрыв с четырьмя щелчками в упор - как вы думаете, насколько вероятно, что один выстрел из бластера

собираешься меня сбить? "

"Прочтите это". - прорычал Мадин. Люк стиснул челюсти, мышцы напряглись... но он не оглядывался на авточитатель. Мадин двинулась вперед, бластер слегка дрожал, едва уловимая дрожь касалась черепа Люка. "Лично я бы сразу нажал на курок прямо сейчас, но они хотят сделать это правильно, они хотят, чтобы ты предстал перед судом - и если это так, мне нужно это признание ... так что ты собираешься дать мне Это." «Я так не думаю». Генерал весело поднял брови. «Ты думаешь, мне не все равно, как я это получу».

Люк слегка кивнул, твердое дуло пистолета двигалось вместе с ним. «Видишь ли, я задавался вопросом, сколько времени тебе понадобится, чтобы отказаться от политики Альянса, Мадин. Я должен признать, хотя даже я дал тебе больше двух дней». «Палки и камни сломают мне кости, но слова никогда не повредят». Мадин прочитал старый стих, затем остановился, ухмыляясь. «Давай попробуем, ладно? Ты можешь сказать слова... У меня будут палки и камни - и, возможно, несколько высокотехнологичных помощников - и мы посмотрим, кто истечет кровью первым». "Смешной." «Я не шутил. Прочтите». Люк медленно и тяжело вздохнул, каждый нерв в его теле звенел под давлением бластера, его мысли гудели ... « Вы не можете бояться»; Голос Палпатина в камере, очень похожий на этот, давным-давно шептал Люку сквозь стук его сердца в ушах. «Ты не можешь бояться .

Я научу тебя ничего не бояться, потому что я заставлю тебя прожить их всех и выжить в какой-то форме. Я возьму этот последний страх, саму смерть, и заставлю тебя смотреть на нее, потому что она держит больше никакой тайны; я буду подталкивать вас к этой грани так часто, что это станет вашим старым другом, желанным освобождением ... "

Холодная дула бластера скользнула по его коже, когда Люк поднял голову, чтобы посмотреть Мадин в глаза. «Если бы ты собирался убить меня напрасно, я уже был бы мертв. Так что я скажу это еще раз; я не читаю это. Ты хочешь убить меня за это, а затем покончить с этим и нажать на курок».

Удар был нанесен ударом слева от веса бластерного приклада в руке Мадина, ограничения Люка не давали ему перекатиться с ударом, который попал ему в висок и отбросил его голову в сторону. Он медленно выпрямился, но Мадин мгновенно оказалась там, схватившись за ворот выцветшего летного костюма, который был на Люке, трясла его прямо, когда он наклонился ближе, прижимая бластер к виску Люка. "Вы знаете, как это происходит; я могу сделать это очень, очень неудобным для вас ... на самом деле, поверьте мне, я просто ищу предлог, чтобы сделать это. Я думаю, что заслужил это право. Знаете почему? Потому что вы пересек меня. У тебя хватило наглости встать среди моих людей и заявить о своей преданности. Ты пришел на мою территорию и выставил меня дураком, и мне это не нравится. Я не терплю этого. Ты сделал это личным. "

Люк засмеялся, на самом деле засмеялся, голова все еще раскачивалась от удара. «Вот и все ? Я задел твое эго ? Ты маленький человек, Мадин». «В самом деле? Что ж, тогда этот маленький человечек станет смертью Императора, потому что это может закончиться только одним способом: что бы ни случилось, ты умрешь». «Ты думаешь, я этого не знаю?

Я только удивлен, что ты еще этого не сделал. Но я знаю еще кое-что о тебе, Мадин; ты не просто маленький человек, у тебя еще и узкий, ущербный видение. Убийство меня не уничтожит Империю - это не остановит ее. Или вы это уже знаете? Неужели это просто о том, чтобы причинить боль тому, кто причинил вам боль ... и вы принарядили это для всех этих людей вокруг вас, дали этому какое-то респектабельное оправдание ".

«Оправдание, которое устранил единственное величайшее преимущество, которое есть у Империи, и единственное, чего мы никогда не сможем получить - никогда не захотим; ситх, чувствительный к Силе. Я видел, что ваш вид может сделать, если представится возможность. Но удалите вас, и мы сведем это к равному сражению ... и я воспользуюсь этим шансом.

Прочтите это ". Люк снова взглянул на автомему: «Нет. Ты хочешь убить меня, а затем убить меня, но я не собираюсь давать тебе легких оправданий, чтобы спрятаться за ним. Я не собираюсь успокаивать твою собственную совесть или позволять тебе выйти из это безупречно ". Дуло бластера Мадина ни разу не прервало контакта, пока он внимательно изучал Люка.

«В каком-то смысле я бы хотел увидеть, как ты предстанешь перед судом - посмотри, какие истины откроются. Ты - худший из агентов; сколько имперских войск погибло на борту первой Звезды Смерти? Ты убил свою собственную только для того, чтобы сохранить ваше прикрытие нетронутым. Губы Люка скривились от малейшей улыбки, когда Мадин искажил истину.

«Это хорошо; очень умно». Дуло бластера чуть сильнее прижалось к его виску, ситуация уже выходит из-под контроля... контроля... Снова этот шепот, скрипучий, цепкий тон; «Возьмите под свой контроль, джедаи. Используйте тех, кто вас окружает; кого угодно, всех, всегда, несмотря ни на что. Переместите все к своему собственному намерению, потому что, если вы этого не сделаете, другие наверняка сделают это, а что вы предпочтете?» Взять под контроль; действовать, иначе вы будете вынуждены отреагировать.

Перестаньте отвечать на его вопросы и переверните их: «Похоже на кого-то другого, кого вы знаете? Как долго вы передавали информацию повстанцам, сохраняя при этом свое звание имперского генерала? Вы думаете, что из-за ваших действий не было смертей? Люди, которых вы знали ну, люди, рядом с которыми вы сражались и жили среди которых ...

Легкое движение пальца Мадина по спусковому крючку на мгновение заставило Люка замолчать, и это его больше всего взбесило. Сглотив теплую медную кровь во рту, он медленно выдохнул, наклоняясь вперед под давлением бластера в его голове. Либо покончим с этим, либо возьмем контроль.«Сколько повстанцев вы убили, когда служили Императору Мадину?

Вы были весьма знаменитым статистиком. Сколько стратегий вы разработали, сколько кампаний в пользу Палпатина? Как вы думаете, многих вы осудите, пытаясь остановить мирные переговоры, по обе стороны водораздела? Я всегда боролся за одно и то же, Мадин; я не чувствую необходимости подтверждать вам одно действие, потому что Rebel или Империял, где я стоял, не имело значения; я боролся за одно и то же; я всегда буду. Ты ... -

Люк покачал головой. - Я не думаю, что ты даже знаешь, за что сражаешься, не так ли? ... Я не думаю, что тебя это волнует. " «Я борюсь за свободу». «Хм», - Люк коротко и невесело рассмеялся, слегка постукав связанными руками по автопамяти. «Ваша свобода, ваш путь... где никто, кого вы лично не одобряете, не имеет таких же прав». «Вы не имеете права ни на что - вы отказались от этих прав, когда стали Императором». «Почему, потому что вы не одобряете? Это ваш смелый новый приказ, это Мадин?

Этот человек имеет право на правосудие, потому что я так говорю, но это существо не потому, что я лично его не люблю. Для меня это подозрительно похоже на диктатуру». Люк говорил с охранниками, которые молча стояли вокруг камеры, как сейчас, задавая им вопросы, потому что если хотя бы один из них слушал и начинал сомневаться в действиях Мадина ...

Мадин ударил кулаком по столу: «Альянс повстанцев...» «Альянс повстанцев хочет предать

меня суду, Мадин, ты сам это сказал. Я не вижу здесь присяжных, не так ли? Я серьезно сомневаюсь, что они согласились бы на такое признание. Что означает, что ты действуешь без их разрешения, не так ли... не так ли? " «Может, им просто все равно, как...»

«Не теряй дух, Мадин. Ты ведешь здесь свое собственное маленькое шоу, со своим собственным небольшим контингентом. Свою собственную маленькую Империю». Снова Люк обращался к своим слушателям, стоявшим около камеры, желая, чтобы они знали, что Мадин действует сам по себе - что он тащит их всех за собой. Мадин выпрямился, бластер, который он держал, отодвинулся на несколько дюймов, но оставался наведенным на лицо Люка, когда он заставил себя смотреть мимо него, чтобы удержать взгляд генерала, глаза Мадина опасно сузились от провокации. «Я был бы очень осторожен на вашем месте, потому что, если бы я вел собственное шоу, поверьте мне, вы не соответствуете требованиям».

«Хорошо, тогда нажмите на курок», - скрежетал Люк. «Давай, Мадин, я знаю, что ты сделал это в имперских камерах заключения с бесчисленным количеством заключенных повстанцев...» Подбородок Мадина слегка приподнялся, и в его глазах появилось понимание того, что делает Люк; осознание того, что Люк травил его на глазах у своих людей. «Вы ничего подобного не знаете». «О, я читал транскрипции», - кивнул Люк. «Я знаю все о вашей безвкусной маленькой карьере.

Должно быть, пребывание здесь сейчас является серьезным ограничением с теми, кого вы столько лет пытались стереть с лица земли. Действуя против течения, не так ли, все эти правила? нет ... может быть, именно так ты и проводишь все свои побочные мошенничества. Твои правила, твой путь, и все остальные закрывают глаза. Я уверен, ты говоришь им, что это неизбежное зло; что ты ... " Мадин поймал Люка ударом бластера по лицу, стукнув его зубами, и сама сила удара поразила его на долгие секунды - и на этот раз, подняв голову, он почувствовал, как теплая струйка крови хлынула из его нижней губы. и расплылись на его подбородке, он почувствовал, как он захлестывает его нос - и он знал, что выиграл этот раунд. Потому что либо Мадин снял запись признания того, кто явно только что был избит, либо ему пришлось подождать... так что Люк получил отсрочку. .

Через три дня после потери Люка Мара вернулась на Корусант в полном составе почетного караула на главной крыше дворцового монолита, как будто сам Император возвращался. Печати документов, относящихся к линии преемственности, были сломаны по просьбе генерала Арко и адмирала Джосса всего через день после поимки Люка, внутренняя элита Империи Люка стремилась сохранить стабильность и как можно скорее прояснить линию преемственности. , несмотря на беспокойство Мары. Встречаясь с Патриотом, все еще не оправившись от событий, она намеренно не присутствовала, когда командующий Клем, адмирал Джосс и генерал Рейсс предоставили трех авторизованных подписантов, необходимых в одном месте, чтобы иметь возможность открыть документ.

В ту же ночь она была приведена к присяге, и ее первым приказом в качестве Регента было ограничить доступ к информации о похищении Императора как можно меньшему количеству людей. Незавидная работа по передаче фактов Императрице на Корусанте выпала на долю начальника разведки генерала Арко.

Он также организовал встречу «Патриота» в трех часах езды от Корусанта с «Шпорой», «Фьюри» и «Бесподобным», их совместный выход на орбиту был спроектирован как безошибочная демонстрация военной поддержки и поддержки. Как бы она ни любила Д'Арку, Маре даже в голову не приходило, что может произойти какой-либо раскол в ответ на официальную линию преемственности, но генерал Арко, стремясь предотвратить любой потенциальный конфликт, развивающийся между королевскими домами и военные без

непреклонного присутствия императора провести их вместе, стремятся подчеркнуть, определение нынешнего режима следовать намерениям императора бесперебойно и к письму.

Впервые Мара осознала, почему Люк считал Д'Арку столь важным для постоянной стабильности; иметь ее в качестве модератора, который мог бы с готовностью держать в подчинении широко распространенные и чрезвычайно влиятельные Королевские Дома, было идеальным ответом на давнюю проблему, с которой боролся даже Палпатин. Фактически, Мара была вынуждена признать, что пронизательное включение и признание Люком Д'Арки, чтобы предоставить Королевским Домам признание и представление, которое они желали обеспечить, чтобы их постоянное подчинение, теперь, когда она была вынуждена взглянуть на картину в целом, было гениальная стратегия с одним маленьким недостатком... Кирия может быть полностью привержена Люку, а не Маре.

Она собиралась выяснить, как именно это будет происходить, подумала Мара; еще одна вещь, с которой нужно иметь дело, в то время, когда разделение ее внимания может потерять все. Выход из лямбда-транспорта и между многочисленными рядами имперских вооруженных сил был самым устрашающим, подавляющим и просто ужасающим моментом в жизни Мары на сегодняшний день - но, когда она совершила эту прогулку в одиночку, он побледнел по сравнению с гораздо более глубоким страхом, который она потеряла Люк навсегда.

Дворцовые чиновники и высокопоставленные лица уже ждали, кланяясь в знак признания своего нового регента и выходя так же неудобно, как чувствовала себя Мара. «Наверное, ей следовало надеть что-то более достойное, чем ее стандартный комбинезон», - подумала она, но тогда она понятия не имела, что ей надеть. Она подумала о Люке; попытался вспомнить единственный костюм одежды, который он носил, но имел лишь смутное представление о темной, мрачной одежде. Вместо этого на ум пришла ночь дамбы, чтобы объявить о его женитьбе на Д'Арке; о том, как проследить за Люком до балкона бального зала «Пейджант», о том, каким изящным он выглядел в коротком облегающем пиджаке безупречно сшитого черного саржевого костюма.

О том, что он держит ее; их танцев в уединении теплой ночи. Неловко обнаженная перед идеальными для парада рядами солдат, она почувствовала, как ее глаза снова стали стеклянными, и подавила желание вытереться о них. Она прошла эту прогулку тысячу раз по три шага позади Люка, совершенно комфортно, но теперь внезапно все взгляды были обращены на нее, а не на него; все ожидания - и это было устрашающе, ошеломляющим.

Было ли это то, что чувствовал Люк, каждый раз, когда он видел многочисленные ряды официального почетного караула? Не поэтому ли он так долго их ненавидел? К тому времени, когда он пришел к власти, Люк уже привык играть в политические игры за власть, как явные, так и скрытые, которых требовало его положение, но он никогда не чувствовал себя особенно комфортно с такими внешними проявлениями церемоний. Мара всегда приписывала это некоторой оставшейся части личной застенчивости Люка, но теперь, когда ей пришлось столкнуться с тем же зрелищем,

Она огляделась в поисках моральной поддержки, которую мог бы оказать Холлин, но его нигде не было. Он удалился в свои апартаменты в тот первый день, когда стали известны факты, и Рис был доставлен на борт «Эклиптики» уже в ограничениях, и с тех пор Мара не видела его ни звука, хотя знала, что он перешел на «Патриот». Будучи той, кто обвинил Риса и потерял Люка, у Мары не хватило духу надавить на него или усомниться в его отсутствии, но после всего двух дней его молчания она была удивлена тем, как остро она уже чувствовала отсутствие его присутствие.

День был нечетким: переназначение протоколов безопасности, сопоставление данных и организация встреч с постоянно растущим числом командного состава для наблюдения за совместным курсом действий оставляли у Мары отчетливое впечатление, что они не только пытались найти иголку в стоге сена. в попытке найти Люка, но эта попытка сделать это с огромным джаггернаутом, которым была имперская армия, была сродни попытке найти ту единственную иглу с помощью комбайна.

К ночи, несмотря на непрерывные встречи в течение дня, Маре не терпелось отделить 701-й от джаггернаута, разделить их на более мелкие группы и выйти вместе с ними на арену, которую она понимала и в масштабе, с которым она могла лично справиться. Все двигалось мучительно медленно, И так, к ночи своего первого дня на Коруكانте и третьего дня без Люка, когда она сидела за столом в личном кабинете Люка и смотрела в сгущающиеся сумерки, лелея свои разочарования, пока шли секунды, Мара начинала понимать, почему именно Люк склонность прибегать к помощи подобных Талону Каррде, если он хочет, чтобы что-то было сделано быстро и тихо; у нее уже было искушение сделать то же самое.

На самом деле, если бы у нее был способ связаться с ними, она, вероятно, уже сделала бы это. Она заперла дверь кабинета для уединения, уже чувствуя надоедливое чувство клаустрофобии из-за того, что ее повсюду преследуют телохранители Клема, независимо от того, насколько незаметно, понимая, как никогда прежде, насколько это может раздражать. Легкий намек на улыбку приподнял ее губы в тихой комнате, когда Люк криво назвал старую Королевскую гвардию своей «красной тенью», преследующей его всюду, куда он шел. Как правило, по другую сторону этого уравнения, Мара всегда была прямо на стороне Клема в любых дискуссиях о безопасности, но чуть больше чем через день искушение попытаться потерять свою охрану начало шептать.

Она всегда уважала Дворец и ту силу, которую он наделял, образ жизни, который Палпатин, казалось, считал конечной целью; поставил их превыше всего для Луки. Но теперь, здесь, без него, все это казалось пустой шарадой. Бессмысленная, бесконечная игра движений и встречных ходов, тяжесть галактики на ее плечах... неужели Люк так чувствовал себя?

Было ли это тем, с чем он жил последние два года, когда она так твердо верила, что он наконец-то достиг всего, чего заслуживает. Мара вспомнила с совершенной, наполненной Силой ясностью момент их совместного осознания ... вспомнила чувство непрекращающегося давления, которое подчеркивало ее восприятие его в тот момент, тот мимолетный момент, когда она почувствовала, как галактика вращается с могучей, неумолимой силой.

Вспомнил его давление, беспощадный скрежет, как сталь о сталь и кость о кость ... Все, что она хотела для него ... сейчас, сидя в одиночестве в его офисе за деревянным столом, она наблюдала за работой Люка очень часто и до раннего утра, все это давление и требования, страх сделать хоть одну ошибку Движение, уже заставляющее Мару дважды обдумывать каждое свое решение, подумала она... были ли эти старые ценности неправильными? Были ли они вообще ее или просто похмелье из другой жизни?

Жизнь, которая теперь казалась бледной и несущественной по сравнению с очень реальным страхом, что она может потерять то, что действительно для нее важно. Когда она медленно покачала головой, прижав руку ко рту, она снова почувствовала, как черное отчаяние сжимается в ее груди от страха, затрудняя дыхание, оставляя ее головокружение, тошноту и полную потерю. Перед ней в полупрозрачном свечении виртуального экрана был заблокированный устаревший файл с пометкой « Экстраполированные движения периферийного флота» , извлеченный из частной поисковой системы Люка.

Она прошла через весь спектр пропусков, ДНК, биометрических данных и паролей, и теперь все, что ей нужно было сделать, это ввести окончательный код; « Изумрудные глаза» . Код документа, оставленный только для глаз Мары. Это был план Люка, его конечная цель, его конечная цель для Империи, будущее которой он уже отдал так много, чтобы изменить. Все, что ей нужно было сделать, это открыть его и прочитать - но она не могла. Как-нибудь ... открыть файл, как он просил; даже подумать о том , чтобы сделать это, казалось признанием неудачи. Что он уже ушел. Что она должна идти дальше без него ... Все еще глядя, мысленно ища выхода, взгляд Мары упал на гладкие органические изгибы маленького потускневшего серебряного голопроектора, и она улыбнулась, узнав его в старину, гадая, сколько времени он на самом деле простоял на столе Люка ...

Я ни разу не видел, чтобы он ее играл, даже не знал, что в ней содержится. У него было мало личных вещей. Мара всегда задавалась вопросом, не потому ли, что в глубине души он никогда не хотел пустить здесь корни; никогда не хотел верить, что он останется. Она протянула руку и взяла знакомый предмет, изучая его, гадая, почему он здесь, что принесло ему такое редкое право; место в жизни Люка. Он был явно винтажным, с изящными плавными изгибами и плавными линиями - стиль, который она признала очень поздней республикой, вероятно, только дореформенной. Хотя дорого; элегантный, избранный предмет.

Мара перевернула его в руках, гравировка на его тактильных изгибах в некоторых местах стала гладкой из-за использования, потребовались долгие секунды, чтобы найти скрытый переключатель активации. Образ вспыхнул, совсем маленький; не выше ее руки, полупрозрачный, но все же яркий всплеск цвета. Женщина, вероятно, моложе Мары, с массой темных кудрей, падающих со сложного головного убора, явно относящейся к той же эпохе, изображение слегка колеблется, снято с портативного устройства. «

Не... Анни, не надо, я ужасно выгляжу». " Ты выглядишь красиво". « Я толстый». « Вы светитесь». " Стоп". « Но я возьму его с собой обратно во Внешнее Кольцо - возьму тебя с собой. Повсюду носить тебя в кармане». « Правда? Тогда возьми это; я люблю тебя, Анни. Я всегда буду». Мара слегка улыбнулась, подняв старинный передатчик, чтобы изучить последнее изображение неизвестной женщины, искреннее выражение которой застыло навсегда, обрамленное гривой темных кудрей, гадая, кто она такая; был ли это кто-то из юности Люка, и если да, то кто? А кем была Анни? Неизвестная женщина была очень хорошо одета, поэтому вряд ли она была из его детства на Татуине или его опекуна Беру Ларса.

Откуда Люк вообще это взял? Она не могла поверить, что никогда не спрашивала его, что она видела это так часто, но никогда не думала узнать, всегда считая само собой разумеющимся, что у нее было все время в галактике, чтобы спросить его ... Ее глаза были обращены сквозь полупрозрачное изображение обратно к более утилитарному виртуальному экрану, который ярко светился в темной комнате, и Мара оставила голо-излучатель, осторожно положив его вниз, когда его изображение потемнело, так что экран снова стал в комнате только свет, и это нежелательно. Она не могла этого сделать; не удалось открыть документ. Управлять своей Империей нельзя было ни здесь, ни там, бесконечная бюрократия и уровни управления, которые Люк с таким кропотливым трудом установил, легко могли спокойно работать в течение месяца или около того, откладывая и откладывая важные решения, придерживаясь схемы ожидания ... но сколько времени было сейчас?

Что, если бы это было ... Нет, она не могла этого сделать; не могла пройти через комнаты Люка, сесть за стол Люка и организовать флот для его поиска, когда она осталась здесь.

Она не могла быть здесь . С почти болезненной интенсивностью Мара осознала, о чем она так часто просила Люка, пытаясь ограничить его желание активно участвовать в реализации того,

о чем он глубоко заботился, потому что желание быть там прямо сейчас, с войсками на земле, это было притяжение к центру ее существа, которое было похоже на попытку встать на глаза обманщику.

Она не могла быть здесь, когда нужно было что-то делать; она просто не могла. Она просидела там в течение часа, чувствуя тошноту, тошноту от беспокойства... потому что она не могла открыть этот документ - она не стала . Не сейчас, не пока он был... Мара снова смахнула глаза, выпрямляясь; это были планы Люка, и она, черт возьми, вернет его сюда, чтобы он сам их осуществил.

Ей было все равно - ей было все равно, что он написал, потому что она доверяла ему делать правильные вещи... больше, чем Палпатину, поняла она; больше, чем она когда-либо доверяла Палпатину. И если бы она сломала эту печать сейчас, было бы ощущение, что она отпускает Люка; признать поражение. И она чертовски хорошо не была. Ни сейчас, ни когда-либо.

Поднявшись, Мара вышла из комнаты и, сопровождаемая своей красной тенью , провела остаток ночи, гуляя по пустым залам Дворца, сопротивляясь желанию вернуться, как Люк сделал это с пустынными пыльными покоями Палпатина, чтобы выкрикнуть свое разочарование и обвинения в пустых комнатах. . . Утро увидело, что Мара снова села за широкий стол Люка в личном кабинете в апартаментах Люка.

Почему именно она продолжала возвращаться в эту комнату, она не знала, за исключением того, что это была комната, которую она помнила, как он сидел час за часом, упираясь локтем в стол, опустив глаза, обхватив голову рукой, концентрируясь в задумчивой тишине.

В каюте уже ждали несколько десятков старших офицеров, и куча проблем, которые теперь были отмечены как требующие его личного внимания, составила пятьсот двадцать девять на авточитателе Люка.

За то время, которое потребовалось Маре, чтобы связаться с кабинетами Императора в Кабинете министров и убедиться, что система отслеживается и фильтруется, прибыли еще девятнадцать - и никто за пределами внутренней элиты даже не знал, что Люк еще не ушел. Дело не в том, что с этими вещами нельзя было справиться - те слои правительства, которые создал Люк, могли справиться с этим в краткосрочной перспективе - просто в этот момент Мара не могла этого сделать. Легкий стук в дверь заставил ее глаза подняться, когда Турис вошел, его нервозность была такой, что Мара могла почувствовать это даже на таком расстоянии. «Вы просили сообщить вам, когда придет генерал Рейсс, мэм... и... Императрица здесь.

Я показал ей Мраморный зал». Мраморный зал ; Само собой разумеется, что Люк уже давно призывал помощников и персонал следовать негласному правилу, согласно которому обычные посетители показывались в величественную, внушительную каюту, а личные друзья - в меньшую, но элегантную Белую гостиную. Всем, кто ожидал, что потребуется... дополнительное внимание было уделено Мраморному залу, вдали от дороги. Мара всегда находила эту невысказанную процедуру категоризации посетителей бесконечно забавной. Сегодня ей захотелось обхватить голову руками. «Спасибо, я скоро буду там.

Разве мы не хотели бы заставлять ее ждать?» Турис поклонился и вышел, явно не зная, шутка ли это или нет, и Мара вздохнула, глядя на консоль стола. Наконец она набрала контактный код и ждала... и ждала. Не получив ответа, она обратилась к стойке безопасности в кабинете помощника. "Да, мэм?" «Не могли бы вы назвать мне место на Натане Холлине?»

Последовала пауза, пока человек пропустил это через систему: «Я держу его как в своей квартире, мэм». «Отключите его связь и активируйте ее; подключите меня». "Да, мэм." Изображение охранника исчезло, когда каюта Натана, все еще темная из-за включенных фильтров приватности окна, объединилась на голокоммуникационном устройстве, установленном на столе Люка. Мара нахмурилась: «Натан... Натан, я знаю, что ты там, ответь мне... Натан? Ты действительно собираешься заставить меня спуститься туда?»

Приглушенная тень пересекла комнату, и Натан осторожно сел за свой стол в пределах досягаемости голообъективов, упершись локтями в стол и сцепив руки. Глаза были покрыты темными тенями, он выглядел так, будто выспался примерно столько же, сколько Мара за последние несколько дней, все еще одетый в те же вещи, что и на Затмении, его обычно безупречная одежда взъерошена и помята, рубашка и расстегнута шея.

«Мара». «Натан... какого черта ты делаешь?» «На самом деле... очень мало». Его мрачный, жалкий голос был тихим и тихим. "Кроме сидения и тушения?" «Что ж ... Мне есть над чем переварить, даже ты должен это признать». "А я нет?" «Вряд ли это твоя вина». «... Ты хочешь сказать, что это твое?» Натан медленно покачал головой: «Вез сказал мне ... столько раз, что он сказал, что реформы слишком велики, что Империя сбивается с пути ... но я позволил этому пройти. На самом деле, мне даже в голову не приходило. в противном случае. Это был Вез, понимаете ... это был Вез . Я безоговорочно ему доверял. "

«Мы все сделали Натана; он солгал нам всем». «Не то чтобы он солгал мне... и я этого не видел. Я действительно не видел». Мара в растерянном тоне его голоса колебалась от раненого горя. «Однажды ты сказал мне, что в некоторых вещах мы все слепы». Натан горько рассмеялся: «Я сказал, я сказал это... потому что хотел защитить Люка. Очевидно, я смотрел не в том направлении». «Натан, у меня нет на это времени. У меня нет времени на твое чувство вины, когда я сам виноват. Я был с ним в то время; я должен был его вытащить».

«Ты вообще не должен был быть в таком положении. Из-за меня». «Из-за Риса ». Натан, казалось, не слышал. «Вы знаете, что я был тем, кто изначально убедил Люка подумать о Везе, не так ли? Я сказал, что он... Я сказал, что у него доброе сердце. Я сказал, что ему можно доверять». «Натан, Люк уже знал. Он знал, что делал Вез; он знал некоторое время. Он решил подождать. Позволить Везу остаться». «Почему он... о Ситх!» Мара нахмурилась: «Что?» «О, пожалуйста, скажи мне, что это не из-за меня?» Мара тяжело сглотнула; до сих пор эта мысль даже не приходила ей в голову. "Я не..."

«О нет...» - теперь он безутешно держал голову руками. "Может ли это стать хуже!" «Хуже чем что - хуже, чем потеря Люка, или хуже, чем ничего не делать с этим, потому что ты слишком погружен в свои собственные проблемы, чтобы встать со своей задницы и сделать то, что Люк ожидал от тебя? Вы хотите знать, кто Люк верил - это был ты, Натан.

Ты всегда был ... больше, чем я, определенно больше, чем Рис. И я проклят, если я позволю тебе взорвать это сейчас, просто сидя там и тушившись ». «Мара, прошло три дня, и не было ни слова. Ты знаешь, о чем все думают... что Люк уже...». Он не мог заставить себя сказать это, и Мара, черт возьми, не собиралась ему позволять. «Послушайте меня - теперь вы меня слушаете; Люк возвращается. Он чертовски хорошо возвращается, и мы с вами сделаем все, что в наших силах, чтобы это произошло, вы меня понимаете?» Натан уже покачал головой. «Натан, ты не можешь оставаться там вечно взаперти. Ты бы не сделал этого, если бы это попросил Люк. Ты бы ему помог».

«Мара... какая от меня польза?» «Использовать? Прямо сейчас у меня около двадцати старших сотрудников в каюте, все они ждут, чтобы сказать мне, что, черт возьми, они намереваются,

это самая важная вещь в повестке дня. Арко ждет в кабинете, чтобы сказать мне, что на самом деле Это важно, у меня есть адмирал Джосс, высвободивший более ста шестидесяти кораблей, которые ждут, когда я скажу им, где начать поиски, у меня есть генерал Рейсс, желающий знать, на какие из этих кораблей отправить войска, у меня 701-й грызет немного ... и у меня есть Кирия Д'Арка, ожидающая в Мраморном зале ... и, честно говоря, я понятия не имею, что ей сказать. Но я знаю это; ты мне нужен здесь. Мне нужен один человек, которого я знаю, я могу полагаться на одного человека, которому я могу доверять. " Натан покачал головой, слова вылезли из бледного вздоха: «Тебе не нужна моя помощь, Мара. Ты никогда не нуждалась».

Мара колебалась секунду, ее неспособность признать какую-либо слабость вспыхнула, но вид Натана, выглядящего таким же потерянным и несчастным, как и она сейчас, дал ей голос. «Натан ... Я не могу сделать это в одиночку, хорошо? Ты счастлив?

Я не могу сделать это в одиночку, и ты единственный человек, который знает, через что, черт возьми, я сейчас прохожу, так что у тебя есть десять минут, чтобы помойся, переоденься и вставай сюда или помогите мне, клянусь, я, черт возьми, пойду туда и заберу тебя ". . . Мара остановилась у дверей в Мраморный зал, повернувшись, чтобы увидеть сгорбленную фигуру Натана рядом с ней. Небольшой и миниатюрный в лучшие времена, сегодня он выглядел как ходячая развалина - но, по крайней мере, он пришел. "Хорошо, как у нас здесь дела?" - тихо спросила Мара. "Как пуду. Как насчет тебя?" «Я думаю, что я заболела».

Натан кивнул, поджав губы: «Ну, по крайней мере, тогда мы выступаем единым фронтом». Мара выпрямилась, поджав губы: «Мы, черт возьми, впереди нее». . Кирия Д'Арка повернулся, когда они вошли в комнату, Мара испытала секунду слепой паники, что Натан просто останется там, где он был за дверью, и оставит ее войти в одиночестве, но глаза Д'Арки метнулись в сторону, когда ее лицо упало. растерянно нахмурилась, и Мара знала, что у нее есть поддержка.

Прошло долгие-долгие секунды, прежде чем Д'Арка нерешительно поклонилась от шеи, богатое алое платье, которое она носила, тихо шуршало, элегантные складки сходились. Она была абсолютно безупречной Императрицей, с высоко поднятой головой со всей грацией и силой духа, которые только мог проявить только такой человек, как она, губы чуть плотно сжаты, остекленевшие глаза быстро мигали ... безупречно проецируя часть раненой группы, обезумевшая супруга со слишком большой гордостью, чтобы когда-либо позволить больше, чем самая маленькая щель, показаться под фасадом фарфоровой куклы.

Официально одетая в темные брюки и приталенный пиджак, ее волосы небрежно собраны в тугую косу на затылке, Мара по сравнению с ней казалась серой, хрупкой и обиженной. Но одна мысль продолжала звенеть у нее в голове, то же самое, что она сурово говорила себе с тех пор, как вернулась во дворец в ожидании этого момента; Слова Люка в тот последний день на борту «Осы» о предательстве Риса; «Кирия сказал, что он на самом деле принял предложение напрямую». Это означало, что Д'Арка уже отправился к Люку с этим фактом; потому что он не сказал, что он знал, что Риис ушел в Кирий, он на самом деле сказал, «Кирий сказал ...» Кирия сказала ... Люк доверял ей; он всегда ей доверял.

Прямо сейчас этого для Мары должно было быть достаточно. Не в силах заставить себя открыть документ, который он оставил для нее, Мара изо всех сил пыталась учесть все, что она помнила из действий Люка как Императора, пытаясь в каждой ситуации задать себе эти два жизненно важных вопроса : сделанный? Что бы он хотел от меня сейчас?И как бы она ни пыталась убедить себя, что на самом деле Люк хотел бы, чтобы она ударила миниатюрную дебютантку по носу и выгнала ее из дворца, она знала, что правда заключалась в том, что Люк считал, что она ему нужна; требовалось ее сотрудничество, чтобы держать королевские дома в

порядке. Полностью верил в это. И если Люк Скайуокер со всеми его силовыми играми и махинациями нуждался в ней, то Мара Джейд, черт возьми, нуждалась в ней.

Она просто не хотела ее. Но поскольку она полностью намеревалась привести Дом Люка в порядок, когда он вернется, фактическое изгнание Императрицы из Дворца, возможно, не было политическим шагом, которого Мара очень хотела бы. И она дала обещание, свободно данное в ту ночь, когда они стояли одни в окружающих тенях балкона бального зала «Пышное представление», буйство шума и празднования на надвигающейся свадьбе продолжалось позади них, и ни один из них не чувствовал себя частью этого;

«Я спрошу тебя об этом в последний раз, и никогда больше не буду об этом говорить », - сказала она о его потребности в участии Кирии. Он сказал да; он нуждался в ней, нуждался в этом канале к Королевским Домам, чтобы стабилизировать будущую Империю.

Так вот оно что; был ли он здесь или нет, Мара дала это обещание Люку, и она, черт возьми, сдержит его; Кирия Д'Арка остался. Но это ни на секунду не означало, что ей это должно понравиться, подумала Мара, слегка кивнув: «Ваше Превосходительство». «Мадам Регент». Тишина; Мара услышала, как Натан нервно шаркает позади нее, и прервала это скорее из уважения к нему, чем из уважения к Д'Арке. «Я уверен, что вам сообщили, что в случае его отсутствия Люк оставил управление Империей в моих руках...» «Я хорошо осведомлен о документах, командир... мадам Регент. Я очень внимательно их проверила». "Я уверен, что ты это сделал". Д'Арка приготовился, неукротимый. «Я не уйду без боя». "Какая?" «Я не уйду без боя. Я имею такое же право быть здесь, как и ты».

Мара нахмурилась, уже не готовая уступить. «Прошу прощения, ваше превосходительство, но вы сделаете то, что вам велят». Подбородок Д'Арки чуть приподнялся: «Нет, мэм, я не буду. Я сделаю то, что требует мой долг, а именно, чтобы остаться здесь. У меня есть такое же право быть здесь, как и у вас, такое же право. вложить мою поддержку, мою силу воли и мою приверженность в безопасное возвращение Императора. Уверю вас, больше в глазах людей, чем в глазах любого анонимного телохранителя.

Так что, если вы думаете, что можете заставить меня уйти, я бы пригласил вас попробуйте. Вы можете быть регентом, но я императрица. Как вы думаете, кого поддержат люди? Как вы думаете, кого королевские дома вложат в свою силу? " «Это измена». "Тогда я предлагаю вам выполнить свою работу в качестве исполняющего обязанности главы государства и приступить к ее распространению до того, как она возникнет. Вы - регент, командор Джейд; вы не император и не императрица; помните об этом. больше. Ваша задача - обеспечить его дальнейшее процветание до возвращения Императора ... и сделать все, что в ваших силах, чтобы обеспечить это возвращение ".

Глаза Мары сузились: «И ты думаешь, я не буду этого делать?» «Напротив, я полностью верю в вашу готовность выполнить свой долг; Император не выбрал бы вас иначе. Но помните, я тоже был избран Императором, и это было нелегко. У меня здесь есть место; У меня есть ценность, цель, и я могу заверить вас, что я очень, очень способный. И я не позволю сорвать этот долг ». «И что же это за добровольный долг, ваше превосходительство?»

«Как это было всегда, мадам Регент. Продолжать стабилизацию и поддерживать Империю в соответствии с замыслом Императора до и после того момента, когда он вернется. С этой целью я поддержу вас, мадам Регент, потому что Император пожелал это ... но я не буду подчиняться ни одному из ваших приказов, которые я считаю противоречащими правящим принципам Императора. И я буду считать своим высшим долгом убедиться, что вы выполняете свой собственный долг с таким же усердием - и безопасное возвращение Императора будет

самым важным. несомненно, ваша основная цель " .

Мара неуверенно нахмурилась; было ли это реальным беспокойством ... или она просто защищала свое положение императрицы? «Тогда, возможно, ваше превосходительство, вы удалите себя и позволите мне выполнять свою работу». Д'Арка стояла на своем, олицетворяющая непоколебимую решимость: «Возможно, мадам Регент, вы скажете мне, чего именно вы достигли на сегодняшний день, преследуя такое?» "У нас есть более сорока линейных кораблей в последнем известном местоположении Императора, которые триангулируют возможные маршруты и передают эти координаты конвою приближающихся судов, которые работают над очисткой или исключением каждой возможности на радиальной основе. У нас есть более пятисот кораблей, которые были задействованы исключительно для поиска корабля, на котором был похищен Император.

У нас ежеминутно сверяется информация с данными, мы проводим полные собрания COS четыре раза в день, чтобы унифицировать нашу стратегию, и мы мобилизуем более половины военных, чтобы справиться с кризисом ». «Ясно... значит, вы говорите мне, что не знаете, где он, мадам Регент», - сказал д'Арка. «Я хотел бы знать, что вы делаете с этим фактом». Мы не учли все зарегистрированные как уничтоженные профессионально лицензированными взломщиками, но не зарегистрированные как просто списанные.

Мы определили тех, кто принадлежит к существующим группам контрабандистов, и заручаемся помощью Black Sun в отслеживании и устранении их из расследования. Все это по-прежнему оставляет нам чуть меньше ста тысяч грузовых судов, которые нужно выследить и отчитаться. Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время ». Мара сухо замолчала:« Возможно, вы захотите присутствовать на собраниях COS в будущем, чтобы избавить меня от повторения объяснений стратегий, столь многочисленных, что я » Я трачу следующий час на повторение. Я уверен, что вы первый согласитесь, что у меня сейчас есть дела поважнее ". но не зарегистрированные как просто списанные. Мы определили тех, кто принадлежит к существующим группам контрабандистов, и заручаемся помощью «Черного солнца» в отслеживании и устранении их из расследования.

Все это по-прежнему оставляет нам чуть меньше ста тысяч грузовых судов, которые нужно выследить и отчитаться. Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время ». Мара сухо замолчала:« Возможно, вы захотите присутствовать на собраниях COS в будущем, чтобы избавить меня от повторения объяснений стратегий, столь многочисленных, что я » Я буду тратить следующий час на повторение. Я уверен, что ты первый согласишься с тем, что у меня сейчас есть дела поважнее ". но не зарегистрированные как просто списанные. Мы определили тех, кто принадлежит к существующим группам контрабандистов, и заручаемся помощью «Черного солнца» в отслеживании и устранении их из расследования.

Все это по-прежнему оставляет нам чуть меньше ста тысяч грузовых судов, которые нужно выследить и отчитаться. Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время. Мара сухо замолчала. Я буду тратить следующий час на повторение. Я уверен, что ты первый согласишься с тем, что у меня сейчас есть дела поважнее ". Мы определили тех, кто принадлежит к существующим группам контрабандистов, и заручаются помощью «Чёрного солнца» в отслеживании и устранении их из следствия. Все это по-прежнему оставляет нам чуть меньше ста тысяч грузовых судов, которые нужно выследить и отчитаться. Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время ». Мара сухо замолчала:« Возможно, вы захотите присутствовать на собраниях COS в будущем, чтобы избавить меня от повторения объяснений стратегий, столь многочисленных, что я »

Я трачу следующий час на повторение. Я уверен, что вы первый согласитесь, что у меня сейчас есть дела поважнее ". Мы определили тех, кто принадлежит к существующим группам контрабандистов, и заручаются помощью «Чёрного солнца» в отслеживании и устранении их из следствия. Все это по-прежнему оставляет нам чуть меньше ста тысяч грузовых судов, которые нужно выследить и отчитаться. Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время ». Мара сухо замолчала: « Возможно, вы захотите присутствовать на собраниях COS в будущем, чтобы избавить меня от повторения объяснений стратегий, столь многочисленных, что я »

Я трачу следующий час на повторение. Я уверен, что ты первый согласишься с тем, что у меня сейчас есть дела поважнее ". Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время ». Мара сухо замолчала: « Возможно, вы захотите присутствовать на собраниях COS в будущем, чтобы избавить меня от повторения объяснений стратегий, столь многочисленных, что я » Я трачу следующий час на повторение. Я уверен, что вы первый согласитесь, что у меня сейчас есть дела поважнее ". Это одна из почти пятидесяти отдельных линий расследования, которые ведутся в настоящее время. Мара сухо замолчала. Я трачу следующий час на повторение. Я уверен, что вы первый согласитесь, что у меня сейчас есть дела поважнее ". "Я так понимаю, что кого-то арестовали?" «Кто-то содержится под стражей Империи».

Когда Д'Арка ясно знал, что блефовать было бессмысленно. "Их держат здесь?" Мара кивнула, осознавая, что Натан неловко идет за ней. "Intel". Глаза Императрицы сузились: «Всего один человек?»

Мара колебалась; если Д'Арка действительно рассказал Люку о Ресе, то есть один простой способ проверить; предложите частичный ответ сейчас и посмотрите, предложила ли Д'Арка остальное... когда она вздохнула, чтобы ответить, Мара также пришла в голову, что Д'Арка вполне может проверять тот же факт с Марой; Достаточно ли доверял Люк Маре, чтобы рассказать ей о своем разговоре с императрицей. Обе женщины смотрели друг другу в глаза, настороженно и расчетливо, в то время как Мара осторожно подбирала слова: «Пока все подтверждает наши данные, что во Дворце был только один человек».

Д'Арка заколебался, его глаза только один раз метнулись к Натану. - Понятно... могу я поговорить с вами наедине, мадам Регент? Мара сразу поняла, что Д'Арка установил связь и именно о чем будет разговор, - и с осознанием этого возникла непредвиденная проблема. Потому что теперь Императрица явно хотела поговорить дальше ... и Мара, черт возьми, не собиралась уступать Д'Арке Натану. «Коммандер Холлин - один из ближайших помощников Императора... что бы вы ни говорили, говорите вы при нем или не говорите вообще». Натан сделал полшага вперед, глухой тон его голоса дал Маре понять, что он тоже понимает, о чем будет разговор. «Нет, все в порядке, Мара. Я подожду снаружи».

«Натан, тебе не обязательно, это ..» «Я знаю, я понимаю. Я просто... я буду у Люка... в гостиной Императора». На секунду, когда он повернулся, чтобы уйти, Мара всерьез подумала, что Д'Арка собирается возразить против выбора Натана, где подождать... но она стиснула челюсть и придержала язык... Впервые за все, сухо подумала Мара. Тем не менее, к тому времени, как двустворчатые двери закрылись, то небольшое терпения, которым обладала Мара, истощилось. Д'Арка приподнял брови: «Ты бы предпочел, чтобы я говорил в его присутствии - правда?» «Просто скажи то, что ты хочешь сказать». "Ты держишь Вез Реса, не так ли?" «Эта информация засекречена». "Он передал им Люка, не так ли?" Глаза Императрицы сузились, когда она посмотрела на Мару. «Тогда я задумалась, почему он все еще жив». Мара покачала головой: «Это звонок Люка».

«Меня также тронуло удивление, почему Натан Холлин по-прежнему может идти, куда хочет». «Командир Холлин вне подозрений. Он не имел к этому никакого отношения». «Это очень широкое предположение». Мара покачала головой: «Нет, Натан вне подозрений. Люк доверял ему, и этого суждения для меня достаточно». Миндалевидные глаза Д'Арки снова слегка сузились, и Мара прокляла свое собственное неоднократное упоминание Натана по его имени, зная, что теперь Императрица, несомненно, сочтет Мару слишком близкой, чтобы сделать этот звонок.

«Простите меня... но Люк тоже доверял Везу Рису». «Вез был исключением». - просто сказала Мара. "Потому как?" Правда заключалась в том, что Вез был специально выбран и помещен Палпатином, потому что у него был «тихий ум», который трудно читать, но Мара не собиралась делиться подобным фактом с Кирией. «Вы можете обсудить это с Люком - когда он вернется». Д'Арка вздохнул с очевидным разочарованием. «Почему он оставил человека в положении, в котором он может нанести такой большой ущерб?»

Я сказал ему... Я сказал ему, что Вез Рис представляет угрозу». Ее глаза подошли к Маре, и в них было что-то похожее на призыв: «Он что-нибудь сказал тебе - он вообще мне поверил? Разве я не прояснил это?» И в мгновение ока Мара поняла, что смотрит на женщину, задающую себе в голове те же вопросы, что и сама Мара. Она пришла сюда сегодня утром, приготовившись к конфронтации, из-за обычного неприкрытого презрения Д'Арки ... но факт был в том, что, как и все остальные, Д'Арка подвергал сомнению ее собственные действия, обеспокоенный тем, что она каким-то образом была ответственный за это, такой же виноватый и раздражительный, как и все остальные. Мара кивнула, ее голос был немного более терпимым: «Он знал, что Вез представляет собой угрозу».

"Тогда почему он не действовал в соответствии с этим?" «Ты думаешь, я не говорил ему этого десяток раз?» «Иногда он совершенно невозможен! Все приходит перед ним - это как патологическая навязчивая идея!» «Я сказал, что...» Мара прервалась, внезапно осознав, что они с Д'Аркой действительно соглашаются; они оба были в ярости и разочарованы, и на этот раз не друг на друга. Взволнованная, она быстро отвела взгляд. "Люк имел небольшую команду из Intel, наблюдающую за ним. Все действия Веза во дворце были проверены и проверены перед отправкой, и его доступ к конфиденциальной информации был уменьшен; он не мог нанести вред Империи, Люк позаботился об этом . "

Мара неуверенно посмотрела вниз: «Что касается того, почему он оставил его одного... я бы хотела сказать». «Он защищал свою Империю, но не себя». - разочарованно сказала Кирия. Мара понимающе кивнула: «Звучит правильно». Д'Арка нахмурился, немного успокоившись, когда она подумала; «Я должен был знать, что он уже знал. Он сказал... когда я сказал ему, что Вез Рис работал против него, его единственным вопросом было, выступлю ли я в суде и дам показания против него». «Ему не нужно было судебное дело», - сказала Мара.

«В любом случае он мог бы выступить против Риса». Д'Арка кивнул: «Я тоже это сказал! Я сказал, что он Император, он выше общего закона». «И он сказал, что никто не был выше закона». Мара осознанно закончила. «Так не может быть», - абсолютно убежденно сказал Д'Арка. «Чтобы быть защищенной, необходимо обладать властью, и определенные законы являются абсолютными; они должны быть такими. Даже подозрения в подстрекательстве к мятежу следует строго пресекать. Не может быть никаких оттенков серого, никаких смягчающих обстоятельств - не в этом».

«Взгляд аристократии», - подумала Мара; монархия была неоспоримой и категоричной. Это была та бескомпромиссная сила веры, которую Люк всегда стремился использовать через Д'Арку, зная, что с ее помощью он может повернуть путь Империи. На долю секунды она

позволила себе погрязнуть в страхе, что теперь этого никогда не произойдет... затем она решительно сжала челюсти. «Что случится с Везом Рисом, решать Императору». "Но вы допросили его?" «Специалисты Arco Intel несколько раз брали у него интервью». - спокойно сказала Мара, зная, что гнев Д'Арки был ее заботой о Люке, а не критикой.

"И что он сказал?" «Ничего, но он бывший имперский гвардеец, поэтому он будет сопротивляться методам допроса». Д'Арка кивнула, не впечатленный. "Он устойчив к лекарствам?" Мара посмотрела вниз: «У нас нет никакой дополнительной информации об их использовании, только те же факты; он действовал один, добровольно передавая информацию о Восстании с единственной целью устранить Императора. У него не было контакта с теми, кто передавал информацию. и не знали, что они будут делать ". «Но мы знаем, какая информация была передана - была ли информация о... способностях Императора, которыми теперь обладает Восстание?»

Мара нахмурилась, вспомнив исаламири... неужели Рис передал это - она не читала об этом в показаниях во время интервью. И если да, то какую еще конфиденциальную информацию им предоставил Рис? До сих пор она избегала любых контактов с Рисом с того первого дня на борту канонерской лодки - могла ли она позволить себе это дальше? «Насколько нам известно, командующий Рис не утаивает никакой информации».

«Вы исчерпали все виды наркотиков - уверены, что располагаете всей информацией?» «Извините, я не могу сейчас сказать, что у нас есть, а что нет». она с трудом могла признаться Д'Арке в том, что приказала Арко сдерживаться, используя несколько наиболее сильных крайностей, принимая во внимание следующий набор предстоящих законодательных актов Люка. Те, которые, как она знала, должны были стать законом в день похищения Люка.

"Вы использовали триклиптидины?" Мара подняла голову, удивленная тем, что Д'Арка обладал такими специфическими знаниями. «Нет... нет, мы этого не сделали». "Могу я спросить, почему?" «Они собирались объявить незаконными в следующем пакете законодательных актов. Положения, которые должны были быть приняты четыре дня назад». "Были ли они приняты?" «Нет, законодательный орган все еще на моем... на столе Люка». «Тогда они не еще незаконно?» Мара подавила искушение: «Во всем, кроме имени».

«Эти лекарства были изобретены Империей именно для этой цели». «По приказу Палпатина, а не по приказу Люка. Если Люк издал указы, запрещающие их, то я не буду их использовать, точка». Действительно ли она делала это - фактически выступала против режима, с которым выросла; режим, в который она так долго верила, был безупречным? Д'Арка только нахмурился: «Так вот и все, ты не собираешься их использовать?»

«Они были объявлены незаконными по приказу Люка. Я не собираюсь отменять это, - твердо сказала Мара. «Ты только что сказал, что считал своим долгом удостовериться, что я не сделал ничего, что противоречит правящим принципам Императора, и теперь ты хочешь, чтобы я начал действовать вопреки его приказам всего через четыре дня?» «Я хочу, чтобы ты вернул его». - сказал Д'Арка, не обращая внимания на огонь в голосе Мары. "Я собираюсь." "Тогда поговори с Везом Рисом!" «Intel уже делает это». «И вы уверены, что эти анонимные следователи знают Императора лучше, чем вы, - его уникальные сильные и слабые стороны?»

Что они будут знать, по каким причинам следует следовать и какие вопросы преследовать, основываясь на небольших фактах, которые могут пройти мимо любого, кто не был знакомы с возможностями Императора, вещи, которые может понять только кто-то из близких ему людей и знакомых с этими способностями? " Мара знала, что это был веский аргумент... так почему же она откладывала его на потом? Почему она однажды не была рядом с Рисом?

«Завтра», - сказала Мара, кивнув головой, раздраженная тем, что ее позвали. «Я сам возьму у него интервью завтра». «Завтра слишком поздно, мадам Регент». Д'Арка приподняла подбородок, глядя на Мару с нескрываемым вызовом. «Сейчас едва достаточно. Я сам возьму у него интервью, если понадобится». «Вы думаете, что это так просто - вы просто заходите туда и начинаете задавать случайные вопросы». «Возможно, у меня нет опыта, но у меня есть решимость». Мара приподняла бровь, у нее была свежая мотивация обрести самообладание и решимость. «К счастью, у меня есть и то, и другое».

Люк лежал без сна, глядя на изгибы стен камеры, которые он не мог видеть в темноте, заставляя себя думать; анализировать факты, а не просто позволять своему разуму снова блуждать по бесконечным воспоминаниям, которые эта комната могла вызвать просто своим существованием. Даже в темноте и благодаря восприятию более приземленных чувств он требовал признания; глухая тишина его собственного дыхания на фоне изгибов стен, запах очищенного хирургическим путем кислородного обмена, шипение белого шума внутреннего фильтра, холодный холод ненагретого воздуха. Каждый вздох, каждое дыхание и каждое движение передавали знание этой камеры, в которой он был заключен, даже без Силы.

Без Силы... он медленно моргнул, концентрируя свои мысли; это было похоже на внутреннюю дрожь, на мгновенный проблеск пропасти в темноте - и не в первый раз возникла тревожная мысль ... что, если бы он умер здесь, никогда больше не прикоснувшись к ней, размеренное эхо вселенной, пульсировала так долго в его сознании, что стала такой же знакомой, как биение его собственного сердца.

Он снова вспомнил свой кошмар всего несколько месяцев назад... только, конечно, это не был кошмар; это было видение, отголосок будущего, мгновенное впечатление об этой клетке, то же ощущение непроницаемой пустоты внутри силы, людей и событий, закрывающих прошлое, кружащихся вокруг него, шагов вдаль, но в нескольких световых годах от него. поскольку он оставался в ловушке этого совершенного, пустого пузыря изоляции, созданного исаламири... только он не осознавал его в то время. Исаламири; он засмеялся только один раз, звук заглушил камера; исаламири. Умный ход; он бы никогда не передал планы в камеру - по крайней мере, колебался бы; попал в эту ловушку, предупрежденный - если бы он знал этот жизненно важный факт. Исаламири.

Люк обнародовал планы камеры только для того, чтобы заставить Рису совершить ошибку, полагая, что это больше не угроза, что она не может удержать его. И этого не могло быть... если бы у него был доступ к Силе. Теперь - они могли поместить его в безопасную комнату с парой переплетов, и он оказался бы в такой же ловушке, как и все остальные. Люк снова нахмурился, заставляя себя сосредоточиться, чтобы изучить этот факт; в ловушке, как и все остальные. Итак, вопрос был в том, зачем все это? Зачем вообще возиться с камерой?

Палпатин много раз использовал камеру, но он также был в контакте с Силой; он чувствовал связь Люка; знал, когда сила Люка превзошла даже способность этой ячейки удерживать его, и соответственно изменил свою тактику. Теперь все было иначе; эти люди имели дело с абсолютным неизвестным, с чем-то, чего они не могли ни видеть, ни слышать, ни измерять. Да, они использовали исаламири, чтобы прервать контакт Люка с Силой, но... они построили камеру, потому что у них не было возможности измерить, мог ли Люк получить доступ к Силе в любой момент времени; нет возможности убедиться, что исаламири работают, или насколько полностью они разорвали контакт.

Невозможно знать, что с присутствием исаламири любая дверь с замком и ключом сможет удержать его. Они не знали, что сработало, а что нет, и в какой степени... поэтому они использовали все средства, которые у них были, чтобы контролировать его, все слухи и методы,

которые когда-либо слышали. И это сработало. Но все эти резервные копии закрывали один жизненно важный недостаток; они не знали, что было эффективным.

Они работали вслепую - и люди, работающие вслепую в нестабильной ситуации, могли легко совершать ошибки, даже не осознавая этого ... Свет заливал и вспыхивал через изогнутую сферу камеры, двери открывались с тем же медленным скрипом, что и раньше; как-то иначе - отличается от оригинала. Как? Все еще вздрагивая от непривычного света, внимательно следя за медленно открывающейся дверью, Люк едва увидел молодого человека, который вошел и прошел по широкой дуге к дальнему краю круглой камеры с куполом.

«Еда». Солдат поставил пластиковую чашу на пол внутри широкого, грубо нарисованного круга и осторожно отступил. Люк встал, окоченевший и болезненный, рука автоматически потянулась к шраму у основания черепа. Опухоль исчезла, оставив глубокую боль ... и если Люк прижался к ней, он мог просто почувствовать край чего-то твердого.

Он хотел верить, что это следопыт, но знал, что это неправда; на Татуине в юности он часто видел рабов в крупных поселках, и любой в любом подводном мире знал, что работоторговцы помещали дистанционные чипы в тела рабов, чтобы держать их прижатыми, обычно к позвоночнику или у основания череп.

Он обманывает себя, полагая, что это было что-то еще. Нахмурившись при этой мысли, Люк пошел вперед, едва дотянувшись до упавшей чаши на всем протяжении цепи вокруг его лодыжки, кивая в пол, когда он отступил и сел на край тяжелой рамы койки. "Умная." "Какая?" Люк поднял глаза, удивленный тем, что мужчина ответил. Никто из других не сделал. «Круг, нарисованный на полу; вот как далеко я могу дотянуться, когда прикован цепью к каркасу койки».

«Да, мы должны оставаться вне его, если мы заходим одни». Люк изучал мужчину, пока он говорил; он был молод, лет восемнадцати, с акцентом на ободе, светлыми волосами и в мешковатой ТАК форме, которая казалась ему слишком большой. По какой-то причине он сразу заставил Люка подумать о себе в таком возрасте. Он взглянул на еду; немного лепешек и перезрелой джуджи. Качество пайков тогда не изменилось за последние семь лет. В конце концов, понимая, что юноша не уходит, Люк взглянул вверх: «Что?»

«Я должен дождаться чаши». Люк взглянул на пластиковую чашу и рассмеялся, от этого действия снова открылась глубокая трещина на его губе и он вздрогнул. Все еще не отрывая глаз от тарелки, Люк наблюдал, как на нее капает идеальный кружок крови, пристально глядя в течение долгих секунд ... Голос юноши, неуверенный, но очарованный, с этого момента увлек его. "На что это похоже?" "Какая?" «Быть Императором». Люк невесело рассмеялся: «Сегодня это очень похоже на сидение в маленькой холодной камере, когда группа людей, которым вы когда-то доверяли, решает, как вас убить».

Молодой человек неловко отвел взгляд, и уже одно это заставило Люка присмотреться. Ему действительно не могло быть больше восемнадцати, вероятно, весь он был воспламенен праведным негодованием и революционным рвением, как Люк в том возрасте. Кроме того, он был самым молодым человеком, которого Люк видел и только что высказал свою виноватую реакцию, и, скорее всего, немного раскололся. Люк взглянул на теперь уже закрытую дверь, затем снова на юношу.

Сделав сознательное усилие, он отбросил все следы корусканского акцента, которые Палпатин так долго втиснул в него. «Так как же ты в итоге работаешь на Мадин?» Молодой солдат поджал губы: «Мы не должны с тобой разговаривать». «Вы не можете просто стоять там в

тишине и смотреть, как я ем. Послушайте, прямо сейчас на нас есть две защитные линзы, и, несомненно, несколько ваших друзей смотрят где-то на обзорном экране - я уверен, что если вы сказали что-то непристойное они дадут тебе знать чертовски быстро ". Солдат отвернулся, затем снова посмотрел на Люка: «Твоя... твоя губа кровоточит».

«Да, кто-то ударил меня прикладом из бластера по лицу. Какая-то боль». "Ты ... хочешь ... чего-нибудь за это?" "Нет. Они сделают это снова через несколько часов". Юноша снова отвернулся от намеренно провокационных слов Люка, но Люк все еще лелеял совесть в том возрасте, когда он был зеленым, невинным и слепо доверчивым. Когда все это было своего рода вдохновляющей помесью приключения и страсти; призвание в его жизни. Когда он все еще наивно позволял другим указывать ему путь, которым он должен идти, и диктовать, как все должно быть. Теперь, глядя на все ту же доверчивость юноши перед ним, Люк видел только возможность, которую нужно использовать.

Было ли это то, что Мадин увидел, когда впервые увидел наивного пилота, которым тогда был Люк Скайуокер, всегда готовый рискнуть своей жизнью ради чужих амбиций и целей? Опять же, был ли Люк каким-то другим, потому что он хотел сделать то же самое прямо сейчас. "Как вас зовут?" «Тэм ... Не думаю, что мне следует называть тебе мою фамилию». «Достаточно честно... но это на табличке с именем на твоей униформе». Тэм в панике взглянул вниз, прижав руку к груди... прежде чем понял, что у него нет такой метки.

«Не так давно здесь», - подумал Люк, когда молодой человек, нахмурившись, оглянулся на него. Люк еще раз беззаботно усмехнулся, как будто поделился шуткой, прежде чем посмотреть вниз, чтобы съесть еще немного лепешки. Он не хотел этого; у него шатается зуб, от которого от каждого укуса стреляет, но он хотел продлить солдатское пребывание в камере как можно дольше; хотел попытаться заставить его говорить. Как оказалось, это было не так уж и сложно; заговорил Тэм, выпалив слова, словно отчаянно желая узнать.

"Почему ты отпустил их в Фондор?" Люк нахмурился: «Что?» «Фондор - там рейд на верфи. Ты отпустил всех пилотов. Зачем ты это делаешь?» "Вы были там?" «Мой брат был. Кэл; он пилот. Вот почему я здесь; Кэл летает на миссии спецназа генерала, и он меня тоже. Он говорит, что они были мертвы в космосе, сидящие мишени, но вы позволили им все идти ".

Люк медленно кивнул: «Я отпускаю их всех». Тэм неуверенно нахмурился. «Мадин говорит, что все это было чисто политическим. Что вы играли в какую-то игру, и они просто оказались замешаны в этом. Он говорит, что вы могли бы так же легко убить их - что вы бы сделали это в следующий раз, даже не вздрогнув». «Мадин проецирует свои собственные узкие взгляды на ситуацию, которую он не понимает, и масштаб, о котором он не имеет представления». Люк уставился на молодого человека, который просто неуверенно оглянулся, моргая. «Я отпустил их, потому что у них не было причин умирать.

Потому что никто не должен был умирать за свои убеждения. Потому что это тоже не повод убивать - никто не может претендовать на это право. Я отпустил их, потому что они просто пытались делать то, что они считали правильным в сложной ситуации, - что ничем не отличается от того, что я пытаюсь сделать ». "Править Империей?" « Изменив Империю».

«Это... это все еще была бы Империя». «Но не империи.» Люк слегка колебался, гадая, как далеко он может зайти в этом, желая использовать эту возможность, прежде чем ребенок уйдет или кто-нибудь придет и ограничит его. Он хотел получить известие за пределами этой камеры, хотел встряхнуть ситуацию - потому что, если все, чего он добивался, заключалось в том, чтобы заставить только одного человека колебаться всего на одну секунду, прежде чем он выстрелит в Люка, это могло быть разница между жизнью и смертью.

«Но Империя, ваша Империя», - сказал Тэм. «Ты по-прежнему Император». «Я - просто не тот, кого вы думаете. Не тот, кто продолжит Империю Палпатина. Я человек, который уже отменил Указ о рабстве и Закон о классификации. Человек, который снова открыл Голонет. Человек, восстановивший власть. правовая система и включенные в конституцию неотъемлемые права. Я тот человек, который изменит ее полностью, со временем ... но это трудно сделать, если я умру ». Тэм отступил на шаг, неловко взглянув вниз.

«Говорят, вы попадете в суд». Люк протянул руку, чтобы вытереть кровь со своей губы: «Как вы думаете, Мадин позволит этому случиться - или что, если это произойдет, это будет справедливое судебное разбирательство?» Он сделал паузу; рискнул, основываясь на том факте, что он до сих пор не видел другого члена руководства Альянса, кроме Мадина.

«А почему я здесь, а не на Номе One?» «Мадин доверяет всем здесь...» - голос Тэма стал тише, немного менее уверенным. Тогда не на Номе One может быть, все еще на Wasp. Первое, что услышал Люк, было шипение вакуума в коротком коридоре между внутренней и внешней дверями разгружаемой камеры. «Мадин контролирует всех здесь», - поправил он, многозначительно взглянув на дверь. Раздался тяжелый щелканье нескольких защелок, наружная дверь открылась первой. «Это будет справедливый суд». - твердо сказал Тэм.

Внутренняя дверь теперь почти открылась, замкнувшись. Люк снова взглянул на Тэма. «Ваше руководство хочет справедливого судебного разбирательства», - подчеркнул Люк. «Вернись через несколько недель, когда Мадин станет немного более расстроенным и немного менее сдержанным, потому что я не буду зачитывать признание, которое он уже написал для этого справедливого судебного разбирательства...»

Внутренняя дверь открылась в комнату, заслоняя того, кто ее открыл, от Люка, хотя он все равно не сводил глаз с молодого солдата. «Одна неделя, Там; вернись, посмотри мне в глаза и скажи это еще раз». "Я должен идти." Тэм отступил, прерывая зрительный контакт и покачивая головой. Люк молча наблюдал, как тяжелые двери закрылись с грохотом, гадая, добрался ли он до молодого человека. « Вот почему я здесь. Кэл летает на миссии спецназа генерала, и он меня тоже...».

Тэм не был одним из людей Мадина; он оказался здесь случайно, а не по задумке. Ему нужно было снова поговорить с ним, вывести его наружу, чтобы... Люк замолчал, улыбаясь, облизывая кровь, которая образовалась на его губе, живо напомнив ему первые несколько недель под стражей Палпатина, Мара - его тщательно назначенный тюремщик.

Он вспомнил, как пытался вывести ее наружу, заставить говорить, установить какую-то связь в ситуации, столь похожей на эту ... Только нет, потому что, когда он говорил с Марой, он пытался установить настоящую связь, отчасти любопытство, отчасти надежду. Теперь ... теперь он стал старше и мудрее, и причина, по которой он хотел заставить ребенка говорить, была гораздо менее принципиальной; ему нужна была информация - о том, что было за пределами его камеры. Он хотел получить известие о том, что в нем происходит ... и он хотел, чтобы ребенок привык разговаривать с ним, чтобы, если дойдет до этого, он мог колебаться на долю секунды, прежде чем вытащить свой бластер. ...

И это может быть все, что нужно Люку. Возможно, в этом разница между жизнью и смертью... для любого из них. Он вспомнил, как Палпатин издевался над ним, забавляясь тем, что Люк купил жизнь Мары, упробив своего старого Учителя не убивать ее. «На вашем месте я позволил бы ей умереть» , - сказал он. Тогда идея была невысказанной. Теперь ... он не возражал с солдатом; не выступал против его взглядов, даже уважал его готовность бороться за них ... но это поставило его на путь Люка, и это было так просто.

Люк нахмурился, учитывая... он часто задавался вопросом, в свои последние годы с Палпатином и позже, действительно ли он был ситхом. Да, у него была совесть; да, порой это рвало его, как поворот ножа. Но в данный момент, если инстинкт возобладает ... это не остановит его, и он знал это. И если так... то же самое понятие снова поразило мысли Люка, когда он посмотрел на высыхающую каплю крови в чаше, которую оставил Тэм;

Палпатин все-таки победил? Эти слова, которые когда-то злобно шипели как высшая угроза, снова прошептали через мысли Люка; «Чего вы боитесь, джедай? Что вы видите в темноте, когда приходят ваши демоны?» Тяжелые опасения при этом сменились гораздо более быстрым осознанием, когда Люк уронил чашу, на которую смотрел, протянул руки и перевернул их, приподнявшись при этом, тревога настигла его;

Его кольцо; кольцо его матери. Это прошло. Мара прибыла в блок заключения сразу после рассвета пятого дня без Люка... она все равно еще не спала. Стоя рядом с ней, Натан выглядел таким же грубым, как чувствовала себя Мара, его большие карие глаза окружали темные круги от бессонницы. Она знала это наверняка, потому что они оба провели всю ночь без сна в кабинете Люка, просматривая постоянно увеличивающуюся стопку документов в папке «Входящие» и распределяя их по приоритетам в новые, меньшие стопки на основе быстро нацарапанных заголовков Натана: " Сделать сейчас », « Сделать позже », « Отложить » и « Попытаться игнорировать ». « Не думаю, что Люк так поступает ». - сказала Мара, криво взглянув на классификации Натана.

«О, у него есть категория « Попытайся игнорировать », - сухо сказал Натан, - он просто не записывает это». Однако большую часть ночи он работал в тишине, разговаривая только тогда, когда у него был вопрос, время от времени замедляясь до нуля и просто глядя на документы, не видя их, ясно мысля в другом месте, это выразительное лицо было ущемлено и уязвимо. Итак, Мара была шокирована, когда сегодня утром Натан решительно поджал губы и сказал, что хочет спуститься с ней в центр заключения ... и не удивился, когда, когда они подошли к двери камеры, Натан быстро отступил. покачал головой.

«Я не могу этого сделать - я не могу войти». «Вы не обязаны», - заверила Мара. "Я не ожидал, что ты это сделаешь". Он кивнул, почти сбитый с толку... затем, когда Мара выступила вперед, он протянул руку, чтобы взять ее за руку: «Мара!» Она повернулась, и он вздохнул, тревожно, но не в силах удержаться; "Вы не будете ..." «Я просто собираюсь задать ему несколько вопросов, Натан.

Вот и все». Он был так близок и с Везом, и с Люком; Мара не могла представить, что творится в его голове прямо сейчас, когда он узнал, что одно так эффектно обернулось против другого. Для Мары это была легкая, четкая линия; Вез был предателем, который сыграл важную роль в том, чтобы забрать у нее Люка. И она знала так давно; у него было время, чтобы преодолеть шок предательства, который сейчас испытывал Натан. Мара почувствовала легкий укол вины от осознания того, что она не рассказывала Натану давным-давно, но теперь, оглядываясь назад, она могла легко увидеть, где Люк сдержался, рассказывая Натану, просто потому, что он не хотел быть тем, кто пришлось довести этот раскол до Нат; не без уважительной причины.

И, конечно, Натан воспринял этот факт как огромный кусок вины; что Люк сдерживал его. Она нахмурилась при этой мысли, при собственной суеверной неспособности даже подумать об этом. И втайне, когда она подошла к открывающейся двери камеры, она задавалась вопросом, может быть, она, может быть, тоже немного завидовала Натану в выборе, которого у нее просто не было; выбор избежать этого. . К тому времени, как она вошла в комнату,

Мара высоко подняла подбородок, а лицо было высечено из камня. Вез Рис сидел у дальнего

конца длинного стола со связанными руками и внимательно следил за ней, пока она шла вперед. Мара отвернулась и положила принесенный ею ридер на стол - все по делу. Хотя это не было ее сильной стороной, она была более чем способна на такие допросы, проведя сотни допросов от имени Палпатина. Однако на этот раз она не могла заставить себя взглянуть субъекту в глаза, ее гнев уже закипал, ее челюсти сжались - и впервые она знала, почему она ни разу не была здесь; даже не слушал записи интервью, вместо этого читая их как транскрипции. Потому что, когда она села и посмотрела на свои собственные белые костяшки пальцев, держащих авточитатель, она поняла, что впервые за время интервью она может на самом деле уйти из глубины и просто броситься на предмет.

Вместо этого она глубоко вздохнула, пристально глядя на читателя, словно изучая свои записи, и воспользовалась моментом, чтобы собрать свои мысли в более нейтральное состояние, которое, как она знала, было необходимо. Не торопясь снова активировать систему записи на считывателе... прежде чем, наконец, она подняла голову, глядя Рису в глаза. «Это сеанс собеседования номер... одиннадцать. Командир Джейд проводит. Время шесть пятнадцать утра сорок пятого, пятого, третьего, Корусантский Стандарт». Рис слегка склонил голову набок с полуулыбкой на лице, его голос был очень спокойным.

«Рано вставать, Мара - это не похоже на тебя». Мара прищурилась и в тишине услышала, как ее собственные ногти царапают заднюю часть считывающего устройства, которое она держала в руке. Соблазн закричать, отвергнуть фамильярность, заставить его называть ее командиром Джейд и навязать это расстояние было почти непреодолимым. Но она знала, что вероятность того, что он сделает ошибку, будет выше, если он будет расслаблен, поэтому она упустила момент, слегка улыбнувшись губам и кивнув. "Занятый." «Я уверен ... Ты знаешь, что мне жаль, что все это обрушилось на тебя вот так, не так ли? Я никогда не собирался этого делать. Что ж, я хотел, чтобы ты пришел к власти, но ...» "Давайте просто пропустим валидацию, не так ли?"

Он сделал паузу на несколько секунд: «Я полагаю, вас повысили до Регента?» Мара ничего не сказала, не имея намерения рассказать Рису о том, что происходило за пределами этой камеры, но он только улыбнулся, оскорбительно довольный. «Это будет навсегда в течение месяца. Я надеялся провести вас через этот период; чтобы стабилизировать Империю и передать власть... вы станете великой Императрицей, мэм». Мара откинулась назад, прикусив щеку изнутри, сопротивляясь желанию спросить Риса, почему он хотел смерти Люка. Вы этого не делали; вы не увязли в личном мнении. Вы задавали вопросы, вы слушали и придерживались фактов ...

Рис пожал плечами; еще одна полуулыбка, которая действовала на ее оголенные нервы: «Я надеялась, что ты в конце концов придешь - и мы сможем поговорить». «Что ж, тогда сделай это того, что я потратил, или я клянусь, что выйду за дверь в течение минуты». Рис слегка откинулся назад, поза тела была очень открытой, но тогда он знал все техники. "Спрашивай о чем угодно." "Кому вы передавали информацию?" «Я уже сказал об этом Арко.

Насколько мне известно, это передавалось бывшему имперскому генералу Крису Мадину напрямую с использованием кодов, которые Император уже установил во время Восстания». "Вы использовали коды Люка?" «Да, конечно, не те, которые он использовал с Аргот. Более старые; те, которые, как он думал, он закрыл». Он наклонил голову: «Я не идиот». «Тебя все еще поймали». Она знала, что не должна была этого говорить, но в ту секунду она не могла сопротивляться. «Император тоже». Мара приподняла подбородок и прикусила едкий ответ; факты - придерживайтесь фактов . "Что именно ты дал Мадину?"

«Я уже отвечал на это примерно десять раз. Я иногда давал ему свидания - места, где мог быть Император, когда он был наиболее уязвим, количество охранников, частота связи и тому

подобное. Я никогда не передавал ничего, что могло бы повредить нас; я верен ценностям Империи ". Мара быстро постучала ногой по полу под столом, невидимая, каждый мускул был напряженным. «Вы также передали другую информацию - более конкретную информацию».

«Я сообщил Мадину предыдущие способы, которыми Император Палпатин удерживал Скайуокера, да. Ничего такого, что могло бы поставить под угрозу более широкую галактическую безопасность». Он сказал это так решительно, как будто это было чем-то, чем можно гордиться. «Вы передали информацию о камере, которую использовал Палпатин». "Да, я сделал." "Почему? Почему?" «В качестве убеждения. Аргот передал информацию о плане, который Мадин разработал некоторое время назад и который был отвергнут Восстанием как неосуществимый. Я дал ему методы, чтобы снова сделать его жизнеспособным...»

«Так ты знаешь, что намеревается делать Мадин?» Этого не было в сводках, которые она читала; почему он говорил ей сейчас? Рис медленно кивнул: «Скайуокер передал информацию Аргота о плане командиру Арко в отчете разведки, вероятно, чуть более года назад, помните? Это было еще одно покушение, но с изюминкой. Мадин хотел схватить Императора и надеть его. вирус в Голонете, чтобы взять на себя ответственность от имени Восстания ... затем, когда вирус был на пике, он убил его - вживую, в Голонете.

Нет больше Императора ». Мара была на ногах, когда он закончил последнее слово, бросился вперед, схватив ворот рубашки за плечи, ее запястья автоматически скрестились на его шее; задушить его; она могла сделать это легко вот так, даже с мужчиной телосложения Риса, сила ее рук больше при вытягивании наружу. Она знала, что ...

Слова Натана вернулись к ней в вспышке совести; «Мара, ты не...» В нескольких дюймах от его лица Мара почувствовала, как подергивается ее губа; разочарование, отвращение - просто перегрузка эмоциями; она не знала. Но она ослабила хватку, отступила ... Повернуться, чтобы машинально вернуться на свое место, было одним из самых трудных дел, которые Мара когда-либо делала в своей жизни. Она не торопясь поправила брошенный стул и снова медленно села, разум и тело гудели от желания дать выход своему гневу ... Вместо этого она наклонилась вперед, ее дыхание вырвалось с тихим шипением, когда она потерла лицо, адреналин и враждебность заставили ее почувствовать, что она зудит внутри своей кожи. Получите информацию...

Сильная головная боль формировалась за ее глазами от того, что пришлось так вежливо иметь дело с мужчиной, который отнял у нее все. Рис слегка двинулся: «Я знаю, ты думаешь, что я его предал...» " Думаешь ?! "

«Но я не мог служить и ему, и своей Империи. Я не мог оставаться верным им обоим». «Вы передали Императора повстанцам - вы не думаете, что это было вредно для Империи ?!» «Вы понимаете, мэм, это не какая-то личная обида. Скайуокер просто не тот человек, чтобы править». "По-твоему!" Мара зарычала, глаза горели. «Он демонтировал Империю». «Он был...» Мара замолчала; не было никакого смысла. Нет смысла спорить. Нет смысла говорить, что он был неправ - потому что он был неправ. Да, вы могли бы легко смотреть на это как на распад Империи; указы, ослабление военной силы, выравнивание по конституции они были меняющимся все; курс Империи. Она просто предпочла не думать об этом так.

Сначала она решила не делать этого, потому что доверяла Люку, но теперь... теперь, когда видны результаты - действительно ли Империя Люка стала менее стабильной? Что-нибудь менее законное? Или это было просто справедливее? Это пришло к ней в порыве осознания, настолько сильной, что это было почти головокружительной, почти эйфорической.

Потому что теперь, лицом к лицу с Рисом, Мара знала, что он столкнулся с мощным и ограниченным тоталитаризмом, олицетворявшим старую Империю. Она не хотела возврата той старой Империи; ни дня не оплакивал свою потерю. По правде говоря, ей не нужно было открывать документ, который Люк оставил ей, чтобы увидеть, что он намеревался; она уже знала ... знала, глубоко внутри, в течение долгого времени ... И в глубине души она давно знала, что так поступила правильно. «Он не годился для управления Империей Палпатина». - снова сказал Рис.

«Ради этой Империи - той, которую мы оба поклялись защищать - я должен был действовать». «Итак, вы дали Мадину возможность удержать Люка, пока он претворял свой план в жизнь». «Я дал Империи еще один шанс найти себя, восстановить свои ценности». «Продавая Императора человеку, который намеревается публично казнить его». «Но посмотрите, что это принесло нам, мэм: Империя объединилась против восстания, против язвы и слабости, которые распространились с этими предполагаемыми реформами.

Я дал вам Империю, которая будет следовать за вами в битве, мэм. Империя, которая больше не даст повстанцам пощады. Все, что ей нужно, это новый лидер. Кто-то с упорством и решимостью; с целеустремленной целью и четкой целью». "А ты думаешь, что это буду я ??!"

Рис откинулся назад, в его вере в свои способности явно не было недостатка, но она не думала, что они когда-либо были. Мара хотела кричать, кричать на него, что он был неправ; что она поддержит Люка в любом случае, что она будет следовать его планам в точности с тем же упорством, верой и приверженностью, как если бы он стоял рядом с ней. Что они были... Что они тоже были ее надеждами. «Теперь они последуют за тобой». - сказал Рис.

«Военные, королевские дома ... Я дал им справедливую войну, я дал им правое дело ... Мара понимающе нахмурилась. «Это было не только для устранения Императора. Это было для того, чтобы вбить клин между Империей и Восстанием, когда вы знали, что Люк пытается преодолеть этот разрыв». Она сжала челюсть, разъяренная и воинственная, сжав руки в кулаки.

Потому что он тоже дал ей повод, поняла Мара; дал ей повод драться... и Сила поможет ей, если они причинят вред Люку, она сделает это. Даже сейчас, зная все, она все равно их заводит. Она все равно направит на них все орудия флота, если они заберут у нее Люка. Рис покачал головой: «Скайуокер имел возможность подавить восстание много лет назад - ему просто не хватало решимости». Разрешить; Мара громко рассмеялась бы, если бы это было не так ужасно. Он уже проявлял это в каждом своем выборе; в его решимости изменить ситуацию ... По-своему, такой же силы, как у Палпатина.

Столь же видение. Все то упорство, драйв и дальновидность, которые Мара когда-то видела и так уважала в Палпатине, теперь она увидела это в Люке. У него хватило решимости придерживаться своей цели - бескровного переворота, в результате которого он сел за стол переговоров с теми, кто пытался его убить. Потому что он верил в нечто большее. Больше, чем жесткая, догматическая Империя, в которой он вырос, больше, чем узкое видение личного превосходства, которым так старался его связать Палпатин, - определенно больше, чем мелкие силовые игры Веза Риса. «Значит, вы отправились в Мадин, чтобы решить все свои проблемы?» - спокойно сказала Мара.

«Это должен был быть Мадин, которому я дал информацию. Скайуокер научился своему ремеслу у мастера манипуляций. Мне нужен был тактик, чтобы победить его - очень хороший. Как оказалось, лучший, кого я мог назвать, также был повстанцем. Генеральный."

«Но даже он не смог бы сделать это без помощи ... так что вы дали Мадину возможность поймать его в тот момент, когда Люк окажется незащищенным. И вы дали ему исаламири, чтобы обеспечить поимку Люка». Рис нахмурился: «Исаламири?» Она думала об их использовании; цепляясь за тот факт, который давал Люку и, следовательно, ей самой, луч надежды - потому что суть исаламири заключалась в том, что, если вы не были чувствительными к Силе, вы не могли точно знать, где их влияние начинается и заканчивается, а это означало, что вы использовали метод сдерживания, который невозможно было увидеть или измерить ... и такая неточность приводила к ошибкам.

Поэтому ей нужно было точно знать, насколько Мадин действительно знает о способностях существ ... И она думала, что Рис будет тем мужчиной, к которому можно прийти.

"Вы не дали ему эту информацию?" "Я никогда не слышал об этом." Рис не сводил глаз, пока он говорил, и даже с ее рудиментарным знанием Силы Мара знала, как и во время этого интервью, что он говорит правду. «Тогда как Мадин мог подумать, что он собирается держать ситхов под контролем, даже с помощью этой камеры? Вы не хуже меня знаете, что это не сработает». «Нет, это не...» Рис замолчал на долгие секунды с разочарованным воплем Мара выдернула остатки одежды и прислонилась к подушечке для рук маленького сейфа, вмонтированного в стену, когда Натан подошел ближе, все еще потерянный. Она распахнула дверь и потянулась внутрь, вытащив коллекцию поддельных удостоверений личности, микросхем памяти и небольших коробок, и просто бросила их, чтобы они упали на пол в своих безумных поисках. Наконец она нашла то, что явно искала, отступив в комнату с небольшой металлической коробкой в руках - той же маленькой металлической коробкой, которую сам Натан нашел в каюте Мары на борту «Патриота» три года назад.

И внезапно он все сложил. «О, ситх, нет, Мара... ты не...» Задыхаясь от беспокойства, Мара не ответила Натану, совсем не узнала его, с бледным лицом, когда она открыла крышку дрожащими руками ... Внутри находились два медицинских флакона размером с ее мизинец, в каждом по одной мерке грязно-коричневой жидкости... SK-seventeen, лекарство, которое Палпатин разработал специально для контроля над Люком. Лекарство, которое Люк приказал Рису уничтожить каждый образец и формулу, затем тайно приказал Маре проверить, что он это сделал. И Рис имел; он говорил правду; он уничтожил каждый образец ... именно Мара сохранила последние два флакона.

Люк сказал ей; он сказал в то время: «Это включает образцы, которые вы держите», и она... она взяла три флакона, которые хранила на Корусанте, и уничтожила их... затем несколько месяцев спустя она обнаружила еще два, спрятанных в ее каюте на «Патриоте» и... о, она должна была уничтожить их тут же; зачем она их хранила? Но у нее было.

Она вернула их на Корусант, заперла под замком и каким-то образом сумела убедить себя игнорировать их, полностью забыть об их существовании. В последний раз она даже думала о них, когда после полуночи ее вызвали к Люку в тренировочные комнаты во дворце, хотя она бы не воспользовалась ими; никогда этого. Флаконы скрипели и звенели друг о друга, когда она вытаскивала их, ее пальцы дрожали. «Они все еще здесь». От облегчения у нее закружилась голова, и она вздохнула, когда Натан вышел вперед.

Почему она их сохранила? Некоторое мимолетное воспоминание о приказе Палпатина никогда не быть без них, куда бы они ни путешествовали и Люк, мелькало даже сейчас в ее голове; абсолютная власть этой команды, его охристые глаза смотрели на нее, скрипучий голос требовал неоспоримого; никогда не быть без них. Глупый; она была так безрассудно безрассудна, чтобы удержать их, бездумно цепляясь за какую-то старую директиву, произнесенную давно умершим человеком, толкала флаконы в заднюю часть сейфа и изо всех

сил старалась забыть об их существовании, разрываясь между затяжной командой ее заброшенное прошлое и этот крошечный фрагмент страха, это краткое мучительное воспоминание о возвращении Люка во дворец, когда его отец был мертв; ярости, враждебности и обвинения в его глазах, когда он схватил ее и прижал к стене, крепко обхватив ее горло. Знание в эту секунду того, на что он был бы способен, если бы отказался от сдержанности и стал волком-ситхом Палпатина.

Но они были здесь; оба флакона были здесь, и, несмотря на подстрекательское заявление Риса, дело не в ней. Отсрочка заставила ее дрожать, тошнить, злиться на себя. Она уничтожит их сейчас; прямо сейчас.

Она протянула их, собираясь бросить на пол и раздавить... Натан протянул руку, чтобы поймать пузырьки, когда Мара выпустила их, и, когда она посмотрела на него, он поднял их к свету, долго изучая их профессиональным взглядом ... и снова этот ледяной колчан заставил ее позвонить и заморозить легкие ... «Они не такие». - тихо сказал Натан. "..... какие?"

«Они не такие, а вот эта только немного мутная». Он понизил их голосом тихо и совершенно ровно, как люди, когда они слишком зол, чтобы кричать. «Мы отвезем их в лабораторию и проверим, но я могу гарантировать вам, что затуманенное - подделка». Мара упала обратно на край кровати, ноги ослабли, голова кружилась, мгновенная отсрочка исчезла ... Потому что она это сделала. Она сделала это возможным. Рис всегда знал, что Мара была одной из немногих, кому доверили флаконы еще при жизни Палпатина; он, должно быть, задавался вопросом, были ли они еще у нее, должно быть, в какой-то момент вломилась и в своем собственном желании отрицать их существование Мара никогда не проверяла флаконы, старалась даже не видеть их. Ее дыхание оставило ее в тихом вздохе, тугая повязка сжала ее грудь, онемение овладело ее мыслями... она сделала это.

Она знала, что Натан наблюдал за ней долгое время, прежде чем она наконец подняла глаза, и он задал единственный вопрос, его голос все еще был пронизан сдержанным тембром человека, который знал, что если он начнет кричать, он полностью потеряет контроль. "Почему ты их сохранил?" «Я не знаю - я действительно не знаю». Она сказала Люку, что все они были уничтожены; она дала это заверение. Она ответственна за это. Воспоминания о том, как этот красный пучок расплылся в тумане, чтобы врезаться в стену позади нее и Люка на борту грузового корабля Rebel, вернулись с болезненным озарением, мгновенным представлением о его падении на палубу, когда дротики поразили ее разум. Он всегда говорил... разве он не всегда это говорил; «Моя судьба в твоих руках».

Лея шла по узким коридорам Осы, впервые чувствуя себя на грани в корабле Альянса. Изза Мадина; Мадин, который играл в свои собственные силовые игры. Мадин, раскалывающий этим Альянс надвое; Мадин, которая захватила и заключила в тюрьму своего собственного... своего брата. Хотя силовые игры Генерала кое-что ей дали; ей разрешил Тем не менее, в глубине своего сознания прямо сейчас, когда она шла по коридорам Осы за своими настороженными проводниками, она знала, что подсчитывает количество войск и ищет безопасность и защиту, если дело дойдет до драки. А поскольку четверо из шести спецназовцев, которых Таг Масса назначил Лее, были представителями Intel, она была почти уверена, что Таг думает так же, посылая обученные глаза и уши для получения ценной информации.

Тэг, конечно, был ее обычным эффективным человеком до того, как Лея отправилась на randevу, пытаясь дать ровный голос, когда Хан настаивал на установке передатчика на борту «Осы», чтобы они могли его отследить, а Лея была сдержанной. не желая рисковать своим открытием. «Что он будет делать, если найдет его, - сказал Хан, - сообщить Совету? Я так не думаю. В худшем случае, он найдет его и отключит». «И из-за этого становится еще более

неловко». - твердо сказала Лея. "Может ли он быть более неловким?" - прорычал Хан. Таг нейтрально пожал плечами: «Он мог бы передать Совету то, что он знает о Лее».

Хан откинулся на спинку стула, в котором сидел, потер лицо с очевидным разочарованием. Она знала, что он болезненно осознавал обратный отсчет дней, и, как и она, его мысли были о том, что произойдет, когда они достигнут нуля. Возможно, единственным ответом было передать это в суд; по крайней мере, это выиграет время. Но некоторые в Совете начали шептать, когда первая волна шока утихла; начинает задаваться вопросом, является ли суд с учетом продолжающихся реформ правильным курсом при любых условиях.

И Сила помогла ей, но зная, что Люк настаивал на начале мирных переговоров, Лея отчаянно хотела поддержать их. В более спокойный момент, незадолго до того, как Лея отправилась на Осу, начальник разведки снова выступил вперед: «Я предполагаю, что вы захотите поговорить с ним наедине...» Лея взглянула вниз; Тэг протянул небольшой скремблер для защиты от наблюдения, примерно в половину длины мизинца Леи и примерно такого же размера. Улыбаясь, Лея вытащила из кармана меньшее устройство защиты от слежки, которое Хан дал ей давным-давно, «Щелчок». "Могу ли я?"

Тэг взял устройство Леи и изучил его, затем протянул то, которое она предложила. «Возьмите этот, он не будет отображаться ни при каком видеонаблюдении, если он не активен в данный момент, плюс мы точно знаем, что он отключит любое оборудование наблюдения в пределах примерно десяти стандартных метров. Просто нажмите кнопку, чтобы активировать или деактивировать его - он магнитный, так что вы можете разместить его или оставить где угодно на борту корабля. Однако они узнают, что он у вас есть, как только вы начнете его использовать».

«Но если они признают это, они признают, что пытались подслушать». - сказала Лея, и Таг одобрительно улыбнулся. "Эй, хочешь работать в Intel?" Лея взяла маленькое устройство и остановилась; хотя она сомневалась, что они обыщут лидера Альянса, положить его в карман было не вариант, даже маленький. На мгновение она заколебалась неуверенно, затем вспомнив, она подняла руки и прижала их к внутренней части широкой кованной металлической направляющей, которую она носила булавками через заплетенный пучок ее волос, собранных на затылке. Теперь, когда она хотела, чтобы все заработало, ей оставалось только протянуть руку, как будто поправляя волосы, и нажать кнопку.

Тэг сделал еще один шаг вперед, когда Лея повернулась, чтобы сказать: «Мэм? Здесь». Она протянула небольшой короткий шприц для пробы из оргстекла с иглой, все еще запечатанной. «Прижмите его к его коже и хлопните по спине. Игла высвободится и возьмет небольшой образец». Лея подняла глаза, и Тэг пожал плечами: «Ты хочешь быть уверенным? Это точно. Не упускай это из виду и...» Тэг снова пожал плечами: «Я, наверное, спрошу первым». Лее пришлось улыбнуться. . .

Теперь она прошла в главный складской отсек на борту «Осы», где огромный купол был грубо сконструирован из мозаики из блокирующихся блоков из какого-то композитного материала, который Лея не узнала, - ряда тяжелых гибких труб, вставленных в его поверхность, уходящих назад. на то, что казалось Лее промышленной вакуумной системой, дребезжащей на своих тяжелых трубчатых опорах.

Все это выглядело неуместным и неуместным - прочная, громоздкая конструкция в центре огромного пустого трюма грузового судна. Она обошла его край вслед за своими четырьмя проводниками, все из которых казались встревоженными ее внешностью, так что Лея начинала задаваться вопросом, а не Мадин - который еще не потрудился показать свое лицо, хотя это

было скорее облегчением, чем пренебрежением - сказал кому-нибудь о ее скором прибытии. Когда они замедлились, Лея смущенно нахмурилась; она предполагала, что они обойдут купол и войдут в жилые помещения ... Один из людей Мадина ударил по промышленной распределительной коробке, грубо вкрученной в купол рядом с тяжелой дверью - и Лея поняла, что смотрит на конструкцию, которую они использовали, чтобы держать Люка в плену! Это была камера - это была его настоящая камера! Дверь открылась, и Лея жестом предложила командос подождать здесь, зная, что они не подпустят никого достаточно близко, чтобы подслушать, затем, расправив плечи, вышла вперед. . . .

В запертой камере Люк снова сидел привязанным к тяжелому столу, его пылающие глаза смотрели на запертую дверь; они будили его по крайней мере полдюжины раз прошлой ночью, каждый раз будили его и тащили к столу, чтобы заставить его сесть, привязывая его к крюку, вбитому в него короткой твердой стойкой, которая соединяла его запястья, а затем оставил его там, ожидая, один охранник всегда позади него, чтобы разбудить его, если он попытается положить голову на стол. В течение часа они вернутся, встряхнут его и утащат обратно на койку ... только для того, чтобы делать то же самое снова и снова всю ночь и то, что, предположительно, было на следующее утро, хотя он не имел реального представления о времени. больше нет.

Это должно было беспокоить его намного больше, чем это было раньше, но Палпатин так часто использовал подобные методы смягчения на протяжении многих лет, что теперь ментальная дымка и смутное головокружение, сопровождающие такого рода лишения, были если не комфортными, то, по крайней мере, достаточно знакомыми, чтобы он знал, чего ожидать и когда; это была всего одна ночь - он знал, что сможет сделать три, прежде чем начнутся судороги.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288261>